

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2024 № 4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 4

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 4

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Косарева Е.С.** Индия: развитие солнечной энергетики в начале XXI века **5**
- Чикризова О.С., Константинова Д.А.** Гендерные аспекты йеменского конфликта (2014–2023) **13**
- Кулькова О.С.** Феномен «параллельных» обществ в Великобритании (на примере роли этноконфессионального пакистанского сообщества: постколониальный дискурс и политическая реальность в XXI в.) **21**
- Филимонова А.Л.** Мусульманское политическое представительство в Телангане (2014–2024) **30**
- Взгляд зарубежного эксперта*
- Md Abul Hasan** (Bangladesh). Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State **39**
- Сергеева А.А.** Новые инициативы в рамках «мягкой силы» КНР **47**

Трибуна соискателя

- Запьянцев А.А.** Создание и регулирование цифровых платформ в Китае **54**

Научная жизнь

- Смирнов М.Е.** Африка и Азия в изменяющемся пейзаже мира **61**

Культура, литература, искусство

- Прожогина С.В.** О чем мечтают и что обличают писатели-магрибинцы XX–XXI вв. (эссе) **64**

Рецензии

- Астафьева Е.М.** «Большая игра» в Тихоокеанской Азии и политика России **71**
- Цветов Ю.П.** Вьетнамский взгляд на отношения с Америкой **75**
-

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК, ядро РИНЦ и в базу RSCI.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Kosareva E.S.** Evolution of India's Solar Energy Industry at the Beginning of the 21st Century 5
- Chikrizova O.S., Konstantinova D.A.** Gender Aspects of the Yemeni Conflict (2014–2023) 13
- Kulkova O.S.** The Phenomenon of “Parallel” Societies in Great Britain (Case of the Ethno-Religious Pakistani Community: Postcolonial Discourse and Political Reality in the 21st Century) 21
- Filimonova A.I.** Muslim Political Representation in Telangana (2014–2024) 30
- Foreign expert view*
- Md Abul Hasan** (Bangladesh). Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State 39
- Sergeeva A.A.** New Initiatives within Chinese “Soft Power” 47

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Zapyantsev A.A.** Creation and Regulation of Digital Platforms in China 54

SCIENTIFIC LIFE

- Smirnov M.E.** Africa and Asia in the Changing Landscape of the World 61

CULTURE, LITERATURE, ART

- Prozhogina S.V.** What Maghreb Writers of the XX and XXI Centuries Dream of and Denounce (Essay) 64

BOOK REVIEW

- Astafyeva E.M.** The “Great Game” in Pacific Asia and Russian Policy 71
- Tsvetov P.Yu.** Vietnamese View on Relations with America 75

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495-697-95-66
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

DOI: 10.31857/S032150750028440-6

Индия: развитие солнечной энергетики в начале XXI века

© Косарева Е.С.^а, 2024

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2091-792X; eskosareva@edu.hse.ru

Резюме. Первые государственные институты по энергии солнца были созданы в Индии еще в конце 1980-х гг., однако высокая цена установки солнечных батарей и получаемой от них энергии сдерживали прогресс отрасли. Ситуация изменилась в середине 2010-х гг., на что повлияло несколько факторов: снизилась себестоимость установки батарей и получаемой энергии; премьер-министром страны стал Н.Моди, который, будучи еще главным министром Гуджарата, уделял особое внимание солнечной энергетике; Индия присоединилась к Парижскому соглашению (2016 г. в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата, регулирующей меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г.).

Негативное влияние пандемии *COVID-19* на отрасль удалось преодолеть достаточно быстро, и уже в 2021–2022 гг. отрасль компенсировала падение прироста мощностей, вызванное пандемией. Хотя сегодня альтернативные источники энергии играют незначительную роль в общем энергобалансе страны, их значение будет расти, поскольку основным источником прироста мощностей в среднесрочной перспективе станет именно солнечная энергетика.

Ключевые слова: Индия, возобновляемая энергетика, солнечная энергетика, *COVID-19*

Для цитирования: Косарева Е.С. Индия: развитие солнечной энергетики в начале XXI века. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 5–12. DOI: 10.31857/S032150750028440-6

Evolution of India's Solar Energy Industry at the Beginning of the 21st Century

© Ekaterina S. Kosareva^а, 2024

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2091-792X; eskosareva@edu.hse.ru

Abstract. The author examines the development of solar energy in India. The first state institutes for solar energy were established in the late 1980s, but the high cost of installing solar panels and the energy generated from them, as well as the lack of state support hampered the progress of the industry. The situation changed in the mid-2010s, which was influenced by several factors: the cost of installing solar panels and the energy generated from them decreased; N.Modi, who had been paying special attention to solar energy since his time as Chief Minister of Gujarat, became the Prime Minister of the country; India signed the Paris Climate Treaty (2016).

The negative impact of the *COVID-19* pandemic on the industry was overcome swiftly enough, and the industry has compensated for the decline in capacity growth caused by the pandemic in 2021–2022. Although renewable energy sources currently play an insignificant role in the country's overall energy balance, their importance will increase, with solar energy remaining the main source of capacity growth in the medium term.

Keywords: India, renewable energy, solar energy, *COVID-19*

For citation: Kosareva E.S. Evolution of India's Solar Energy Industry at the Beginning of the 21st Century. *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 5–12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028440-6

ВВЕДЕНИЕ

Индия – один из крупнейших потребителей энергии в мире, входящий в тройку лидеров по выбросам парниковых газов в атмосферу¹. Для продолжения экономического роста стране требуется всё больше энергии. При этом в связи с уязвимостью к изменению климата Индии важно развивать потребление, прежде всего, именно возобновляемой энергии [1]. Кроме того, большинство крупных городов Индии страдает от загрязнения воздуха, что вызывает преждевременную гибель миллионов людей ежегодно: в 2019 г. загрязнение воздуха стало одной из основных причин смерти более 1,6 млн человек². Неудивительно поэтому, что индийское правительство инвестирует значительные ресурсы в развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Тем не менее пока уголь остается ключевым источником энергии с долей более чем 50% первичного энергопотребления (см. *диагр.* 1). 2-е место занимает нефть (28%). На долю ВИЭ приходится около 6%. Такой энергобаланс обусловлен, прежде всего, экономической целесообразностью: уголь и нефть остаются наиболее доступными источниками энергии для массового потребления. Хотя в настоящее время в Индии себестоимость кВт-ч энергии, полученной от солнца, в несколько раз дешевле кВт-ч энергии от угля [2], в силу зависимости от ранее выбранных источников энергии ситуация меняется медленно [3].

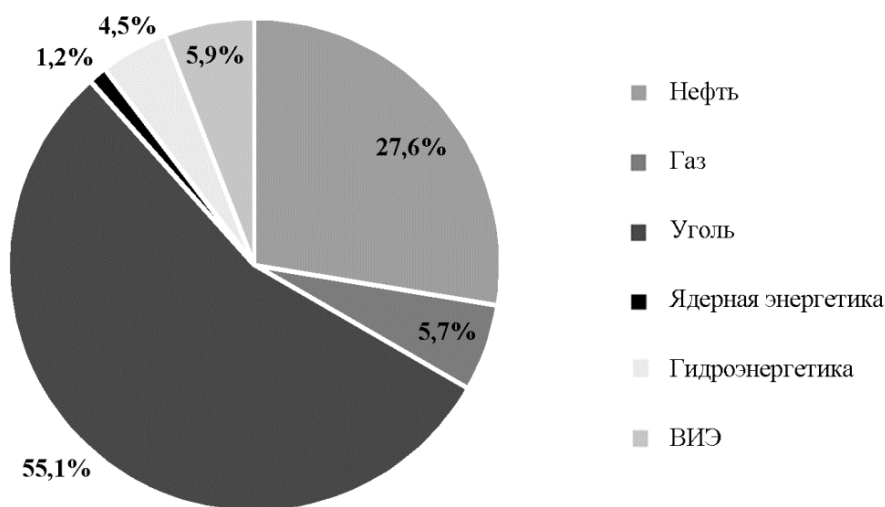

Диаграмма 1. Первичное энергопотребление Индии, 2022.

Chart 1. India's primary energy consumption, 2022.

Составлено автором на основе данных *Statistical Review of World Energy* (2023).

Хотя ВИЭ занимают скромное место в энергобалансе страны, в 2010-е гг. началось их активное развитие. В настоящее время Индия входит в пятерку стран с наибольшей генерацией зеленой энергии³. Судя по всему, одним из приоритетных направлений политики по развитию ВИЭ правительство Н.Моди делает использование энергии солнца. Нами были рассмотрены ключевые характеристики, делающие данный вид энергии привлекательным, описана эволюция солнечной энергетики в Индии, определены основные причины её активного роста в 2010-е гг. и оценено влияние пандемии *COVID-19* на развитие этой сферы.

¹ India. Key energy statistics 2019. International Energy Agency. <https://www.iea.org/countries/india> (accessed 09.08.2023). По данным Международного энергетического агентства, с 1990 по 2019 г. выбросы Индией CO₂ в атмосферу выросли на 335% (*прим. авт.*).

² The human toll of air pollution in India. Boston College. 2021. <https://www.bc.edu/bc-web/bcnews/nation-world-society/international/air-pollution-in-india.html#:~:text=Air%20pollution%20in%20India%20resulted,at%20Boston%20College%2C%20the%20Indian> (accessed 20.08.2023)

³ Statistical Review of World Energy. Energy Institute. 2023. 72nd edition. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed 09.08.2023). На первом месте по потреблению чистой энергии по результатам 2022 г. находился Китай (32,3% мирового использования ВИЭ), на втором и третьем – США и Германия (16,8% и 5,7% соответственно), Индия (4,9%) и Япония (3,7%) замыкали пятерку (*прим. авт.*).

ЗАЧЕМ ИНДИИ ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА?

Основная технология получения солнечной энергии – фотовольтаика⁴. С 2010 г. себестоимость энергии, полученной таким образом, снизилась на 82%⁵, что делает её доступнее. Солнечная энергия может автономно генерироваться в труднодоступных районах, установки могут использоваться как на крупных коммерческих предприятиях, так и частными лицами. В Индии большой потенциал имеют мини-электростанции, которые можно устанавливать в отдаленных населенных пунктах со значительными перебоями в подключении или вовсе без доступа к национальным электрическим сетям. За небольшую ежемесячную плату энергетические компании предоставляют как юридическим, так и физическим лицам необходимое для подключения мини-сети оборудование – установки мощностью от 10 до 500 кВт помогают электрифицировать такие деревни, как Атраули в штате Уттар-Прадеш [4].

В связи с увеличением количества населения и ростом потребления энергии в Индии спрос на электроэнергию значительно превышает предложение. Около 300 млн человек не имеют достаточного доступа к основным энергетическим услугам [5, р. 573], и развитие солнечной энергетики может способствовать решению данной проблемы. Географическое положение позволяет Индии рассчитывать примерно на 750 ГВт·ч солнечной энергии, из которых в настоящее время страна получает лишь около 100 ГВт·ч⁶.

Использование солнечной энергии в Индии ограничивается несколькими физическими причинами. Во-первых, отсутствуют хранилища и эффективные технологии транзита энергии. Во-вторых, неравномерное распределение солнечного света, облачные дни и ночное время не позволяют генерировать энергию постоянно. В-третьих, хотя правительство старается регулировать процесс установки панелей, чтобы это было эффективно⁷, они занимают площади, которые могли бы использоваться с большей экономической выгодой.

РАЗВИТИЕ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Дискуссии о возможности использования энергии солнца велись в Индии еще в начале 1960-х гг., однако первые практические шаги были предприняты на 20 лет позже, когда были созданы Департамент нетрадиционных источников энергии, Центр солнечной тепловой энергии, а также Национальная демонстрационная программа по солнечной фотоэлектрической энергии (*NASPAD*) [6, р. 477]. В 1987 г. было учреждено Индийское агентство по развитию возобновляемых источников энергии (*IREDA*), основной задачей которого является продвижение проектов по внедрению ВИЭ. Значимым шагом правительства стало разрешение в 1997 г. привлекать до 100% средств частного (в т.ч. иностранного) капитала для развития солнечной энергетики.

В 2000-е гг. центральная власть разрабатывала иные инициативы по развитию ВИЭ. Среди них – Закон об электроэнергетике 2003 г., Национальная политика в области электроэнергетики 2005 г., Тарифная политика 2006 г. Тарифная политика стала одной из важнейших вех развития солнечной энергетики: в соответствии с ней закупка электроэнергии проходит на конкурсной основе, а дистрибьюторским компаниям (дискомам) – коммунальным предприятиям, покупающим электроэнергию у производителей и продающим её потребителям – разрешено покупать чистую электроэнергию по льготным тарифам (*feed-in tariffs*). Эти меры повысили интерес частных компаний, но основные средства в развитие отрасли всё равно вкладывало государство [7, р. 7].

Будучи участником Рамочной конвенции ООН по изменению климата, Индия в 2008 г. разработала Национальный план по борьбе с изменением климата. Одна из его частей – Национальная солнечная миссия им. Дж.Неру (НСМ), принятая в 2010 г. Она включает поддержку исследований и повышение

⁴ Преобразование с помощью батарей энергии солнечного света в электрическую энергию (*прим. ред.*).

⁵ Solar energy. International Renewable Agency. 2022. <https://www.irena.org/solar> (accessed 13.08.2023)

⁶ Annual Report 2021–2022. *Ministry of New and Renewable Energy*. 2022. P. 6. https://mnre.gov.in/img/documents/uploads/file_f-1671012052530.pdf (accessed 02.08.2023)

⁷ Крупные проекты – такие как станция Бхадла в Раджастанхана – зачастую реализуются в пустынной местности, где создавать промышленную инфраструктуру менее выгодно. Кроме того, развитие получают программы по установке плавучих солнечных станций – таким образом экономятся площади, потенциально пригодные для реализации иных хозяйственных инициатив (*прим. авт.*).

технического потенциала в сфере солнечной энергетики. НСМ предусматривает постепенное снижение тарифов на солнечную энергию посредством конкурсных торгов, финансовой поддержки правительства и долгосрочных контрактов⁸.

Реализация Миссии предполагает три этапа. 1-й продлился с 2010 по 2013 г., заявленная цель – установка мощностей на 1 ГВт солнечной энергии – была выполнена. Для реализации 2-й фазы (2013–2017 гг.) была создана Корпорация солнечной энергии Индии, которая является лицензиатом по торговле электроэнергией. Показатели, установленные для 3-го этапа (2017–2022 гг.), были увеличены в 2015 г. с 20 до 100 ГВт к декабрю 2022 г.⁹ По данным индийского *MNRE (Ministry of New and Renewable Energy)*, к концу 2021 г. было установлено мощностей на 49 ГВт, мощности на 41 ГВт находились в стадии выполнения, мощности на 21 ГВт были предложены на тендер – таким образом, общий объем установленных и запланированных мощностей составил 111 ГВт¹⁰. Тем не менее в отсутствие подтвержденных данных на конец 2022 г. заметим, что вряд ли цель была достигнута.

В рамках исполнения НСМ программы в области ВИЭ развивались и на уровне отдельных штатов¹¹. В сфере солнечной энергетики их цели – достижение определенного объема выработки к конкретному сроку и/или обязательство дискомов приобретать электроэнергию от солнечных станций. Характерно, что первыми свои программы разработали штаты, развитые экономически и богатые ВИЭ: Раджастан, Гуджарат, Махараштра, Мадхья-Прадеш, Карнатака, Тамил-Наду, Андхра-Прадеш, Телангана [7, pp. 38–40]. Наибольшим потенциалом выработки солнечной электроэнергии обладают Раджастан (142 ГВт), Махараштра (64 ГВт) и Мадхья-Прадеш (62 ГВт), а также союзная территория Джамму и Кашмир (111 ГВт). В то же время штаты, у которых нет или почти нет солнечных фотоэнергетических установок, не видят достаточных стимулов для развития этой отрасли.

Программы штатов во многом ориентированы на широкое распространение децентрализованных систем, таких как солнечные батареи на крышах (соответствующие пункты можно найти, например, в политике штата Уттар-Прадеш в области солнечной энергетики 2017 г.¹²). Но зачастую штатам не хватает ресурсов, так что для повышения эффективности реализации программ требуется вовлекать центральное правительство и частный бизнес.

Понимая, что не каждый штат имеет возможности по внедрению ВИЭ, Центральная комиссия по регулированию электроэнергетики Индии разрешила выпуск и торговлю сертификатами возобновляемой энергии, каждый на 1 МВт-час электроэнергии, независимо от того, где она была произведена, и покупатели имеют возможность приобретать их для выполнения обязательств по закупке чистой энергии. Но у такой системы есть свои недостатки: из-за постоянного снижения цены на ВИЭ покупатели затягивают процесс покупки сертификатов, чтобы выгоднее приобрести их позднее; необходимость соблюдения обязательств по закупке ВИЭ зачастую невыгодна дискомам, связанным долгосрочными договорами купли-продажи электроэнергии, и приводит к их банкротству [7, pp. 40–44].

СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В 2012–2021 гг.

До середины 2010-х гг. уровень развития солнечной энергетики в стране оставался низким. Ситуация изменилась только в середине десятилетия (см. *диагр. 2*).

Во-первых, до 2014 г. большее значение придавалось развитию проектов по использованию энергии ветра, так что даже в 2019 г. установленные мощности солнечной энергетики составляли всего лишь 35 ГВт, а ветровой – 37,5 ГВт¹³.

⁸ Jawaharlal Nehru National Solar Mission. Solar Energy Corporation of India. [https://www.seci.co.in/upload/static/files/mis-sion_document_JNNSM\(1\).pdf](https://www.seci.co.in/upload/static/files/mis-sion_document_JNNSM(1).pdf) (accessed 02.08.2023)

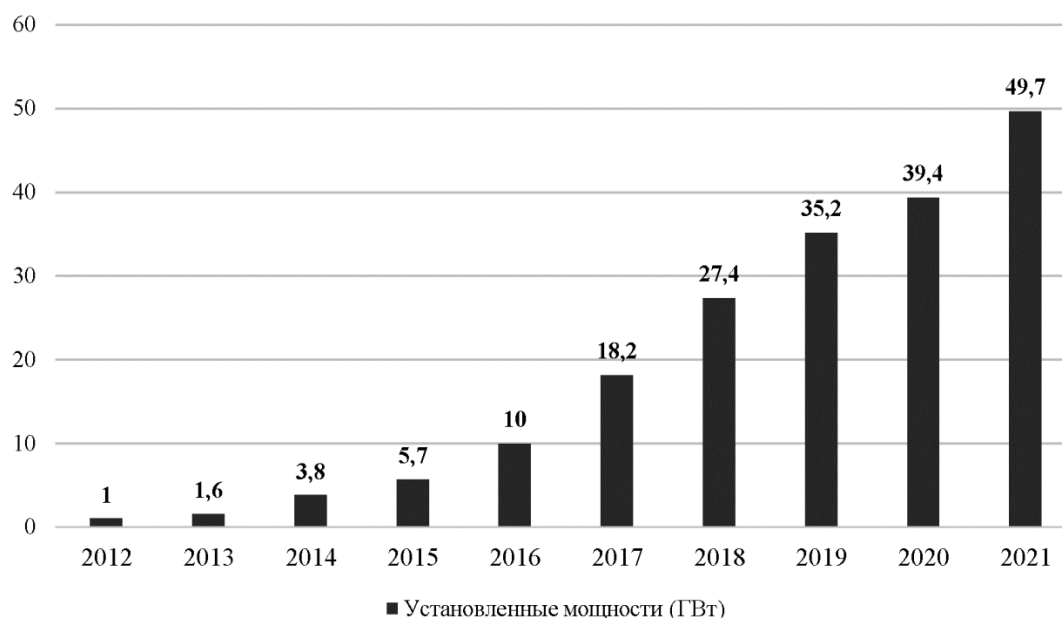
⁹ Modi government sets revised solar mission target at 100 GW. *Down to Earth*. 18.06.2015. <https://downtoearth.org.in/news/energy/modi-government-sets-revised-solar-mission-target-at-100-gw-50236> (accessed 18.08.2023)

¹⁰ Annual Report 2021–2022... P. 2.

¹¹ В Индии обеспечение населения электроэнергией относится к совместной компетенции федеральных и региональных властей (*прим. авт.*).

¹² Uttar Pradesh Solar Power Policy-2017. Government of Uttar Pradesh. https://niveshmitra.up.nic.in/Documents/Policies/Uttar_Pradesh_Solar_Power_Policy_English_2017.pdf (accessed 13.08.2023)

¹³ Renewable energy transition in India. Statista. 2022. <https://www.statista.com/study/87590/renewable-energy-transition-in-india/> (accessed 08.08.2023)

Диаграмма 2. Установленные мощности солнечной энергетики в Индии, 2012–2022.
Chart 2. Installed solar power capacity in India, 2012–2022.

Составлено автором на основе данных *Statistical Review of World Energy* (2023).

Стоимость солнечной электроэнергии была слишком высокой по сравнению не только с традиционными, но и с другими «чистыми» источниками, поэтому большинство инвестиций было направлено в иные области. Со значительным снижением цен на установку солнечных панелей в 2010-е гг. повысился интерес к ним. Кроме того, в последние годы мест для установки ветряных электростанций становится меньше, поскольку они требуют соблюдения ряда специфических условий, а морские ветряные электростанции дороги в установке и эксплуатации, в то время как солнечные батареи проще в монтаже.

Во-вторых, следует отметить роль Н.Моди. Когда он был главным министром Гуджарата, этот штат в 2009 г. первым начал проведение собственной политики в области солнечной энергетики. В 2012 г. в Гуджарате был открыт первый солнечный парк в стране – Чаранка. Подобным образом активное развитие солнечной энергетики по всей стране началось с приходом Н.Моди к власти в 2014 г. [8, р. 24]. Близкие правительству Моды предприниматели Г.Адани и М.Амбани объявили о готовности инвестировать миллиарды долларов в развитие солнечной энергетики: их целью является снижение себестоимости электроэнергии и налаживание местного производства необходимых деталей¹⁴.

Второй пункт особенно важен, так как Индия в значительной степени зависит от китайских поставок (в 2019 г. до 80% солнечных модулей импортировалось из КНР)¹⁵. Формирование полного цикла производства поможет снизить риски чрезмерной зависимости от импорта, удачно впишется в программу *Make in India* и создаст новые рабочие места. Более того, использование китайского импорта, не всегда самого высокого качества, в большинстве случаев связанное с необходимостью уложиться в сроки сдачи проекта и не выйти за рамки бюджета, снижает и без того среднюю эффективность батарей.

Наконец, резкий скачок увеличения мощностей солнечной энергетики может быть связан с принятием обязательств по исполнению Парижского соглашения по изменению климата 2016 г. По мнению ряда обозревателей, именно давление международного сообщества и желание развивать сотрудничество с США и Францией стали «ключевыми мотивами индийских амбиций в области солнечной энергетики» [9, р. 1180]. Кроме того, участие в программах по борьбе с изменением климата и движение в сто-

¹⁴ India's green energy dream is being funded by the coal and oil profits of its two richest men. *Quartz*. 11.11.2022. <https://qz.com/indias-green-energy-dream-is-being-funded-by-the-coal-a-1849765861> (accessed 02.08.2023). Г.Адани и вовсе заявил, что *Adani Group* планирует стать самой большой компанией по производству солнечной электроэнергии в мире к 2025 г. (*прим. авт.*).

¹⁵ Poor quality Chinese solar modules flood Indian market. *Mint*. 07.09.2017. <https://www.livemint.com/Industry/S6DZmcPfnwhV82gJ5Kn31I/Poor-quality-Chinese-solar-modules-flood-Indian-market.html> (accessed 17.08.2023)

рону зеленой экономики могут служить инструментом «мягкой силы» Индии, показывая её как ответственного актора на международной арене.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

На протяжении 2010-х гг. власти на региональном и федеральном уровнях последовательно старались уменьшить трудности, с которыми сопряжено развитие мощностей солнечной энергетики: нехватка инвестиций, бюрократизированное приобретение/выделение земли под строительство солнечных парков и согласование новых проектов, долгий срок окупаемости проектов и коррупция.

Примечательно, что большинство специальных схем и программ *MNRE* направлено на поддержку развития солнечной энергетики, а программы, подразумевающие поддержку ВИЭ в целом, также применимы для проектов использования энергии солнца. Даже в годовом отчете за 2021–2022 гг. солнечной энергетике посвящена отдельная глава на 26 страниц, в то время как остальные ВИЭ объединены в общую часть объемом 16 страниц.

Одной из основных схем можно считать Схему развития солнечных парков, принятую в 2014 г., по которой до декабря 2022 г. в стране предполагалось установить минимум 50 таких парков. В рамках программы компании-разработчики могут приобрести землю, получить необходимые разрешения и построить инфраструктуру, что значительно ускоряет процесс введения в эксплуатацию солнечных батарей. По состоянию на декабрь 2021 г. *MNRE* утвердило 50 проектов общей мощностью 34 ГВт¹⁶.

Тем не менее ключевыми остаются вопросы импортозамещения и инвестиций. Несмотря на активизацию политики в области солнечной энергетики, в последние годы страна инвестировала лишь 2% от общемирового объема вложений в ВИЭ (Китай – 27%) [5, p. 583].

«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» COVID-19

В марте 2020 г. правительство Индии было вынуждено ввести в отдельных отраслях производства ряд ограничений в связи с распространением пандемии *COVID-19*, что привело к резкому снижению экономической активности. Из-за этого сектор ВИЭ столкнулся с задержками в реализации проектов, перебоями в цепочках поставок, недостатком инвестиций, помимо проблем, имевшихся до пандемии [10, p. 4].

Правительство приняло своевременные меры по поддержке отрасли. Было введено положение о том, что задержки выполнения проектов из-за пандемии следует трактовать как «форс-мажорные обстоятельства», что позволило компаниям не платить штрафы по контрактам. Также фирмы получили отсрочку по срокам реализации проектов в сферах солнечной и ветровой энергетики на 70 дней. Наконец, *MNRE* призвало диски продолжать обязательные закупки электроэнергии из возобновляемых источников, для чего министерство энергетики предоставило им льготы [10, p. 3].

Если темпы прироста мощностей солнечной энергетики в 2021 фин.г. упали на 36% по сравнению с 2020 ф.г., в 2022 г. объем установленных мощностей увеличился с 39 до 49,3 ГВт – рост составил 26,4% [11]. В 2021 г. Индия стала 3-й страной в мире по приросту мощностей фотовольтаики (после Китая и США)¹⁷. Кроме того, в 2021 г. Индии удалось досрочно выполнить одно из обязательств в рамках Парижского соглашения: к концу года страна превысила показатель в 40% установленной электрической мощности на неископаемых источниках энергии [5, p. 2].

Также во время пандемии Индия предпринимала шаги по укреплению независимости в области солнечной энергетики: на импорт солнечных панелей и фотоэлементов были установлены пошлины 40% и 25%. В то же время для кремниевых пластин – материала для производства панелей – были сохранены нулевые пошлины. Тем не менее для создания собственной производственной экосистемы индийским компаниям пока не хватает технического опыта, а контроль Китаем 97% мирового производства кремниевых пластин создает определенную зависимость¹⁸.

¹⁶ Annual Report 2021–2022... P. 3.

¹⁷ Renewables 2022 Global Status Report. *REN21*. 2022. P. 127.

¹⁸ How to neutralise China's export ban on solar tech. *The Hindu business line*. 23.02.2023. <https://thehindubusinessline.com/opinion/how-to-neutralise-chinas-export-ban-on-solar-tech/article66546104.ece> (accessed 12.08.2023)

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Для введения мощностей на 450 ГВт электроэнергии из чистых источников к 2030 г. Индии требуются дополнительные инвестиции в размере \$200 млрд, а также вложения в технологии передачи и хранения полученной энергии [7, р. 75]. Поэтому индийцы охотно принимают инвестиции из-за рубежа и создают благоприятную инфраструктуру для частного бизнеса.

С 2014 по 2019 г. ежегодный объем инвестиций в индийскую возобновляемую энергетику вырос с \$6,1 млрд до \$9,6 млрд, пиковые значения – \$13 и \$13,4 млрд – пришлись на 2016 и 2017 гг. Несмотря на сокращение инвестиций до \$6,6 млрд в 2020 г. в связи с пандемией *COVID-19*, уже в 2021 г. их уровень восстановился до допандемийных значений и составил \$11,3 млрд, причем около двух третей (\$7,5 млрд) пришлось на солнечную энергетику¹⁹.

Перспективным можно считать расширяющееся индо-японское сотрудничество: в обмен на японские технологии Индия готова предложить поставки редкоземельных металлов, необходимых для высокотехнологичного производства [12, с. 26]. С того момента, как в 2014 г. между странами был заключен меморандум о взаимопонимании в сфере «зеленых» технологий, японские компании вкладывают миллиарды долларов в индийскую солнечную энергетику. Японский *SoftBank* – один из ключевых игроков на индийском рынке: он начал сотрудничество с индийцами в середине 2010-х гг. с вложения \$20 млрд, а в 2018 г. объявил о намерении инвестировать \$60–100 млрд²⁰.

Международные инициативы Индии также вызывают интерес потенциальных инвесторов. В 2015 г. совместно с Парижем Нью-Дели стал инициатором создания Международного солнечного альянса (*ISA*). Этот проект служит платформой для более широкого внедрения солнечных технологий как средства получения энергии, энергетической безопасности и стимулирования энергетических преобразований. В настоящее время в альянсе состоят более 120 стран.

В 2018 г. в рамках *ISA* Н.Моди объявил новую инициативу «Одно солнце – один мир – одна сеть», направленную на соединение региональных энергосистем через общую сеть, которая будет использоваться для передачи электроэнергии, выработанной с использованием энергии солнца. Например, Индия предлагает передавать генерируемую на её территории солнечную электроэнергию в Бангладеш и Непал. Даже с учетом роста затрат на передачу электроэнергии по сетям она может поставляться со значительной скидкой благодаря оптовым закупкам. Более того, к проекту планируют подключить Оман: 1000-километровую подводную линию, идущую из Омана в Гуджарат, позволит получать дешевую электроэнергию, которая будет транзитом проходить через территорию Индии. Когда в Омани будет середина дня, в Дакку она будет поступать в вечерний пик потребления электроэнергии [13].

Кроме того, на большинстве международных встреч последних лет представители Индии уделяли особое внимание ВИЭ: инвестициям, обмену технологиями, обучению специалистов. Индийский премьер-министр Н.Моди неоднократно подчеркивал, что для Нью-Дели развитие возобновляемой энергетики является одним из ключевых приоритетов энергетической политики. Не случайно тема председательства Индии в *G20* в 2023 г. – «Одна планета, одна семья, одно будущее» – делает акцент на «образе жизни для окружающей среды», подразумевающим развитие в гармонии с окружающей средой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на возникающие трудности и противоречия, деятельность индийского правительства по развитию солнечной энергетики можно считать успешной: если в 2010 г. было установлено менее 1 ГВт солнечных мощностей, к концу 2021 г. этот показатель составил 50 ГВт. В Индии находятся крупнейшие солнечные электростанции в мире, неправительственные организации обучают сельских жителей тому, как получать энергию с помощью фотовольтаики [6, р. 478], а меры центрального правительства и властей штатов формируют благоприятную среду для вложения средств частного капитала в развитие отрасли.

¹⁹ Renewables 2022 Global Status Report... Pp. 177–179.

²⁰ Japan's SoftBank to invest up to \$100 billion in Indian solar. *CNBC TV18*. 15.06.2018. <https://www.cnbc.tv18.com/energy/japans-softbank-to-invest-up-to-100-billion-in-indian-solar-138201.htm> (accessed 17.08.2023)

Если в начале 2010-х гг. высокая стоимость установки была основным препятствием к быстрому росту сектора, впоследствии на первый план вышли инфраструктурные и операционные проблемы (трудности с приобретением земли, проблемы интеграции в электросеть, платежные риски дисконтов), так что говорить о безоблачном будущем солнечной энергетики в Индии рано. На данный момент основным риском является локализация производства, которая позволит обезопасить страну от возможных сбоев в цепочках поставок, а также создать новые рабочие места. Учитывая серьезность намерений индийского правительства и бизнеса двигаться к «зеленой» экономике, стоит ожидать дальнейшего развития ВИЭ, особенно солнечной энергетики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Patil A. What Is The IPCC Sixth Assessment Report And What Does It Say? *Indiatimes*. 23.03.2023. https://indiatimes.com/explainers/news/what-is-the-ipcc-sixth-assessment-report-and-what-does-it-say-596662.html#What_Are_The_Implications_For_India (accessed 12.08.2023)
2. Usmani A. Coal Power Is Four Times Costlier Than Renewable Energy From New Units In India. *BQ Prime*. 13.07.2022. <https://www.bqprime.com/business/coal-power-is-four-times-costlier-than-renewable-energy-from-new-units-in-india> (accessed 12.08.2023)
3. Ghosh S. et al. 2022. Cleaner air would enhance India's annual solar energy production by 6–28 TWh. *Environmental Research Letters*. Vol. 17, № 5. 12 p. DOI: 10.1088/1748-9326/ac5d9a
4. Chandran N. In energy starved Indian villages, solar mini-grids light the way. *Reuters*. 03.04.2017. <https://www.reuters.com/article/energy-india-solar-idUKL5N1GU1UV/> (accessed 15.08.2023)
5. Akoijam A.S., Krishna V.V. 2017. Exploring the Jawaharlal Nehru National Solar Mission (JNNSM): Impact on innovation ecosystem in India. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development*. Vol. 9, № 5. Pp. 573–585. DOI: 10.1080/20421338.2017.1359466
6. Kapoor K., Pandey K.K., Jain A.K., Nandan A. 2014. Evolution of solar energy in India: A review. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 40. Pp. 475–487. DOI: 10.1016/j.rser.2014.07.118
7. Agarwal D., Rao V.H. 2021. How India's Solar and Wind Policies Enabled its Energy Transition: A Decade in Review. *SHAKTI. Sustainable energy foundation*. 86 p.
8. Shchedrov I.Yu. 2022. Energy transition in India: Challenges and prospects. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 20–28. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020528-2
9. Shidore S., Busby J.W. 2019. What explains India's embrace of solar? State-led energy transition in a developmental polity. *Energy Policy*. Vol. 129. Pp. 1179–1189. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.02.032
10. Deshwal D., Sangwan P., Dahiya N. 2021. How will COVID-19 impact renewable energy in India? Exploring challenges, lessons and emerging opportunities. *Energy Research & Social Science*. Vol. 77. 10 p. DOI: 10.1016/j.erss.2021.102097
11. Agarwal D., Sidhu G. How did India's Renewable Energy Sector Perform During the Year of COVID-19 Lockdown? *CEEW*. 07.04.2021. <https://www.ceew.in/blogs/how-did-indias-renewable-energy-sector-perform-during-year-covid-19-lockdown> (accessed 17.08.2023)
12. Каменев С.Н. Энергетика Индии: помощь зарубежных стран в развитии отрасли. Современная Индия: энергетика и энергетическая безопасность. Материалы научной конференции. М.: ИВ РАН, 2014. С. 16–32. Kamenev S. India's energy sector: assistance from foreign countries in the development of the industry. *Modern India: Energy and Energy Security*. Materials of the scientific conference. Moscow, 2014. Pp. 16–32. (In Russ.)
13. Buckley T. Prime Minister Narendra Modi's new 'One Sun One World One Grid' vision. *India Global Business*. 10.06.2020. <https://www.indiaglobalbusiness.com/analyses/snap-analysis/prime-minister-narendra-modis-new-one-sun-one-world-one-grid-vision> (accessed 08.08.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Косарева Екатерина Сергеевна, ст. лаборант-исследователь Центра Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Ekaterina S. Kosareva, Senior Laboratory Researcher, Center of the Indian Ocean Region, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 25.03.2024

Гендерные аспекты йеменского конфликта (2014–2023)

© Чикризова О.С.^{a,b}, Константинова Д.А.^{a,c}, 2024

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-1678-0967; chikrizova-os@rudn.ru

^c ORCID: 0009-0004-1528-4138; kdasa6073@gmail.com

Резюме. Проанализировано влияния конфликта в Йемене на изменение гендерных ролей исходя из понятий о свободе и равенстве, принятых в традиционных ближневосточных обществах. Установлено, что в условиях гражданской войны мужчины подвергаются вербовке в вооруженные группировки, страдают от произвольного задержания, насилия в местах заключения, в том числе от пыток, унижающих человеческое достоинство, и психологических проблем, связанных с несоответствием их представлений о чести и достоинстве мужчины и тех реалий, в которых они вынуждены существовать в ходе конфликта.

Социально-экономическая ситуация в Йемене также способствует росту числа фактов гендерного и семейного насилия над женщинами и девочками, распространению ранних принудительных браков и существенно ограничивает доступ женщин и девочек к здравоохранению и образованию. Женщины также вынуждены исполнять непривычные социальные роли, неся службу в силах по обеспечению безопасности, вооруженных ополчениях и вовлекаясь в процесс миротворчества.

Ключевые слова: Йемен, гражданская война, гендерная дискриминация, мухаммашин, мувалладин, гендерное насилие, трансформация гендерных ролей

Для цитирования: Чикризова О. С., Константинова Д.А. Гендерные аспекты йеменского конфликта (2014–2023). *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 13–20. DOI: 10.31857/S032150750030601-3

Gender Aspects of the Yemeni Conflict (2014–2023)

© Olga S. Chikrizova^{a,b}, Darya A. Konstantinova^{a,c}, 2024

^a RUDN University, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-1678-0967; chikrizova-os@rudn.ru

^c ORCID: 0009-0004-1528-4138; kdasa6073@gmail.com

Abstract. The authors examine how the armed conflict in Yemen impacted gender roles based on the concepts of freedom and equality accepted in traditional Middle Eastern societies. In the context of the Yemeni crisis, men are recruited into armed groups, suffer from arbitrary detention, violence in places of detention, including torture, degrading human dignity, as well as psychological problems related to the discrepancy between their ideas about the honor and dignity of men and the realities in which men are forced to exist during the Civil War.

Women and girls are also subjected to violence based on gender and family relationships, as well as forced marriages and limited access to healthcare and education. Additionally, women have to take on unusual roles in society, such as joining security forces, armed militias, or participating in peacemaking efforts.

The lack of objective data on Yemen's situation should not surprise researchers, and Western human rights institutions' information about women's rights in the Middle East should be carefully verified and critically examined.

Keywords: Yemen, civil war, gender discrimination, muhammasheen, muwalladeen, gender violence, transformation of gender roles

For citation: Chikrizova O.S., Konstantinova D.A. Gender Aspects of the Yemeni Conflict (2014–2023). *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 13–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030601-3

ВВЕДЕНИЕ

Йеменский конфликт – один из самых длительных и кровопролитных на Ближнем Востоке, однако исследовательский интерес к нему, как представляется, очень низок, что не коррелирует с глубиной причин и многоаспектностью данного конфликта. На этом фоне исследование гендерного аспекта вой-

ны в Йемене фактически полностью замещается изучением военно-политических особенностей и анализом роли внешних игроков во внутрийеменской борьбе.

Наша статья призвана ввести в исследовательское поле российского востоковедения проблематику гендерного насилия в йеменском конфликте с учетом роста интереса к гендерным исследованиям по всему миру и необходимости более четкого артикулирования особенностей российского подхода к гендеру. Необходимо обратить внимание именно на йеменский конфликт, о котором нередко забывают на фоне других ближневосточных кризисов, в то время как Йемен продолжает страдать не только от насилия, но и от нехватки продовольствия, чистой питьевой воды, эпидемий тропических болезней и общей деградации социально-экономической ситуации.

Изучение гендерного аспекта йеменского кризиса позволит также обратить внимание не только на положение женщин и девочек в йеменском обществе, но и переосмыслить положение мужчин и мальчиков, проходящее болезненную трансформацию на фоне непрекращающегося вооруженного конфликта, который делает невозможной или затруднительной для обоих полов реализацию привычных гендерных ролей. Подобные изменения в распределении ролей мужчины и женщины нуждаются в тщательном изучении, поскольку аналогичные процессы в ближайшем будущем могут затронуть (или уже затрагивают) и другие «глубоко разделенные общества» [1] (Ирак, Сирию или Ливию), которые также переживают длительные вооруженные конфликты. Опыт Йемена может помочь в осмыслении этих изменений и выработке адекватной реакции на них.

В статье авторы отвечают на следующие вопросы: Как конфликт повлиял на изменение гендерных ролей в йеменском обществе? Какие гендерные проблемы возникли в ходе гражданской войны, и как они отражаются на структуре традиционного йеменского общества?

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА

Поскольку между западным либеральным и традиционным исламским мировоззрениями существует ряд принципиальных различий в восприятии прав и возможностей женщины, авторы оценивают ситуацию в Йемене не с позиции представлений о положении женщины, доминирующих на Западе и в западных гендерных исследованиях, а исходя из представлений о свободе и равенстве, господствующих в похожих (таких же традиционных) обществах на мусульманском Ближнем Востоке, где равенство прав обеспечивается по принципу принадлежности к человеческому роду, а понимание свободы проистекает из выполнения «определенной социальной функции» и ограничивается «религиозно-нравственными рамками, установленными Аллахом и охраняющими интересы индивида и общества» [2, с. 24]. Исходя из этого, использование женщиной своих прав находится в прямой зависимости «от исполнения ею своего семейного долга» и от условия, что «использование этих прав не ставит под угрозу честь и достоинство женщины» [2, с. 53–54].

Ведущим российским исследователем, разрабатывающим проблематику йеменского конфликта, является С.Н.Серебров (ИВ РАН), который в своих работах анализирует внутривосточные аспекты ситуации в Йемене, роль внешних акторов в этом конфликте, а также оценивает возможные сценарии его урегулирования [3; 4]. В свою очередь, Т.А.Боков (независимый исследователь, РФ) изучает идеологию, структуру и роль сейидов в хуситском движении [5; 6].

Среди немногочисленных работ, посвященных гендерной тематике, в российском востоковедении выделяется статья В.В.Костенко, Э.Д.Понарина и О.Н.Стребковой (НИУ ВШЭ) [7], в которой выявляются ценностные установки в ряде арабских обществ, в т.ч. по вопросу гендерного равенства. Акцент в исследовании сделан как раз на Йемен как уникальный пример разделенного государства, в котором положение женщин на Севере и Юге зависело от социального строя и политического режима, влияния религии на политику и т.д. Исследователи приходят к выводу, что современный Йемен является одним из наиболее консервативных государств арабского мира в вопросе поддержки гендерного эгалитаризма. Кроме того, приведенный в статье небольшой историографический анализ работ по гендерному неравенству на Ближнем Востоке демонстрирует доминирование трудов зарубежных авторов в изучении этой темы.

Работы западных исследователей только за последние 3–5 лет охватывают, как представляется, более широкий круг аспектов йеменского конфликта, в т.ч. социально-экономический (например, работы Хелен Лакнер (Школа востоковедения и африканистики, Великобритания) [8], Амант А.Альсосва

(дипломат, Йемен) и Н.Бреони (Британское йеменское общество) [9]), однако превалирует проблематика безопасности и фактора Ирана в йеменском конфликте, особенно в свете контактов Тегерана с хуситским движением (из недавних работ можно отметить монографии А.Хамидадина (Исследовательский центр аль-Месбар, ОАЭ) [10], С.Дэя (Колледж Роллинз – Школа Холта, США) и Н.Бреони [11]).

По данным ПРООН за 2021 г., в результате прямых и косвенных последствий йеменского конфликта погибло 377 тыс. чел.¹, почти две трети из которых – дети до 5 лет². Среди населения, насчитывающего около 34 млн человек, 28 млн пострадали от конфликта, из них 17 млн испытывают острую нехватку продовольствия³, а данные о перемещенных лицах сильно разнятся в докладах различных международных организаций и научных статьях. Так, Л.Уинтер (Управление иностранных военных исследований армии США) отмечает, что только в 2004–2010 гг. число перемещенных лиц в Йемене составило 300 тыс. человек [12, р. 400]. В докладе ВБ «Голоса из Йемена» сообщается о доле перемещенных лиц – 29–41% всех домохозяйств страны⁴.

Йеменский конфликт – это вооруженное противостояние между зейдитскими повстанцами-хуситами и регулярной армией страны под руководством президента Абд Раббо Мансура Хади. Несмотря на то, что корни этого противостояния уходят в период деколонизации и объединения Северного и Южного Йемена, современный этап конфликта начался в 2014 г. Среди аспектов йеменского противоборства отметим следующие: борьба за власть между Севером и Югом, которые до 1990 г. существовали как независимые государства; милитаризация населения и интернационализация конфликта; борьба за влияние различных кланов на определенных территориях; антагонизм между силами, представляющими интересы суннитов, и хуситами-зейдитами.

Поскольку в центре нашего исследования находится гендерный аспект социальной трансформации йеменского общества, необходимо выделить основные угрозы в социальной сфере: отсутствие продовольственной безопасности, нерегулярное образование детей или полная невозможность обучать детей в школах, затрудненный доступ к медицинскому обслуживанию и медикаментам, отсутствие стабильного заработка в связи с необходимостью постоянных переездов или обострением военно-политической ситуации во всё большем числе провинций страны⁵.

В результате конфликта, а также вследствие глобального роста цен на топливо и продовольствие и увеличения транспортных расходов Йемен страдает от высоких темпов инфляции, и люди могут покупать всё меньше продуктов на заработанные деньги. Ситуация усугубляется тем, что всё меньше людей заняты на постоянной работе, и всё больше становятся временными наемными работниками (около 67% рабочей силы⁶), т.е. не имеют стабильного дохода. Это часто приводит к выбору в пользу случайного труда в ущерб специализированным профессиям и потребности в дополнительной занятости на втором и нередко даже третьем месте работы. Необходимость смены места жительства (иногда неоднократно) также препятствует стабильности заработка.

Комплекс проблем в сфере образования в Йемене может способствовать продолжению конфликта или его возобновлению, поскольку в стране неуклонно снижается качество человеческого капитала⁷.

МУЖЧИНЫ В КОНФЛИКТЕ

Военная ситуация по-разному влияет на мужчин, женщин и детей ввиду глубоких социальных и экономических различий их статуса в обществе. Как в любом вооруженном столкновении, мужчины являются основной гендерной группой, непосредственно участвующей в конфликте и испытывающей

¹ См.: UNDP, 2021. <https://www.undp.org/publications/assessing-impact-war-yemen-pathways-recovery> (accessed 26.01.2024)

² Voices from Yemen. World Bank Group, 2023. P. 9. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099090823085037549/pdf/P17919407443d608809f1d00ce0f6561311.pdf> (accessed 26.01.2024)

³ <https://www.acaps.org/country/yemen/crisis/complex-crisis> (accessed 20.12.2023); <https://m.reliefweb.int/report/3838940/yemen/yemen-humanitarian-needs-overview-2022-april-2022> (accessed 10.12.2023)

⁴ Voices from Yemen... P. 39. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099090823085037549/pdf/P17919407443d608809f1d00ce0f6561311.pdf> (accessed 26.01.2024)

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., P. 33.

⁷ Ibid., P. 28.

на себе все его последствия. Гражданская война в Йемене не является исключением: с 2014 по 2021 г. показатель мужской смертности вырос с 203 до 294 на 1000 взрослых мужчин⁸.

В Йемене существуют маргинализованные группы, в которых мужчины и женщины наряду с дискриминацией по гендерному признаку сталкиваются с дополнительными трудностями. Прежде всего, речь идет об общинах *мухаммашин* (араб. محمشتين) и *мувалладин* (араб. مواليدين).

Мухаммашин, или маргинализованные, – сильно дискриминируемая группа африканского происхождения, которая традиционно называлась «аль-ахдам» (араб. «слуги»). Принадлежность к этому этническому меньшинству передается по наследству, и в традиционных йеменских социальных структурах его члены считаются «слабыми» и не имеющими происхождения, поэтому якобы находятся под защитой племени.

Существуют строгие культурные запреты на вступление в брак *мухаммашин* с представителями других социальных групп. Членам этой общины традиционно не разрешается носить оружие и владеть собственностью. Такие люди помимо проблем, вызванных последствиями гражданской войны, подвергаются сильной стигматизации в йеменском обществе по кастовому признаку [13, p. 9].

Мувалладин, в свою очередь, – это уничижительный термин, относящийся к йеменцам смешанного происхождения. Представители этой группы подвергаются дискриминации на рынке труда, социальной стигматизации и иногда бывают лишены доступа к образованию. С целью избежать изоляции в обществе *мувалладин* часто отрицают свои нейеменские корни, что особенно актуально для тех, чьи семьи связаны с Африкой. По данным Центра стратегических исследований Сана, мужчины-*мувалладин* сталкиваются с большей дискриминацией, чем женщины, поскольку они более активны в общественной сфере [14, p. 5].

В ходе военного конфликта мужчины всех социальных слоев населения в той или иной степени сталкиваются с проблемами, проистекающими из процветающей в стране атмосферы насилия и хаоса. Речь идет о вербовке в террористические группы, незаконном задержании, гендерном насилии и психологических проблемах на фоне изменения гендерных ролей в йеменском обществе.

Как уже отмечалось, мужчины первыми становятся жертвами конфликта, поскольку составляют основу армии и других вооруженных формирований. В Йемене, где гражданская война длится более 10 лет, непосредственное участие в столкновениях является чуть ли не единственным источником заработка, так как другие сферы представляются либо неприбыльными, либо отложенными на неопределенный срок. По тем же причинам растет число мальчиков и юношей, которых вербуют террористические группировки. Дети и подростки бросают школы и университеты и вступают в вооруженные группы, часто по принуждению⁹, а молодежи наряду с привлекательностью предлагаемых идеологических и политических взглядов такой вариант представляется необходимым (а иногда и единственным) в ситуации бедности и голода.

Согласно докладу Центра стратегических исследований (Сана), на 2019 г. финансовые выгоды от присоединения к ополченцам варьировались в зависимости от сторон конфликта и на разных фронтах. Например, в Адене тем, кто был завербован в городе для вступления в поддерживаемые ОАЭ силы Пояса безопасности, ежемесячно платили около 1000 саудовских риалов (ок. \$267), что привело к появлению большого числа новобранцев, а в Таизе заработная плата некоторых бойцов антихуситских сил была непостоянной [15, p. 36]. Однако это было выгоднее любой другой работы в городе, поэтому с целью обеспечения ресурсами своих семей мужчины активно вовлекались в деятельность вооруженных формирований.

В результате затянувшегося конфликта в Йемене значительно участились случаи насилия по признаку пола (*gender-based violence*) по отношению как к женщинам, так и к мужчинам, хотя в отношении последних процент инцидентов не так высок. Согласно определению Европейской комиссии, гендерное насилие – это насилие, направленное против человека по признаку пола, или насилие, непропорционально сильно затрагивающее лиц определенного пола¹⁰.

⁸ <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.AMRT.MA?%3F=null&locations=YE> (accessed 26.01.2024)

⁹ Voices from Yemen... P. 27.

¹⁰ См.: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/gender-equality/gender-based-violence/what-gender-based-violence_en (accessed 12.11.2023)

Также ежегодно отмечается рост числа случаев сексуального насилия в отношении мальчиков и мужчин как формы пыток со стороны вооруженных субъектов. Такие прецеденты, особенно в северных районах страны, активно скрываются от общественности и даже от собственной семьи из опасения подвергнуть риску её репутацию и честь. Террористические группировки и вооруженные формирования используют такую форму насилия в отношении мужского пола с целью манипулирования семьями своих жертв: например, в докладе Центра Саны сообщается о случае, когда участники банды сняли на видео акт насилия над 10-летним мальчиком, которого потом шантажировали этим видео, чтобы заставить его совершить кражу у своей семьи [15, р. 65].

Еще более распространенным явлением становится сексуальное и физическое насилие над мужчинами в местах лишения свободы с целью добиться от задержанных каких-либо «признаний». Кроме того, согласно докладу *Human Rights Watch* за 2022 г., участились случаи произвольного задержания, насильственных похищений, жестокого обращения и пыток в местах лишения свободы¹¹. Несмотря на то, что чаще всего такие случаи замалчиваются, отдельные обвинения в жестоком обращении с заключенными выдвигаются в адрес хуситов, проправительственных сил, а также структур, поддерживаемых ОАЭ¹².

В результате непрекращающегося конфликта в Йемене меняются гендерные роли внутри семьи, что также вызывает определенные психологические проблемы у мужчин. Это связано с тем, что ввиду отсутствия возможностей для заработка некоторые мужчины вынуждены больше времени проводить дома.

В ситуации, когда мужчина не может участвовать в военных действиях в результате физических увечий или проблем со здоровьем, а также не находит других источников заработка, он вынужден оставаться дома и заниматься домашним хозяйством, что не согласуется с принятыми в йеменском обществе представлениями о роли мужчины как «добытчика». Вследствие этого мужчины становятся более агрессивными, что в первую очередь сказывается на семейно-брачных отношениях, проявляясь в насилии по отношению к женщинам и детям.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК

Йемен находится на 162-м месте из 163 по уровню безопасности в Глобальном рейтинге миролюбия (*Global Peace Index*) за 2023 г.¹³ Согласно данным Индекса гендерного неравенства (*Global Gap Index*) за 2021 г., Йемен находился на 155-м месте, уступая лишь Афганистану. Страна также занимает самые низкие позиции по таким показателям, как экономические возможности (28,2%) и грамотность населения (35%)¹⁴.

В условиях войны женщины и дети являются наиболее уязвимыми категориями населения не только потому, что имеют меньше возможностей для самозащиты по сравнению с мужчинами, но и ввиду их особого социального статуса в обществе. В зонах конфликтов женщины нередко становятся жертвами сексуального, физического и психологического насилия.

Среди факторов, влияющих на положение женщины в йеменском обществе, отметим принадлежность к определенной племенной или социальной группе, географические и исторические особенности места проживания и т.д. В зависимости от этого женщины в разной степени подвергаются дискриминации, однако ввиду условий гражданской войны эти различия чаще всего нивелируются. При этом в силу особенностей исторического развития жители Южного Йемена, чья молодость пришлась на период социалистического эксперимента в 1960-е гг., поддерживают гендерное равноправие в большей степени, чем современная молодежь [7, с. 133].

Среди ключевых проблем, с которыми сталкиваются девочки и женщины в ходе йеменского кризиса, можно выделить рост числа ранних детских и принудительных браков, гендерное насилие, попрошайничество и проституцию, рост материнской смертности, ограниченный доступ к образованию, ме-

¹¹ World Report Yemen: 2022. Human Rights Watch. <https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/yemen> (accessed 02.12.2023)

¹² <https://apnews.com/article/df23b77019d34564ae3ee2d4db222279> (accessed 02.12.2023)

¹³ <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/06/GPI-2023-Web.pdf> (accessed 02.12.2023)

¹⁴ Global Gender Gap Report 2021. World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (accessed 02.12.2023)

дицине и другим необходимым для жизни услугам. В совокупности с крайне тяжелыми экономическими условиями это вызывает необратимые последствия не только для самих женщин, но и для всего населения Йемена.

Бедность и социальная незащищенность как следствие конфликта привели к увеличению числа детских браков, которые используются семьями, пострадавшими от конфликта, в качестве механизма выживания (*coping mechanism*). Стремясь сократить количество ртов, которые нужно прокормить, а также стараясь избежать возможного акта сексуального насилия, родители очень рано выдают дочерей замуж, обычно за мужчин, которые намного старше. Такая традиция широко распространена в сельской местности, особенно среди представителей уязвимых маргинализированных групп, однако война способствовала её выходу и в города.

Подобная практика реализуется с целью получения *махра* – имущества, которое муж выделяет жене при заключении брака. Махр является обязательным и в случае вдовства или развода остается у жены. Несмотря на то, что на конференции по национальному диалогу, которая проходила в 2013–2014 гг. в Йемене, был предложен проект новой конституции, а также Закона о правах ребенка, устанавливающий минимальный возраст для заключения брака – 18 лет, на практике эти решения так и не были реализованы¹⁵.

В настоящее время известны случаи вступления в брак девочек в возрасте младше 15 и даже 10 лет. Обычно в брачном договоре муж обязуется заботиться о девочке, как о дочери, вплоть до её совершеннолетия, после чего она может переехать в дом к супругу. Однако в реальности этого не происходит, и девочки в раннем возрасте подвергаются насилию со стороны мужей. Эта проблема стала широко обсуждаться после случая Нуджуд Али – девочки, которая в возрасте 9 лет одна из первых смогла добиться развода. Её пример способствовал активизации деятельности по борьбе с детскими браками по всему миру.

Другой важной проблемой для йеменских женщин является гендерное насилие. В Йемене отсутствует закон, защищающий женщин по признаку пола, есть только общая защита, предусмотренная Уголовным кодексом, согласно которому уголовная ответственность наступает за причинение физического вреда.

Внутри страны также действует Закон о личном статусе 1992 г., положения которого (особенно в ходе военного конфликта) могут способствовать супружескому изнасилованию и насилию в семье. Так, в ст. 40 Закона закреплено, что женщина должна быть послушна своему мужу и послушание обеспечивается в том числе путем ограничения передвижения женщины за пределами супружеского дома и требования к ней вступать в половую связь с супругом¹⁶. Таким образом, изнасилование в браке не является уголовно наказуемым, но число подобных случаев в условиях экономического кризиса и войны лишь возрастает на фоне изменения психологического восприятия мужчинами своей роли.

В условиях вооруженного конфликта большая часть населенных пунктов Йемена оказалась полностью отрезана от газоснабжения, и жители городов и деревень стали всё чаще использовать дрова. Это увеличило нагрузку на девочек и женщин, которые вынуждены самостоятельно заготавливать дрова для приготовления пищи. По этой причине многие девочки, остающиеся дома помогать своим матерям, прекращают обучение в школе. Среди причин, препятствующих посещению школы девочками, также можно выделить отсутствие мотивации у родителей давать девочкам даже начальное образование, отсутствие женщин-учителей и элементарных удобств в школах, ранние браки и отдаленность школ¹⁷. В тяжелых условиях конфликта приоритет в обучении в школах отдается мальчикам, поэтому лишь самая малая часть девочек получает базовые знания.

Отдельным вектором в развитии и изменении гендерных ролей в Йемене является участие женщин в миротворчестве и урегулировании конфликта. Особенно активно это проявлялось на начальном этапе войны (2014–2015 гг.) после проведения Конференции по национальному диалогу в 2014 г., где женщины составили 28% участников, внося тем самым свой вклад в формирование повестки [16, р. 17]. Жен-

¹⁵ Human Rights Watch, 2020. <https://www.hrw.org/news/2020/02/07/human-rights-watch-submission-committee-elimination-discrimination-against-women> (accessed 12.01.2024)

¹⁶ Yemen – The Personal Status Act No. 20 of 1992. *Equality Now*. https://equalitynow.org/discriminatory_law/yemen_the_personal_status_act_no_20_of_1992/ (accessed 12.01.2024)

¹⁷ Voices from Yemen... P. 28.

щины также участвовали в разработке новой конституции в 2014 г., которая ввиду обострения кризиса не была одобрена.

В 2015 г. организация «ООН-женщины» совместно с Канцелярией специального посланника Генерального секретаря по Йемену инициировала Пакт йеменских женщин за мир и безопасность, представительный орган женщин из различных политических кругов, на базе которого предполагалось обсуждение и продвижение участия женщин в политической жизни, миротворческих инициативах и мирных переговорах. Однако проект не получил должной поддержки, и с углублением кризиса участие женщин в этих областях пошло на спад. Так, если на Конференции в 2014 г. женщины составили более четверти от общего числа участников, то в декабре 2018 г. в переговорах по Йемену в Стокгольме приняла участие только одна женщина.

Тем не менее женщины продолжают быть активными, особенно на местном уровне.

Среди проектов в области безопасности, здравоохранения и гуманитарной деятельности выделим «Сеть женской солидарности» (*The Women Solidarity Network*), организацию, цель которой – объединение женщин для поддержки и защиты друг друга, «Национальную программу действий в интересах женщин, мира и безопасности в Йемене» (*National Agenda on Women, Peace, and Security in Yemen*); а также «Ассоциацию матерей похищенных и содержащихся под стражей лиц», которая с 2016 г. проводит кампании по освобождению мужчин [16, р. 19]. Кроме того, в отсутствие мужчин женщины работают в местной полиции для обеспечения безопасности своего города или села.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданская война в Йемене усугубила проблемы дискриминации маргинализированных групп, социального неравенства, антисанитарии и низкого уровня образования. Возникли и новые трудности, связанные с изменением гендерных ролей, идущим вразрез с традиционными представлениями о них в обществе. Мужчины наиболее болезненно воспринимают эти трансформации, затрагивающие такие базовые понятия, как мужская честь и достоинство.

Что касается положения девочек и женщин, то недостаток образования, ранние браки и семейное насилие имели место и до конфликта и в целом воспринимались как должное. Это в первую очередь касается женщин из низкостатусных групп, которые считаются в Йемене наиболее уязвимыми. Однако указанные проблемы не являются нормой для традиционных восточных обществ, но в условиях войны приобретают опасный масштаб и усугубляют и без того критическую гуманитарную ситуацию в стране. Это обуславливает необходимость тщательного анализа подобных явлений, выявления причин сохранения глубокой дифференциации йеменского общества и поиска путей её преодоления.

Выработка адекватных решений отмеченных проблем и преодоление негативных тенденций в йеменском обществе требуют дальнейшего исследования. Необходимы механизмы, которые позволят обеспечить в первую очередь базовые права женщин и мужчин и преодолеть различные формы дискриминации и насилия, недопустимые в реалиях XXI в.

Однако исследователям следует быть готовыми к недостатку или отсутствию объективных данных о ситуации в Йемене, поскольку само йеменское правительство не заинтересовано или не в состоянии аккумулировать сведения о фактах дискриминации отдельных гендерных групп. При этом информация, предоставляемая западными правозащитными институтами, нуждается в верификации и критической оценке в свете их предвзятости к проблеме положения женщины на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ближний Восток: политика и идентичность. Под ред. И.Д.Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. 2020. *The Middle East: Politics and Identity*. Ed. by I.D.Zvyagelskaya. Moscow. (In Russ.)
2. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: Садра, 2014. Sukiyaainen L.R. 2014. *Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions*. Moscow. (In Russ.)
3. Серебров С.Н., Замараева Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Фазельянова Г.Э. Йеменский кризис: внутривосточные аспекты и внешние вызовы. *Восток (Oriens)*. 2015. № 5, с. 149–156. Serebrov S.N., Zamaraeva N.A., Ravandi-Fadai L.M., Fazelyanova G.E. 2015. *The Yemeni crisis: internal political aspects and external challenges*. *Vostok (Oriens)*. № 5, Pp. 149–156. (In Russ.)

4. Матвеев И.А., Серебров С.Н., Хлебников А.Л. Модели постконфликтного урегулирования на примере арабских стран. *Россия и мир: научный диалог*. 2022. № 3 (5), с. 56–75. DOI: 10.53658/RW2022-2-3(5)-56-75
Matveev I.A., Serebrov S.N., Khlebnikov A.L. 2022. Models of post-conflict settlement on the example of Arab countries. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. № 3 (5), pp. 56–75. (In Russ.). DOI: 10.53658/RW2022-2-3 (5)-56-75
5. Боков Т.А. «Подобны ковчегу Нуха»: сейиды в руководстве хуситского движения в 2004–2010 гг. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2023. Т. 15, № 1, с. 118–132. DOI: 10.21638/spbu13.2023.108
Bokov T.A. 2023. “Like the ark of Nuh”: Sayyids in the leadership of the Houthi movement in 2004–2010. *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*. Vol. 15, № 1, Pp. 118–132. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu13.2023.108
6. Боков Т.А. Политическая идеология хуситского движения (по материалам лекций Хусейна Ал-Хуси). *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2017. Т. 13, № 4, с. 95–112. DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-4-95-112
Bokov T.A. 2017. The political ideology of the Hussite movement (based on lectures by Hussein Al-Houthi). *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. Vol. 13, № 4, pp. 95–112. (In Russ.). DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-4-95-112
7. Костенко В.В., Понарин Э.Д., Стребкова О.Н. Влияние исторических процессов на гендерные установки в странах Арабского Востока. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1, с. 126–146. DOI: 10.31857/S086919080004472-6
Kostenko V.V., Ponarin E.D., Strebkova O.N. 2019. The influence of historical processes on gender attitudes in the countries of the Arab East. *Vostok (Oriens)*. № 1, pp. 126–146. DOI: 10.31857/S086919080004472-6
8. Lackner H. 2022. *Yemen: Poverty and Conflict*. Routledge.
9. Al Alim Alsoswa A., Brehony N. 2022. *Building a New Yemen: Recovery, Transition and the International Community*. I.B. Tauris.
10. Hamidaddin A. 2022. *The Huthi Movement in Yemen: Ideology, Ambition and Security in the Arab Gulf*. Bloomsbury Publishing.
11. Day S. W., Brehony N. 2020. *Global, Regional, and Local Dynamics in the Yemen Crisis*. Springer Nature.
12. Winter L. 2010. Fragile State: Yemen in Conflict. *Current History*. Vol. 109, № 731, pp. 395–400. DOI: 10.1525/curh.2010.109.731.395
13. Colburn M., Saleh F., Al-Harbi M., Saleem S. 2021. Bringing Forth the Voices of Muhammasheen. Sana’a Center for Strategic Studies. https://sanaacenter.org/files/Bringing_Forth_the_Voices_of_Muhammasheen_en.pdf (accessed 02.12.2023)
14. De Regt M., Aljaedy A. 2022. Muwalladeen in Yemen: Racialization, Stigmatization and Discrimination in Times of War. Sana’a Center for Strategic Studies. https://sanaacenter.org/files/Muwalladeen_in_Yemen_Racialization_Stigmatization_and_Discrimination_in_Times_of_War_en.pdf (accessed 02.12.2023)
15. Al-Ammar F., Patchett H., Shamsan Sh. 2019. A gendered crisis: understanding the experiences of Yemen’s war. Sana’a Center for Strategic Studies. https://sanaacenter.org/files/A_Gendered_Crisis_en.pdf (accessed 02.12.2023)
16. Awadh M., Shuja’adeen N. 2019. Women in conflict resolution and peacebuilding in Yemen: research paper. Ed. by Sawsan Al-Refaei. *Nahj Consulting, Yemen: UN Women*. <https://yemen.un.org/sites/default/files/2019-09/WomenInConflictResolutionAndPeacebuildingInYemenFIN.PDF> (accessed 02.12.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чикризова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; заместитель главного редактора «Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения», Москва, Россия.

Olga S. Chikrizova, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; Deputy Editor-in-Chief, *Vestnik RUDN*. Series: International Relations, Moscow, Russia.

Константинова Дарья Андреевна, студентка 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» (Арабский Восток), кафедра востоковедения и африканистики РУДН, Москва, Россия.

Daria A. Konstantinova, BA Student (Regional Studies), Department of Oriental and African Studies, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 28.03.2024

Феномен «параллельных» обществ в Великобритании (на примере роли этноконфессионального пакистанского сообщества: постколониальный дискурс и политическая реальность в XXI в.)

© Кулькова О.С.^а, 2024

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3953-8938; kulkova-olga@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается феномен «параллельного общества», представленного этноконфессиональным пакистанским сообществом Великобритании, по отношению к белому большинству. В настоящее время «параллельные общества» всё чаще начинают рассматриваться как акторы, влияющие на внутреннюю, а иногда и внешнюю политику принимающей страны.

Показано, что экономическое и социальное благосостояние пакистанцев со временем повысилось, как и их политическая представленность, несмотря на присутствие определенной дискриминации и исламофобии. Важным примером политического успеха является карьера британского пакистанского политика во втором поколении Садика Амана Хана, который стал первым мэром Лондона – мусульманином и представителем меньшинства и занимает этот пост с 2016 г. по настоящее время.

Также рассматривается влияние пакистанского сообщества на культурную и конфессиональную динамику внутри британского общества. Большое внимание уделено тому, как представители пакистанского «параллельного общества» влияют на внутреннюю и внешнюю политику Соединенного Королевства. Проанализирован потенциал «мягкой силы» пакистанской диаспоры.

Ключевые слова: Великобритания, Пакистан, параллельное общество, ислам, мусульмане, диаспора, этноконфессиональное сообщество, миграция, иммигранты

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 19-18-00054-П «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений».

Для цитирования: Кулькова О.С. Феномен «параллельных» обществ в Великобритании (на примере роли этноконфессионального пакистанского сообщества: постколониальный дискурс и политическая реальность в XXI в.). *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 21–29. DOI: 10.31857/S032150750030600-2

The Phenomenon of “Parallel” Societies in Great Britain (Case of the Ethno-Religious Pakistani Community: Postcolonial Discourse and Political Reality in the 21st Century)

© Olga S. Kulkova^a, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3953-8938; kulkova-olga@yandex.ru

Abstract. This article provides a global overview of the phenomenon of a “parallel society”, which is represented by the ethno-religious Pakistani community of Great Britain, in relation to the white majority.

The analysis is focused on the impact of the Pakistani diaspora upon the British economics and political life. It is shown that economic and social well-being of the Pakistanis has increased over time, despite existing presence of discrimination and Islamophobia. An important example of the political success is the case of a second-generation British Pakistani politician, Sadiq Aman Khan, who has become the first Muslim and minority Mayor of London and served from 2016 to the present.

It is also analyzed, which impact the Pakistani ethno-confessional community provides upon the modern cultural and religious dynamics within the British society. Cultural and religious spheres are exactly the ones in which the presence of the Pakistani “parallel society” is very well represented and creates certain problems that do not have easy solutions.

Much attention is paid to how representatives of the Pakistani “parallel society” influence the domestic and foreign policy of the United Kingdom. The potential of “soft power” of the Pakistani diaspora is analyzed.

Keywords: Great Britain, Pakistan, parallel society, Islam, Muslims, diaspora, ethno-confessional community, migration, immigrants

For citation: Kulkova O.S. The Phenomenon of “Parallel” Societies in Great Britain (Case of the Ethno-Religious Pakistani Community: Postcolonial Discourse and Political Reality in the 21st Century). *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 21–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030600-2

ВВЕДЕНИЕ

Темой статьи является возникновение новых акторов политики в лице «параллельных» конфессиональных обществ внутри британского общества.

Сам концепт «параллельные» общества не нов, он разработан западными учеными еще в начале 2000-х гг. и применялся исключительно к проблеме этнических и конфессиональных меньшинств в рамках их взаимоотношений с «ведущей культурой». Сейчас «параллельные общества» начинают рассматриваться во всё большей степени как акторы, влияющие на внутреннюю, а иногда и внешнюю политику принимающей страны.

Британский конфессиональный ландшафт претерпевает изменения под влиянием инокультурной миграции из стран Африки и Ближнего Востока. С конца 70-х гг. XX в. роль религиозного фактора в мировой политике постоянно возрастает. Он неразрывно связан с проблемами международной безопасности, борьбы с терроризмом.

ПАКИСТАНСКАЯ ДИАСПОРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Великобритания стала новой родиной для самого большого пакистанского этноконфессионального сообщества в Европе.

Иммиграция в Великобританию из региона, который сейчас является Пакистаном, началась в середине XIX в. Однако именно после Второй мировой войны, распада Британской империи и обретения Пакистаном независимости иммиграция пакистанцев в Соединенное Королевство увеличилась, особенно в 1950–1960-х гг. Пакистан стал членом Содружества. Пакистанские иммигранты помогли решить проблему нехватки рабочей силы в британской сталелитейной, текстильной и машиностроительной промышленности. Тогда же национальная служба здравоохранения (*NHS*) нанимала врачей из Пакистана [1].

Число британских пакистанцев выросло примерно с 10 тыс. в 1951 г. до более чем 1,17 млн человек в 2011 г. и до 1,58 млн, или 2,7% населения, в 2021 г. Большинство британских пакистанцев (около 93%) – мусульмане, по данным переписи 2021 г.¹

С 1950-х гг. пакистанцы прошли долгий путь с точки зрения социального и экономического статуса, образования и политического положения. Многие представители пакистанского этноконфессионального сообщества работают в сфере юриспруденции, здравоохранения, культуры, служат в британской армии.

Вместе с тем пакистанская диаспора Великобритании не является гомогенной – внутри неё выделяются группы по разным признакам [3, p. 7]:

- место прежнего проживания в Пакистане (город или деревня);
- место жительства в Великобритании (север или юг);
- классовая принадлежность, образование и род занятий (присутствует сильная поляризация между представителями рабочего и среднего класса).

В зависимости от этих факторов, степень интеграции пакистанцев в британское общество и то, как они себя идентифицируют, значительно различаются. Например, пакистанцы, живущие в Йоркшире и Ланкашире, скорее идентифицируют себя как мусульмане и лишь во вторую очередь как пакистанцы, тогда как некоторые британские пакистанцы в 1-м поколении (иммигрировавшие на ПМЖ в Велико-

¹ Population of England and Wales. Ethnicity Facts and Figures. Official website of the UK Government. 22.12.2022. <https://ethnicity-facts-figures.service.gov.uk/uk-population-by-ethnicity/national-and-regional-populations/population-of-england-and-wales/latest> (accessed 15.11.2023)

британию этнические пакистанцы, получившие впоследствии британское гражданство) определяют себя по своей касте и региону проживания, а не по религии или стране происхождения. Британские пакистанцы в 3-м поколении (т.е. лица, имеющие мигрантское происхождение, внуки изначальных пакистанских иммигрантов) с большей вероятностью предпочтут быть идентифицированными как часть южноазиатской диаспоры, а не как пакистанцы-мусульмане, но это касается только высокообразованных специалистов [5].

ВЛИЯНИЕ ПАКИСТАНСКОЙ ДИАСПОРЫ НА БРИТАНСКУЮ ПОЛИТИКУ – ВНУТРЕННЮЮ И МЕЖДУНАРОДНУЮ

У Великобритании и Пакистана вполне деловые и позитивные отношения. Присутствует как дипломатическое сотрудничество, так и связи в военной сфере. Британская высокая комиссия в Исламабаде – крупнейшая дипломатическая миссия Великобритании в мире [6].

Сейчас, как никогда прежде, две страны и общества переплетены благодаря распространению современных технологий. В 2011 г. ежегодный товарооборот между Великобританией и Пакистаном превышал £1 млрд, почти 10 000 пакистанцев учились в Великобритании [7]. В 2023 г. объем товарооборота составлял уже £4,3 млрд². Впрочем, несмотря на рост взаимной торговли, Пакистан – всего лишь 50-й по величине торговый партнер Великобритании.

Большой объем денежных переводов членов пакистанской диаспоры в Пакистан – свидетельство крепости семейных связей. В 2012/2013 г. переводы из Великобритании в Пакистан составили £1,228 млрд [8]; только за октябрь 2023 г. – \$330,2 млн³.

Британско-пакистанское сообщество всегда принимало активное участие в британской внутривнутриполитической жизни, в т.ч. работало в местных советах, участвовало в протестах против расизма и войн. Члены диаспоры представляют свои местные сообщества в парламенте.

После всеобщих выборов в мае 2015 г. британская пакистанская диаспора получила большее политическое представительство, чем когда-либо прежде – 10 депутатских мандатов. Последние всеобщие выборы состоялись в Великобритании в 2019 г., и новая победа: 15 британцев пакистанского и кашмирского происхождения были избраны в парламент (10 – от Лейбористской партии, 5 – от Консервативной).

Важным примером степени политического успеха может служить карьера британского пакистанца во 2-м поколении (его родители приехали из Пакистана, а сам он родился в Великобритании) Садика Амана Хана, который с 2016 г. по настоящее время занимает пост мэра Лондона (был переизбран в 2021 г.). Он в ходе выборной кампании позиционировал себя следующим образом: «Я лондонец. Я европеец. Я британец. Я англичанин. Я мусульманин. Я азиат. Я пакистанец»⁴.

Хан родился в Лондоне, работал адвокатом, занимал должность в муниципалитете, с 2005 по 2016 г. был членом парламента от лейбористов. С.Хан стал первым мэром Лондона – мусульманином и первым мэром из числа этнических меньшинств. Он реализовал «британскую мечту»: «В Пакистане шансы на то, что сын водителя автобуса или рикши сможет занять высокую политическую должность в столице страны, ничтожны. Но теперь жители Лондона выбрали Садика Хана – сына иммигранта, пакистанского водителя автобуса – своим первым мэром-мусульманином» [14].

Однако, несмотря на истории успеха, во взаимодействии пакистанского этноконфессионального меньшинства с британским большинством остается еще немало проблем. Пожалуй, наиболее актуальными являются экстремизм (как праворадикальный экстремизм отдельных белых британцев, так и исламский экстремизм, свойственный отдельным мусульманам) и исламофобия.

Экономические проблемы также остаются. По данным правительства, 58% британских пакистанцев считаются «бедными», по сравнению со средним показателем по Великобритании (21%). Около 66%

² Trade and Investment Factsheet. Pakistan. 01.11.2023. <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/653fada146532b000d67f519/pakistan-trade-and-investment-factsheet-2023-11-01.pdf> (accessed 15.11.2023)

³ State Bank of Pakistan. Country-wise Workers' Remittances. October 2023. <https://www.sbp.org.pk/ecodata/homeremit.pdf> (accessed 01.11.2023)

⁴ Gross J. Sadiq Khan Elected as London's First Muslim Mayor. The Wall Street Journal. 06.05.2016. <https://wsj.com/articles/sadiq-khan-set-to-be-elected-londons-first-muslim-mayor-1462574861> (accessed 01.09.2023)

пакистанских семей относятся к категории малообеспеченных, что больше, чем в любой другой этнической группе [5].

Роль женщин по-прежнему остается деликатным вопросом. Хотя прогресс был достигнут во многих отношениях, безработица среди британских пакистанских женщин составляет почти 20%, по сравнению со всего лишь 3% среди белых женщин [5]. Случаи принудительных браков и т.н. «убийств чести» также еще предстоит искоренить.

Решение этих проблем требует согласованных усилий британского правительства и таких организаций, как Британский пакистанский фонд (*British Pakistan Foundation*), а также политического участия пакистанской диаспоры и местных лидеров пакистанского происхождения.

Основанный в 2010 г. Фонд является некоммерческой, светской и внепартийной организацией, однако реализует программы по всей стране в партнерстве с местными общественными организациями, работающими на благо пакистанского сообщества⁵. Содействуя развитию сообщества, он выступает также в качестве связующего звена между диаспорой и правительственными и неправительственными организациями как в Великобритании, так и в Пакистане.

У Фонда есть программа поддержки юных пакистанцев в учебе и карьерном росте, а также программа политического коучинга, помогающая молодым членам диаспоры начать свой путь к вершинам британской политики. Также развивается проект «Наследие», посвященный увековечению вклада пакистанцев в британскую историю за последние 75 лет. Фонд «Наследие» спонсирует различные проекты, помогающие развитию пакистанского сообщества.

Идентичность членов пакистанской диаспоры в значительной мере формируется под влиянием динамики социокультурных процессов как в Пакистане, так и в самой Великобритании. Британские исследователи указывают, что политическая динамика в стране происхождения бывших мигрантов и в стране их «прибытия» влияет на формирование идентичности членов диаспоры [10]. Так, К.Кинг полагает, что «обостренное чувство связи между государствами происхождения и диаспорами – это результат, а не причина конфликта [в принимающих государствах]» [11].

«Диаспоры постепенно становятся ключевым связующим звеном между странами, принявшими иммигрантов, и политическим развитием в странах своего происхождения» [12]. Не событиями в Южной Азии формировалась политика диаспоры, но диаспора часто играла стратегическую, а порой и решающую роль в том, как складывались судьбы субконтинента после разделения в 1947 г. бывшей колонии Британская Индия на два независимых государства – Индию и Пакистан [10].

Исследователь А.Ахтар отмечал, что «многие британские пакистанцы выражали отвращение к женоненавистничеству и сектантству ультраправых организаций, использующих религию для распространения ненависти и предубеждений в Пакистане» [13]. Такой подход оказывает свое влияние в Пакистане. Несмотря на идеи о том, что диаспоры могут разжигать конфликт на своей родине, растущее число исследований показывает, что диаспора вносит вклад в миротворческие усилия, а её члены действуют как «критические агенты социальных, политических и культурных изменений в странах происхождения» [12].

Исследуется и вопрос, как пакистанская диаспора в европейских странах содействует демократизации Пакистана [14]. Интересный замысел и выводы демонстрирует работа, посвященная изучению филантропических проектов пакистанской диаспоры в Великобритании⁶. Заслуживают внимания и компаративистские исследования: например, сравнение особенностей участия пакистанской диаспоры в общественной и политической жизни Великобритании и США [15].

Влияние пакистанской диаспоры некоторыми британскими исследователями рассматривается сквозь призму концепции «мягкой силы» [16]. Вклад этой диаспоры в жизнь Соединенного Королевства демонстрирует её потенциал в качестве агента «мягкой силы» в отношениях между Пакистаном и Великобританией.

⁵ British Pakistan Foundation. Our Vision, Mission & Approach. <https://www.britishpakistanfoundation.com/about/our-vision-mission-approach/> (accessed 01.08.2023)

⁶ Pakistani Diaspora Philanthropy in the UK: trends and variations. British Council. October 2019. https://www.britishcouncil.pk/sites/default/files/pakistani_diaspora_philanthropy_in_the_uk_-_british_council.pdf (accessed 07.09.2023)

ВЛИЯНИЕ ПАКИСТАНСКОЙ ДИАСПОРЫ НА БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ

Сообщество пакистанцев присутствует в Великобритании уже более 75 лет.

Представители британско-пакистанского сообщества внесли значительный вклад во все сферы жизни Великобритании. Примерами могут служить:

- диктор новостей и радиоведущий *BBC* Мишал Хусейн;
- певец Зейн Малик, участник поп-группы *One Direction*;
- звезды английского крикета Усман Афзаал, Афтаб Хабиб, Кабир Али, Моин Али;
- предприниматель пакистанского происхождения сэр А.Первез был посвящен в рыцари в 2008 г. за заслуги в области предпринимательства и благотворительности.

Пакистанцы дорожат своим культурным и религиозным наследием. Многие посещают Пакистан каждый год или по крайней мере поддерживают связь с членами семей, которые там живут. Однако они ищут способы быть принятыми в британском обществе, и всё большему числу это удается.

В 1951 г. в Великобритании было основано Пакистанское общество. В 2004 г. была учреждена его Премия. В 2019 г. эта награда была заменена медалью имени Мухаммада Али Джинна. Он почитается в Пакистане как отец-основатель национальной государственности, будучи одним из инициаторов и самых активных участников раздела Британской Индии и первым генерал-губернатором Пакистана. «Кид-и-Азам» («Великий вождь») пакистанской нации был так охарактеризован британским профессором С.Уолпертом: «Мало кто существенно меняет ход истории. Еще меньше людей модифицируют карту мира. Очень редко кому-то можно приписать создание национального государства. Мухаммад Али Джинна совершил все три эти деяния» [17, р. 5].

Примечательна речь британского министра иностранных дел У.Хейга «Великобритания и Пакистан – наше богатое культурное наследие», которую он произнес на церемонии вручения Пакистанским обществом премии *Jinnah Awards* в 2011 г.

Хейг привел пример взаимодействия государства и пакистанского сообщества: в 2011 г. Пакистан пострадал от сильных наводнений. Огромные усилия по сбору средств предприняла британско-пакистанская община. За 3 месяца после наводнения денежные переводы в Пакистан выросли более чем на \$100 млн в месяц [7].

Стоит добавить, что М.А.Джинна на протяжении всей своей жизни оставался защитником прав меньшинств. В своей знаменитой речи 11 августа 1947 г. перед Учредительным собранием, накануне обретения Пакистаном независимости, он блестяще нарисовал будущее страны, свободной от фанатизма, нетерпимости и предрассудков [18].

Интересно, что в британском парламенте образовалась Межпартийная группа представителей пакистанских сообществ (*All-Party Parliamentary Group (APPG) for Pakistani Minorities*). Парламентарии, входящие в неё, считают, что свобода религии или убеждений является фундаментальным правом человека, она гарантирована международным правом, а также Конституцией Пакистана, но не всегда соблюдается в современном Пакистане.

Эта парламентская группа учредила в 2022 г. награду имени этого политика, но уже за религиозную толерантность – *The Jinnah Award for Religious Tolerance*. Впервые эта премия была вручена адвокату С.уль Малуку в 2022 г. Он был награжден «за освобождение 3 христиан – жертв драконовских законов Пакистана о богохульстве – от смертного приговора».

Когда пакистанские мигранты оседали в Великобритании, больше всего британское правительство и население тревожили показатели их экономической и культурной интеграции.

Иммиграция влияет не только на заработную плату и налоги. Она также ставит под угрозу «преимущества состава» (*compositional amenities*), которые коренные британцы получают благодаря проживанию в своем районе, обучению детей в местных школах, работе на своих рабочих местах. Имеется в виду важность общих, разделяемых с соседями, коллегами, соучениками религиозных убеждений, языка, традиций и обычаев. Это т.н. «неэкономические», ценностные факторы формирования отношения к иммигрантам, которые в 2–5 раз более значимы для белого большинства, нежели экономические эффекты миграции [19].

Почти все пакистанцы 2-го поколения (дети, родившиеся в Великобритании у иммигрантов из Пакистана) имеют британское гражданство. Исследования находят доказательства того, что мусульманская/пакистанская и британская идентичности дополняют друг друга, а не конфликтуют друг с другом [3, p. 26]. Вместе с тем выявлено, что более молодые, образованные и профессионально успешные пакистанцы с меньшей вероятностью идентифицируют себя как британцы, нежели пожилые и менее образованные [2, p. 26].

Полевое исследование 2019 г., предпринятое в Великобритании и Норвегии, исследовало уровень дискриминации в отношении пакистанских мигрантов и их потомков при приеме на работу в этих странах. В целом оно показало, что пакистанцы находятся в явно невыгодном положении по сравнению с белыми претендентами, даже при одинаковой квалификации. Для устройства на работу им требуется отправить на 50% больше откликов на вакансии [20, p. 6]. Хотя степень такой дискриминации снижается от десятилетия к десятилетию, она все еще высока.

Интересное исследование предприняла профессор Оксфордского университета Дебора Филипс в своей статье «Параллельные жизни? Оспаривание дискурсов о самосегрегации британских мусульман» [21]. Она анализировала городские беспорядки в Брэдфорде, Олдхэме и Бернли в 2001 г. Официальные сообщения о беспорядках утверждали, что британские азиатские меньшинства и представители белого большинства живут «параллельными жизнями». В своей статье Д.Филипс оспаривает мнение о том, что британские мусульмане хотят жить отдельно от других и отстраниться от британского общества. Её доводы основаны на глубоких исследованиях людей пакистанского/кашмирского и бангладешского происхождения в Брэдфорде.

Но есть и противоположные мнения.

Как показывает в своей новой книге «Среди мечетей: путешествие по мусульманской Великобритании» [22] известный писатель и журналист Эд Хусейн, в некоторых частях страны действительно развивается параллельное общество. Первые две мечети появились в Великобритании в Ливерпуле в 1887 г. и в Уокинге в 1889 г., а сейчас их около 2000 по всей стране, и они служат интересам 3 млн британских мусульман [23]. Сегодня общины приверженцев ислама – самые быстрорастущие религиозные сообщества в Великобритании. Хотя Британия гордится тем, что является оплотом мультикультурализма и толерантности, её отношения с исламом сложны и находятся под угрозой растущей нетерпимости.

Эд Хусейн в своей книге подсвечивает противоречивую повседневность жизни британских мусульман – борьбу идентичности и принадлежности, традиций и современности, Востока и Запада, откровения и разума.

Есть и другие исследования, которые показывают, что пакистанские мигранты создали свои собственные развлекательные и общественные центры – часто с религиозным подтекстом – за счет сочетания самофинансирования и государственных грантов. Местные мечети и спортивные залы – ключевые социальные пространства, где преобладают в основном пакистанцы-мужчины.

Сильная зависимость от сетей соотечественников также характеризует поиск работы и жилья пакистанцами, что приводит к образованию этнических бизнес-анклавов, особенно в сфере общественного питания и такси, а также к возникновению этнически сегрегированных кварталов. Пик пакистанской миграции пришелся на конец 1960-х – начало 1970-х гг., когда в широком масштабе началось воссоединение семей и была введена «ваучерная система», позволявшая мигрантам, уже обосновавшимся в стране, содействовать устройству на работу своих друзей и родственников [20, p. 4].

Вопросам участия афро-азиатских сообществ, в т.ч. пакистанского, в жизни современной Великобритании посвящены работы российского африканиста Г.А.Карпова [32], который также указывал на сложности интеграции пакистанцев в британское общество.

В 2017 г. Великобритания отмечала 70 лет работы Британского совета в Пакистане (он начал работать в стране с момента обретения ею независимости). Британский совет укреплял отношения между Великобританией и Пакистаном посредством сотрудничества в сфере образования, социального развития и искусств.

Всемирная служба *BBC* всё больше внимания уделяет изучению диаспор для производства специализированного контента. В июне 2007 г. Министерство финансов Великобритании выделило *BBC World Service* £1 млн на разработку ряда сервисов, нацеленных на ключевые группы диаспор в Велико-

британии [4]. Первая инициатива была направлена на развитие особой службы для британской пакистанской диаспоры. Аудитория диаспоры всё больше влияет на то, как осмысливается и выпускается контент новостной службы. Например, более 60% пользователей *www.bbcurdu.com*, которые заходят на сайт еженедельно, делают это вне пределов Индийского субконтинента, и эта пропорция растет [4]. Та же тенденция наблюдается и для других языковых веб-сайтов *BBC*.

BBC Gujarati – международная служба новостей *BBC* на языке гуджарати. Как и *BBC Punjabi*, она начала работу 2 октября 2017 г. Сервисы действуют на веб-сайтах и в социальных сетях. Её запуск является частью крупнейшего расширения *BBC World Service* с 1940-х гг. после увеличения государственного финансирования в 2016 г.

В отличие от них, *BBC Pashto* – станция Всемирной службы на пушту – начала вещание еще в 1981 г.

В Великобритании есть два телеканала, созданные специально для пакистанской аудитории самими пакистанцами-медиабизнесменами: *AAP TV* – первый в Великобритании телеканал на языках потвари/пахари; *KBC* – первый в истории независимый кашмирский телеканал. В Великобритании также выпускается ряд газет, ориентированных на пакистанскую диаспору, например *The Dawn*, *The Pakistan Weekly*.

История исламофобии и ответных негативных чувств мусульман в Великобритании имеет давние корни. Еще в октябре 1988 г. британские мусульмане протестовали против содержания книги британского писателя индийского происхождения, лауреата Букеровской премии 1981 г. Салмана Рушди «Сатанинские стихи» (1988), в которой, хотя в художественной форме, высмеивался пророк Мухаммед и его сподвижники. Британские мусульмане потребовали от государства запретить книгу и изъять её из библиотек.

«Дело Рушди» стало важным поворотным моментом в формировании общественного мнения и национальной политики в дебатах по вопросам мультикультурализма. Оно укрепило общественное мнение о том, что мусульманские меньшинства не разделяют доминирующие ценности британского общества и представляют угрозу социальной сплоченности. А для мусульман, чьи требования по большей части игнорировались, это стало поводом к дальнейшему отчуждению от британской политики. Они считали, справедливо это или нет, что государство не поддерживает их религиозные интересы.

В 1997 г., когда ведущий независимый британский аналитический центр по расовому равенству и гражданским правам *The Runnymede Trust* опубликовал доклад «Исламофобия – вызов для всех нас», его авторы как раз и ввели этот термин в обиход. В докладе утверждалось, что антиисламская предвзятость способствовала дискриминации в сфере труда и обучения, преступлениям на почве ненависти и искажению характеристик в средствах массовой информации.

Мусульмане реагировали на это по-разному. Позитивным способом было участие в межрелигиозном и межкультурном диалоге.

В Великобритании есть ежегодная инициатива – «Неделя повышения информированности об исламе»⁷. В течение этой недели мусульманские организации, а также органы государственной и местной власти, учебные заведения проводят переговоры, выставки и другие мероприятия, направленные на повышение осведомленности общества о жизни мусульманской общины.

Важно, что внешняя политика Великобритании, несомненно, влияет на настроения и поведения мусульман, проживающих в стране, – так, в свое время участие Великобритании в войне в Ираке породило негодование среди многих мусульман⁸.

Интересно, что хотя сами британские пакистанцы-мусульмане жалуются на проявления исламофобии со стороны коренных британцев, существуют и случаи притеснения со стороны пакистанцев-мусульман в адрес пакистанцев-христиан.

Дискомфорт, связанный с ростом этнического разнообразия, проблемы с радикальными мусульманами послужили мобилизации британских избирателей в ходе голосования по «Брекзиту».

⁷ Perceptions of Discrimination and Islamophobia. Voices from members of Muslim communities in the European Union. EUMC 2006. P. 38. https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/182-Perceptions_EN.pdf (accessed 25.09.2023)

⁸ Ibidem, p. 64.

Ряд исследователей указывал, что «Брекзит» – принятое большинством на референдуме 2016 г. решение о выходе Соединенного Королевства из ЕС – во многом мотивировалось глубинным возражением против иммиграции в Великобританию, рассматривалось как «защита буквальных и метафорических границ» [25].

В итоге сейчас многие британские мусульмане во 2-м и 3-м поколениях (например, дети и внуки иммигрировавших некогда в Великобританию пакистанцев) сопротивляются призывам стать «нормальными хорошими мусульманами», «влияться» в британское общество с его правилами, а вместо этого стремятся без извинений утверждать свои особые национальные, религиозные и подчас расовые различия посредством культурного выражения недовольства [25].

Формы британского мусульманского культурного производства включают изобразительное искусство, моду, музыку и поэзию, сегодня они находят особое выражение на цифровых платформах. Социальные сети открывают новый простор, в котором британские мусульманские меньшинства переосмысливают свой опыт, бросают вызов доминирующим представлениям о своей групповой идентичности и создают особую британскую мусульманскую общественность, свой собственный дискурс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, пакистанская диаспора в Великобритании действительно демонстрирует во многом феномен «параллельного общества», актора и субъекта внутривнутриполитических и международных отношений.

Представители пакистанского этноконфессионального сообщества создают анклав в городах, этнические районы, сеть собственных культурных и религиозных учреждений, активно выражают свою этническую и религиозную идентичность в медиа и социальных сетях. Сталкиваясь с дискриминацией и исламофобией со стороны белого большинства, представители данного сообщества демонстрируют широкий диапазон реакций: от попыток ассимилироваться до демонстративного отказа это делать и утверждения собственных культурно-религиозных ценностей мирными и не очень способами.

Они активно влияют как на политические события в стране пребывания (например, продвижение своих кандидатов на выборные посты, в парламент, выделение помощи Пакистану со стороны британского правительства и общества в случае ЧС, проявления «мягкой силы»), так и в стране происхождения (посредством филантропических проектов, отправки денежных переводов, усилий по демократизации, иными способами).

Участники диаспоры в своем ключе толкуют и формируют постколониальный дискурс в самой Великобритании и за её пределами, влияя тем самым на политическую реальность.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. 2000. Kinship and continuity: Pakistani families in Britain. Routledge. Pp. 26–32. ISBN 978-90-5823-076-8
2. Luthra R.R., Platt L. 2017. The Changing Face of Pakistani Migration to the United Kingdom. *AAPI Nexus*. Vol. 15. № 1 and 2 (2017). Pp. 15–55.
3. Gillespie M., Rivzi S., et al. 2009. Pakistan Connection Diasporas. BBC World Service Audience Research Report. <https://www.open.ac.uk/researchprojects/diasporas/sites/www.open.ac.uk/researchprojects.diasporas/files/Pakistan-Connection-Audience-Research.pdf>
4. Malik S. Pakistani Diaspora: An Overview. <https://www.britishpakistanfoundation.com/pakistani-diaspora-an-overview/>
5. Siddiq A. What is the UK-Pakistan relationship? *The International News*. 11 August 2021. <https://www.thenews.com.pk/print/876453-what-is-the-uk-pakistan-relationship>
6. Hague W. The UK and Pakistan – Our rich cultural tapestry. Speech. 02.02.2011. <https://www.gov.uk/government/speeches/the-uk-and-pakistan-our-rich-cultural-tapestry>
7. Niaz L., Nasir S. 2018. The Pakistani Diaspora in UK: Evolution, Integration and Challenges. Centre on International Migration, Remittances and Diaspora (CIMRAD), Lahore School of Economics. <https://www.gids.org.pk/wp-content/uploads/2022/08/CIMRAD-Working-Paper-01-18-Complete-1.pdf>
8. Pakistan's flailing economy hit by drop in worker remittances. *AlJazeera*. 10.07.2023. <https://www.aljazeera.com/news/2023/7/10/pakistans-flailing-economy-hit-by-drop-in-worker-remittances>

9. Akhtar P. Sadiq Khan: British dream now a reality for London's first Muslim mayor. *The Conversation*. 06.05.2016. <https://theconversation.com/sadiq-khan-british-dream-now-a-reality-for-londons-first-muslim-mayor-58945>
10. Sharma V. 2007. Review: Diasporic Politics and Partition. *Economic and Political Weekly*, 42 (45/46), pp. 33–34.
11. King C., Melvin N.J. Winter 1999/2000. Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy and Security in Eurasia. *International Security*, 24 (3), 108–138.
12. Baser B., Swain A. 2008. Diasporas as Peace Makers: Third Party Mediation in Homeland Conflicts. *International Journal on World Peace*, 25 (3), 7–28.
13. Akhtar A. 2011. Two Countries, One Purpose. *RSA Journal*, 157 (5548), pp. 40–43.
14. Abbasi N.M. 2010. The Pakistani Diaspora in Europe and Its Impact on Democracy Building in Pakistan. <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/chapters/the-role-of-the-european-union-in-democracy-building/eu-democracy-building-discussion-paper-41.pdf>
15. Samad A.Y. 2012. Pakistani Diaspora in the UK and USA. *South Asian Diaspora*. Chatterji J. and Washbrook D. (Eds.). Routledge.
16. Hunter M. 2021. The Soft Power of the UK's Pakistani Diaspora. Centre for Strategic and Contemporary Research. <https://cscr.pk/explore/themes/social-issues/the-soft-power-of-the-uks-pakistani-diaspora/>
17. Wolpert S. 2005. *Jinnah of Pakistan*. Oxford University Press. 421 p.
18. Jinnah M.A. Presidential Address to the Constituent Assembly, 11 August 1947. См.: *Oxford Essential Quotations* (4 ed.). Ed. by S.Ratcliffe. Oxford University Press, 2016.
19. Card D., Dustmann C., Preston I. 2012. Immigration, Wages, and Compositional Amenities. *Norface Migration. Discussion Paper No. 2012–13*. <https://davidcard.berkeley.edu/papers/immigration-wages-compositional-amenities.pdf>
20. Larsen E., Di Stasio V. 2019. Pakistani in the UK and Norway: different contexts, similar disadvantage. Results from a comparative field experiment on hiring discrimination. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. № 47. Pp. 1201–1221.
21. Phillips D. Parallel Lives? Challenging Discourses of British Muslim Self-Segregation. 2006. *Environment and Planning D: Society and Space*. № 24 (1). Pp. 25–40.
22. Husain E. 2021, *Among the Mosques: A Journey Across Muslim Britain*. Bloomsbury Publishing. 352 p.
23. A parallel society is developing in parts of Muslim Britain. *The Economist*. 5 June 2021. <https://www.economist.com/britain/2021/06/05/a-parallel-society-is-developing-in-parts-of-muslim-britain>
24. Карпов Г.А. *Афро-азиатские сообщества Великобритании во второй половине XX – начале XXI вв.* Екатеринбург: Издательские решения, 2018.
Karpov G.A. 2018. *Afro-Asian Communities in Great Britain in the Second Half of the 20th – early 21st centuries*. Yekaterinburg. (In Russ.)
25. Uddin S.F. Responding to Islamophobia: British Muslims “Talk Back” to the UK. *Islamophobia Studies Journal*. 2023. <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.13169/islastudj.8.1.0057#fn9-islastudj.8.1.0057>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Сергеевна Кулькова, к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Olga S. Kulkova, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Studies of Russian-African Relations and Foreign Policies of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.11.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.03.2024

Мусульманское политическое представительство в Телангане (2014–2024)

© Филимонова А.Л.^a, 2024

^a МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

Резюме. Образование нового штата Индии – Телангана – в 2014 г. совпало с приходом к власти в Индии партии «Бхаратия джаната парти» (Партия индийского народа, БДП), стоящей на позициях индуистского национализма. За прошедшее десятилетие в стране заметно окрепла идеология «индусскости» (*хиндутва*) и обострились индуско-мусульманские коммуналистские настроения; в Телангане же они пошли на спад.

Опыт Теланганы свидетельствует о том, что сдерживание коммуналистских проявлений может быть достигнуто за счет символических уступок меньшинству и поддержания диалога с его лояльными представителями при одновременном сохранении фактического доминирования большинства в государственном аппарате управления.

Однако снижение уровня межобщинной напряженности в штате выводит «мусульманский вопрос» в новую плоскость: мусульмане начинают предъявлять властям дополнительные требования, озвучивая иные пожелания, помимо обеспечения безопасности, в том числе касающиеся расширения своего присутствия в политике.

Политическое представительство мусульман на уровне штата реализуется через один из трех механизмов – мусульмане действуют как партийные ставленники в органах власти и самоуправления; предстают как объект политики той или иной партии и в этом качестве вдохновляют её «мусульманский дискурс»; выступают как коллективный субъект, приводящий партию к власти.

Неоднородность мусульманской общины Теланганы затрудняет полноценное совмещение указанных механизмов в рамках одной политической организации. Однако обеспечение мусульманам политического представительства является важнейшей задачей любой партии, рассчитывающей на успех в штате.

Ключевые слова: Индия, штат Телангана, мусульмане, политическое представительство

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-00293 «Этнонационализм в Республике Индии: автономистские тенденции (Телангана/Андхра, Пенджаб) и политика федеральных властей», <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Для цитирования: Филимонова А.Л. Мусульманское политическое представительство в Телангане (2014–2024). *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 30–38. DOI: 10.31857/S032150750030608-0

Muslim Political Representation in Telangana (2014–2024)

© Alina L. Filimonova^a, 2024

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

Abstract. Creation of the Telangana state in 2014 coincided with an ascend to power of Bharatiya Janata Party (BJP) that upholds Hindu nationalism. Within the recent decade, India has been witnessing the strengthening of *hindutva* and the rise of Hindu-Muslim controversies, while in Telangana communalism has begun to decline.

As Telangana experience demonstrates, the alleviation of communalism can be achieved by means of symbolic concessions to minorities and by a dialog with their loyal representatives while keeping intact the de-facto domination of the majority in government.

However, de-escalation of communal violence brings the “Muslim issue” to a new level: Muslims have put forward additional demands to the state government that go beyond security and include, among other things, the broadening of their political involvement.

Muslim political representation at the state level is potentially implemented through one of three mechanisms: Muslims act as party representatives in power and governmental institutions; as an object of party politics which inspires a certain ‘Muslim discourse’; or as a collective subject that brings a party to power.

The heterogeneity of Telangana's Muslim community complicates an optimal combination of the above mechanisms within political parties and organisations. Nevertheless, the provision of political representation for Muslims is a critical task for any party aspiring to succeed in the state.

Keywords: India, Telangana state, Muslims, political representation

Acknowledgement. The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant № 23-28-00293, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00293/>

For citation: Alina L. Filimonova. Muslim Political Representation in Telangana (2014–2024). *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030608-0

ВВЕДЕНИЕ

Телангана – 29-й, самый молодой, штат Индии – была образована 2 июня 2014 г. путем выделения 10 дистриктов северо-западной части штата Андхра-Прадеш в новую политическую единицу¹ [1]. Раздел Андхра-Прадеша стал первым в истории независимой Индии случаем дезинтеграции «лингвистического штата», т.е. созданного целенаправленно для носителей регионального языка (в данном случае – телугу). В Телангане регионализм взял верх над лингвистическим единством: язык оказался недостаточным основанием для политической общности.

Телангану можно отнести к «новому поколению» штатов, возникших в результате «двойного отбора»². Вслед за консолидацией в 1950-х гг. по лингвистическому принципу там впоследствии прошла политическая мобилизация на экономических и культурно-исторических основаниях.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ФАКТОР В ОБРАЗОВАНИИ ТЕЛАНГАНЫ

В вопросе выделения Теланганы из Андхра-Прадеша индийские мусульмане не придерживались единой позиции: организации, представлявшие общину, равно как и отдельные религиозные авторитеты, излагали разные точки зрения на этот счет³.

Однако скромная фактическая роль мусульман в движении за новый штат компенсировалась их весьма значимой символической ролью, хотя и опосредованной. Вплоть до середины XX в. Телангана представляла собой телугуязычные районы княжества Хайдерабад и культурное наследие региона определялось правившей в Хайдерабаде мусульманской элитой. Таким образом, последователи ислама косвенно оказались причастны к образованию Теланганы в силу самого факта своего существования: именно они подарили региону его уникальную самоидентификацию.

МУСУЛЬМАНЕ ТЕЛАНГАНЫ: МНОГООБРАЗИЕ БЕЗ ЕДИНСТВА

По данным последней переписи в Индии (2011 г.), население штата Теланганы – 35,15 млн человек, из них мусульмане составляют 12,7% (4,5 млн)⁴.

Уровень урбанизации среди местных мусульман крайне высок – 74,6%, но при этом 43,5% общины проживают в столице штата – г. Хайдарабаде⁵. Они не владеют землей и не заняты в сельском хозяйстве [1]. Этот факт обуславливает повышенную социальную уязвимость общины и одновременно – ослаб-

¹ The Andhra Pradesh Reorganisation Act, 2014. Government of India Legislative Department. <https://iddashboard.legislative.gov.in/actsofparliamentfromtheyear/andhra-pradesh-reorganisation-act-2014> (accessed 16.01.2024)

² Исторически область Теланганы – телугуязычные районы бывшего княжества Хайдерабад. В 1956 г., на первом этапе административных преобразований, их объединили со штатом Андхра, где большинство населения также составляли носители телугу. Так возник штат Андхра-Прадеш. В 2014 г., на втором этапе «административного отбора», Телангану выделили из Андхра-Прадеша в отдельный штат.

³ Muslim Opinion at Telangana-Junction. *The Times of India*. 2013. July 13. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/muslim-opinion-at-telangana-junction/articleshow/21047624.cms> (accessed 25.01.2024)

⁴ 2011 Indian Population Census. <https://tsmfci.in/population.php> (accessed 16.01.2024)

⁵ Для сравнения, среди индусов этот показатель – только 32,6% (Muslim Population Is on the Rise in Telangana: Report. *Deccan Chronicle*. 2017. May 15. <https://www.deccanchronicle.com/nation/current-affairs/160517/muslim-population-is-on-the-rise-in-telangana-report.html> (accessed 16.12.2023)

ленность клиентелизма, являющегося необходимым условием для эффективного функционирования системы «банка голосов»⁶.

Мусульманское сообщество Теланганы неоднородно как с доктринальной, так и с социально-экономической точки зрения. Порядка 15% последователей ислама составляют шииты, остальные – сунниты [3]. Подавляющее большинство разделяет философию суфизма, однако объединяющие мусульман суфийские структуры в политическом плане пассивны⁷; в результате приверженцы суннитского и шиитского течений имеют автономные механизмы выражения своих позиций.

Социально-экономические барьеры внутри мусульманской общины Теланганы, как и в целом по Индии, отличаются не меньшей жесткостью, чем идеологические. При формальном отсутствии кастовой структуры последователи ислама в Индии де-факто делятся на 3 группы: *аирафы* (их меньшинство; это потомки мусульман, прибывших на Индостан извне), *аджлафы* (те, чьи предки – обращенные в ислам кастовые индусы) и *арзалы* (ведущие свое происхождение от принявших ислам неприкасаемых). На территории Декана (и в меньшей степени – Северной Индии) за низами *аджлафов* и почти всеми *арзалами* сегодня закрепилось общее название – *пасманда* (перс., урду «отсталый»)⁸. По оценкам самих *пасманда*, они составляют около 85% мусульман Индии; остальные 15% – «мусульманские брахманы»⁹.

Как внутриконфессиональное, так и социально-классовое деление до последнего момента использовалось только самими мусульманами для регуляции взаимоотношений внутри общины. Однако в последние десятилетия в рамках общей тенденции к политизации мусульман обострились и межмусульманские противоречия по линиям «сунниты – шииты» и «ашраф – пасманда».

Сунниты и *аирафы* – недискриминируемая часть мусульманского сообщества – действуют через собственно политические партии, о которых будет сказано ниже. Уязвимые же категории – шииты и *пасманда* – отстаивают свои позиции через активистские общественные организации, которые, в свою очередь, поддерживают диалог с властями и политическими партиями Теланганы.

Интересы шиитов представляют организации «Юнайтед шиа муслимс форум» (Объединенный форум мусульман-шиитов) и «Телангана маркази шиа улама каунсил» (Центральный совет шиитских улемов Теланганы – ТМШУК)¹⁰; интересы *пасманда* – «Ол-Индия пасманда муслим махаз» (Всеиндийский фронт мусульман-*пасманда* – ОИПММ). «Ол-Индия...» – уникальный пример региональной религиозно-социальной организации [4] (подробнее о партиях и общественных организациях см. *таблицу*).

Таблица. Политические и общественные организации (упоминаемые в статье)
Table. Political and Social Organisations (mentioned in the article)

Название партии	Перевод	Аббревиатура
Индиан нешнл конгресс	Индийский национальный конгресс	ИНК
Бхаратия джаната парти	Партия индийского народа	БДП
Джамиат-и улама-и Хинд – Махмуд Мадани	Партия улемов Индии – фракция Махмуда Мадани	ДУХ-ММ
Джамиат-и улама-и Хинд – Аршад Мадани	Партия улемов Индии – фракция Аршада Мадани	ДУХ-АМ
Джамаат-и ислами-и Хинд	Исламское общество Индии	ДИХ
Бхарат раштра самити	Индийский национальный совет	
Телангана раштра самити	Национальный совет Теланганы	ТРС

⁶ Подробнее о клиентелизме и феномене «банка голосов» в Южной Азии см. [2].

⁷ К таковым относятся, в частности, *даргахи* – святилища, выстроенные вокруг гробниц наиболее уважаемых суфийских авторитетов (*пиров*) и являющиеся одновременно объектами паломничества и центрами общественной жизни (*прим. авт.*).

⁸ Who Are Pasmanda Muslims and Why Is the BJP Wooing Them? *Deccan Herald*. 2023. June 30. <https://www.deccanherald.com/india/who-are-pasmanda-muslims-and-why-is-the-bjp-wooing-them-1232512.html> (accessed 30.12.2023)

⁹ BJP-BSP in Tussle for Muslim Votes in Uttar Pradesh. *The Times of India*. 2022. October 20. <https://timesofindia.india-times.com/india/bjp-bsp-in-tussle-for-muslim-votes-in-uttar-pradesh/articleshow/94986033.cms?from=mdr> (accessed 17.01.2024)

¹⁰ Shia Ulema Council Raises Concerns over Neglect of Shia Minority in Telangana. *The Deccan Bharat*. 2023. December 30. <https://thedecanbharat.com/shia-ulema-council-raises-concerns-over-neglect-of-shia-minority-in-telangana/> (accessed 23.01.2024)

Название партии	Перевод	Аббревиатура
Ол-Индия маджлис-и иттехад ул-муслимин	Всеиндийский совет союза мусульман	ОИМИМ
Ол-Индия пасманда муслим махаз	Всеиндийский фронт мусульман-пасманда	ОИПММ
Юнайтед шиа муслимс форум	Объединенный форум мусульман-шиитов	ЮШМФ
Телангана маркази шиа улама каунсил	Центральный совет шиитских улемов Теланганы	ТМШУК
Телангана муслим организейшнс джоинт экшн камити	Комитет совместных действий мусульманских организаций Теланганы	ТМОДЭК

Составлено автором.

Очевидно, что мусульмане Теланганы не являются гомогенной политической единицей: внутри общины выстроены альтернативные системы представительства, «распределяющие» мусульман на основании разных принципов, что препятствует выработке общих позиций.

МУСУЛЬМАНЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ТЕЛАНГАНЫ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО, ДИСКУРС, «БАНК ГОЛОСОВ»

Телангана принадлежит к числу штатов, имеющих двухпалатный парламент.

Верхняя палата – Законодательный совет штата – включает в себя 40 депутатов; процедура их отбора – постоянный ротационный процесс, сочетающий не прямые выборы, ограниченные выборы и собственно назначение. Нижняя палата парламента Теланганы – Законодательная ассамблея штата – формируется путем прямых выборов в 119 избирательных округах (по числу мест в нижней палате парламента штата). Из этих мест 19 зарезервировано за зарегистрированными кастами и 12 – за зарегистрированными племенами¹¹. Последние включают в себя определенное число мусульман; однако религия не является критерием их выделения¹², и случаев выдвижения в этих округах кандидатов-мусульман до настоящего момента не наблюдалось [5].

Выборы в нижнюю палату парламента Теланганы прошли трижды: в апреле 2014 г.¹³, в декабря 2018 г. (досрочно) и в ноябре 2023 г. На первых двух уверенную победу одерживала партия «Телангана раштра самити» (Национальный совет Теланганы; в 2022 г. переименована в «Бхарат раштра самити» (Индийский национальный совет – БРС)); правительство формировал её лидер Калвакунтла Чандрашехкар Рао – именно он стоял во главе движения за образование штата Теланганы.

БРС оставалась правящей партией до декабря 2023 г., когда к власти в Телангане впервые пришел Индийский национальный конгресс (ИНК)¹⁴. Как БРС, так и ИНК регулярно выставляют на выборах кандидатов-мусульман, но в очень ограниченном количестве и с весьма незначительным успехом: му-

¹¹ В соответствии с конституцией Индии, вступившей в силу в 1950 г., в перечни зарегистрированных каст (*scheduled castes*) и зарегистрированных племен (*scheduled tribes*) включены наиболее экономически отсталые и социально уязвимые категории населения (в частности, бывшие неприкасаемые), по отношению к которым государство проводит политику «позитивной дискриминации». Понятие «зарегистрированные касты» распространяется на индусов, сикхов и буддистов. Среди зарегистрированных племен могут быть представители любых религий. Мусульмане, как правило, попадают в категорию «прочие отсталые классы» (*other backward classes*), на которую также распространяется ряд государственных льгот (в ограниченном объеме) (*прим. авт.*).

¹² Всего в Телангане насчитывается 32 зарегистрированных племени и 59 зарегистрированных каст. Мусульманские группы присутствуют только в категории «прочие отсталые классы»: туда входят 5 общин, признанных на федеральном уровне, и 14, признанных на уровне штата. См.: Telangana ST, SC, OBC Caste List. 2023. <https://apnalohara.com/telangana-caste-list/> (accessed 06.01.2024); Andhra Pradesh List of Socially and Educationally Backward Classes. <https://web.archive.org/web/20100923184205/http://www.aponline.gov.in/apportal/departments/departments.asp?dep=03&org=111&category=Introduction> (accessed 06.01.2024)

¹³ Ещё до формального образования штата будущие дистрикты Теланганы, находясь в составе Андхра-Прадеша, выбрали депутатов в будущую Законодательную ассамблею (*прим. авт.*).

¹⁴ С 7 декабря 2023 г. главный министр Теланганы – представитель ИНК Анумула Ревант Редди (*прим. авт.*).

сульмане от ИНК в нижнюю палату не проходили ни разу; от БРС дважды избирался 1 мусульманский кандидат¹⁵ [5].

Политическое представительство мусульман по собственно религиозному принципу обеспечивает региональная партия «Ол-Индия маджлис-и иттехад ул-муслимин» (Всеиндийский совет союза мусульман – ОИМИМ). На выборах ОИМИМ выступает не особенно впечатляюще, но на редкость стабильно: в Законодательной ассамблее каждого созыва у партии было по 7 депутатов (все – мусульмане); по итогам последних выборов 2023 г. иных мусульман, кроме представителей ОИМИМ, в нижней палате не оказалось [5].

Исламские партии федерального уровня – «Джамаат-и ислами-и Хинд» (Исламское общество Индии – ДИХ), «Джамиат-и улама-и Хинд – Махмуд Мадани» (Партия улемов Индии – фракция Махмуда Мадани – ДУХ-ММ), «Джамиат-и улама-и Хинд – Аршад Мадани» (Партия улемов Индии – фракция Аршада Мадани – ДУХ-АМ) – в выборах на уровне Теланганы традиционно не участвуют, предпочитая поддерживать какую-то более перспективную с точки зрения электорального успеха организацию: либо ИНК (ДУХ-ММ), либо БРС (ДУХ-АМ)¹⁶.

Как демонстрирует статистика, политическая активность мусульман в качестве представителей отдельных партий ограничена и не пропорциональна численности общины. При том, что последователи ислама составляют 12,7% населения Теланганы, на выборах 2023 г. лишь 7,5% кандидатов были мусульманами; из них в нижнюю палату прошли только 7 человек (т.е. они заняли 5,9% мест) [5]. Аналогичная ситуация наблюдается в верхней палате: на начало 2024 г. среди депутатов Законодательного собрания штата было всего 3 мусульманина (7,5%)¹⁷. Еще хуже дело обстоит на федеральном уровне: из 17 депутатов, представляющих Телангану в Лок-сабхе (нижней палате парламента страны), мусульманин всего один¹⁸.

Сложившаяся ситуация отражает двойственную тенденцию. С одной стороны, партии неохотно выдвигают от своего имени мусульман. С другой стороны, сами мусульмане не стремятся голосовать исключительно за своих единомышленников. Первое – характерная черта «мусульманского дискурса» партий Теланганы, второе – особенность мусульманской общины как «банка голосов».

При этом абсолютно все партии, действующие в Телангане, заинтересованы в мусульманском электорате. Голоса избирателей-мусульман имеют существенный вес в 35 из 119 избирательных округов на уровне ассамблеи штата и в 6 из 17 избирательных округов на уровне Лок-сабхи [7]. Отсюда – осознаваемая партийным руководством необходимость четко формулировать «мусульманский дискурс», понимаемый как политика той или иной партии в отношении мусульман¹⁹.

Политическое представительство мусульман осуществляется как в рамках филиалов общеиндийских партий (секулярных и исламских), так и в рамках региональных партий (этнонациональных и локальных мусульманских).

Мы рассмотрим эти партии *четырьмя блоками*, внутри каждого из которых развивается схожий «мусульманский дискурс».

Первый блок включает основные общеиндийские партии, претендующие на власть в Телангане: упомянутый выше ИНК и «Бхаратия джаната парти» (Партия индийского народа – БДП). Обе организации имеют в Телангане свои отделения; в рамках БДП, кроме того, действует специальный «фронт меньшинств»²⁰, также представленный в штате.

«Мусульманский дискурс» ИНК и БДП строится на убеждении, что мусульмане Теланганы как религиозное меньшинство особенно уязвимы экономически и в массе своей подвергаются социальной (кас-

¹⁵ Muslim Representation In Telangana Assembly Remains Unchanged. NDTV. 2018. December 12. <https://www.ndtv.com/india-news/muslim-representation-in-telangana-assembly-remains-unchanged-1961544> (accessed 28.01.2024)

¹⁶ ДИХ солидаризируется то с БРС, то с ИНК – в зависимости от обстоятельств [6].

¹⁷ Telangana State Legislative Council. List of Members. Telangana Government Official Website. <https://telangana.gov.in/legislature/members-of-legislative-council/> (accessed 21.01.2024)

¹⁸ 2019 Lok Sabha Election Results for Telangana. Indian Election Database. <https://indiavotes.com/lok-sabha/2019/telangana/17/61> (accessed 22.01.2024)

¹⁹ «Мусульманский дискурс» может заявляться напрямую или же звучать в контексте «проблемы меньшинств»: поскольку соответствующий департамент существует при правительстве штата, каждая стремящаяся к власти партия потенциально готова формировать принципы его работы.

²⁰ БДП Телангана майнорити морча (БДП Телангана – фронт меньшинств).

товой) дискриминации. Примечательно, что мусульмане в большинстве случаев не упоминаются отдельно, но фигурируют в одном ряду с остальными религиозными меньшинствами: предполагается, что индивидуальные особенности общин отступают на второй план перед объединяющей их социально-экономической отсталостью. Соответственно, основной своей обязанностью по отношению к мусульманам партии видят обеспечение их финансового благополучия. Вполне закономерно, что, придя к власти в 2023 г., ИНК широко развернул реализацию проектов, направленных на повышение «благополучия меньшинств»²¹.

Важной особенностью такого подхода является ориентация на мусульман, дискриминируемых другими мусульманами, в первую очередь – шиитов и *пасманда*. Наиболее ярко в этой связи себя проявила БДП: именно лидер партии, премьер-министр Нарендра Модии, вывел понятие «*пасманда*» в сферу публичной политики [8, р. 414]. Апеллирование к социальной принадлежности мусульман в ущерб религиозной продиктовано, в числе прочего, стремлением не допустить консолидации мусульманской общины: активисты БДП подчеркивают, что отстаивание исламской идентичности – поведение, характерное для *ашрафов* [8, р. 418].

В рамках защиты «дискриминируемых среди дискриминируемых» в 2004 г. (в тогда еще едином Андхра-Прадеше) правительство ИНК ввело для мусульман квоту, выделив им 4% рабочих мест в госсекторе и мест в образовательных учреждениях. Квота продолжает действовать в современной Телангане и распространяется только на 14 «социально и образовательно отсталых групп среди мусульман», признанных таковыми в отчете Комиссии по отсталым классам Андхра-Прадеша 2007 г.²² Получается, что занимать эти зарезервированные места могут только *пасманда* [9].

Второй блок партий объединяет этнорегиональные организации Теланганы, крупнейшей из которых является вышеупомянутый «Бхарат раштра самити» (БРС). Очерченный здесь «мусульманский дискурс» схож с таковым у общеиндийских партий; однако специфика прослеживается в расстановке акцентов. В данном случае мусульмане Теланганы также понимаются как социально и экономически уязвимое меньшинство; но в первую очередь они воспринимаются как одна из общин штата. Их проблемы интересуют партии, подобные БРС, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения межобщинной гармонии, пресечения коммуналлизма и любого расшатывания внутривнутриполитической ситуации.

Из этого вытекает готовность идти на символические уступки мусульманам в сугубо прикладных религиозных вопросах (обновление стен вокруг кладбищ и мечетей, ежемесячные выплаты *имамам* (предстоятелям в мечетях) и *муэддзинам* (служителям мечети, призывающим мусульман на молитву)). Здесь же можно отметить громкие, но заведомо популистские проекты – такие как повышение квоты для мусульман в сфере занятости и образования²³.

Тема экономического развития мусульманской общины в риторике партий этого блока также присутствует, но преподносится как подъем благосостояния штата через достижение «благополучия меньшинств» (как и у общеиндийских партий, речь ведется о меньшинствах в целом, без уточнений). Подобно ИНК, БРС в период пребывания у власти запустила целый ряд проектов, направленных на «рост благополучия меньшинств»²⁴.

Очевидно, что в *двух* рассмотренных *блоках* предлагается схожая политика в отношении мусульман, но различия целеполагание: если в первом случае это защита уязвимой категории (цель – помочь категории); то во втором – умиротворение уязвимой категории (цель – помочь правительству штата).

Доказательством успешности подхода БРС можно считать почти полное искоренение коммуналистских настроений в штате: в результате Телангана стала одним из немногих индийских штатов, где «му-

²¹ Department of Minorities Welfare. Telangana Government Official Website. <https://telangana.gov.in/departments/minorities-welfare/> (accessed 14.01.2024); Minority Welfare Dept to Approach Govt for Funds for Schemes. *Telangana Today*. 2023. December 25. <https://telanganatoday.com/minority-welfare-dept-to-approach-govt-for-funds-for-schemes> (accessed 19.01.2024)

²² Andhra Pradesh List...

²³ В 2017 г. правительство БРС приняло закон, увеличивающий квоту для мусульман, принадлежащих к отсталым классам, с 4% до 12%. Однако законопроект был отклонен на федеральном уровне, поскольку он нарушал конституционные условия введения квот [9].

²⁴ As Telangana Poll Date Nears, Parties Set Sights on the Muslim Vote. *The Wire*. 2023. November 28. <https://thewire.in/politics/telangana-poll-date-parties-sights-muslim-voters> (accessed 12.01.2024)

сульманский дискурс» не строится вокруг проблемы безопасности. Мобилизация общины происходит преимущественно с учетом классового фактора [10].

К *третьему блоку* активных в Телангане партий можно отнести общеиндийские исламские организации: ДИХ, ДУХ-ММ и ДУХ-АМ. «Мусульманский дискурс» в рамках этой категории базируется на отношении к мусульманам Теланганы как к части *уммы* – единой наднациональной общины. В этой связи предлагаются инициативы по продвижению исламского права и атрибутов исламского образа жизни, универсального для всех последователей ислама независимо от места жительства.

Наиболее заметными шагами на этом поприще представляются создание шариатских *панчаятов* (местных советов) [11], а также надзор за регулированием *вакфов* (имущества мечетей, мусульманских школ и благотворительных учреждений) и целевым расходованием вакуфных средств.

Как ДИХ, так и обе фракции ДУХ в Телангане недостаточно популярны, чтобы быть серьезными политическими игроками; они мало вовлечены в политическую жизнь штата. В результате возникали случаи, когда региональные активисты, начинавшие карьеру в рамках этих партий, создавали аффилированные организации и уходили в «свободное плавание». Ярким примером служит «Телангана муслим организэйшнс джойнт экшн камити» (Комитет совместных действий мусульманских организаций Теланганы – ТМОДЭК): изначально формировавшийся при ДИХ для популяризации партии в Телангане, ТМОДЭК впоследствии целиком сосредоточился на региональном уровне и начал выражать взгляды, шедшие вразрез с политикой общеиндийской ДИХ [12].

Носителем отдельного типа «мусульманского дискурса», выделяемого нами в *четвертый блок*, является «Ол-Индия маджлис-и иттехад ул-муслимин» (Всеиндийский совет союза мусульман – ОИМИМ) как типическая локальная мусульманская организация. С позиции ОИМИМ мусульмане представляются как монолит, религиозная специфика которого предопределила социокультурную, и именно на последней сделан акцент. Своей задачей партия ставит политическую консолидацию мусульман региона: её лидер Асад-уд-дин Оваиси видит себя не главой общеисламской *уммы*, но паниндийским мусульманским лидером [8, p. 414]. Символично, что именно он – единственный мусульманин, представляющий Телангану в нижней палате общеиндийского парламента²⁵.

Каждый из рассмотренных выше дискурсов, безусловно, имеет свою логику и привлекает внимание мусульманских избирателей, однако ни один из них не способен сплотить всю общину вокруг конкретной политической организации. Мусульмане являют собой лакомый «банк голосов», однако настолько разрозненный, что встает вопрос о применимости к ним этого понятия в принципе.

Неоднородность мусульманской общины Теланганы предопределила то обстоятельство, что партии с самыми разными взглядами всё равно находят среди мусульман свой электорат.

При этом политическое поведение мусульман в случае их консолидированных действий оказывает большое влияние на жизнь штата. Так, во многом их усилиями в 2023 г. в Телангане впервые к власти пришел ИНК; это стало возможным после того, как БРС лишилась поддержки мусульманских избирателей [13].

Традиционно мусульмане как меньшинство избегали формальной политики, отдавая предпочтение низовой самоорганизации и созданию локальных институтов, функционирующих без доступа к политической власти²⁶.

Политическое участие мусульман в жизни Теланганы остается ограниченным: их неохотно продвигают крупнейшие политические игроки штата – ИНК и БРС [7]. Весьма красноречив тот факт, что при формировании правительства по итогам выборов 2023 г. ИНК не отдал ни одного министерского портфеля мусульманину: объяснено это было тем, что все мусульманские кандидаты ИНК выборы проиграли²⁷.

Целевое политическое представительство по религиозному принципу для мусульман возможно только через ОИМИМ. Однако мусульмане не спешат воспользоваться этой возможностью: социальные

²⁵ 2019 Lok Sabha Election Results...

²⁶ См. сноску 6.

²⁷ No Muslim Representation in Congress' Telangana Cabinet Sparks Social Media Debate. Vartha Bharati. 2023. December 27. <https://www.english.varthabharati.in/india/no-muslim-representation-in-congress-telangana-cabinet-sparks-social-media-debate> (accessed 27.01.2024)

противоречия между *ашрафами* и *пасманда* преопределили скептическое отношение последних к партии, которую они считают поборником интересов элиты [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать, что на данный момент основным представителем интересов мусульман Теланганы служат общеиндийские исламские партии: аффилированные с ними организации на местах вступают в диалог с Индийским национальным конгрессом и Бхарат раштра самити, принимая на себя роль выразителей мусульманского общественного мнения²⁸. При этом «Джамаат-и ислами-и Хинд» (Исламское общество Индии – ДИХ) и обе фракции Джамиат-и улама-и Хинд (Партия улемов Индии – фракция Махмуда Мадани – ДУХ-ММ; Джамиат-и улама-и Хинд – Аршад Мадани – ДУХ-АМ) не участвуют в выборах на уровне штата, и прямое политическое представительство через них для мусульман невозможно.

Толчком к консолидации общины ради обретения политического представительства в ближайшем будущем может послужить не что иное, как осознание значимости своей роли в качестве перспективного «банка голосов». Использование имеющегося потенциала в этом качестве позволит мусульманам Теланганы повысить интерес к себе со стороны влиятельных в штате партий и получить доступ к процессу законотворчества и бюрократическим структурам.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Gudavarthy A. Muslims of Telangana: A Ground Report. *Economic and Political Weekly*. 2014. Vol. 49, № 17. <https://epw.in/journal/2014/17/election-specials-web-exclusives/muslims-telangana-ground-report.html> (accessed 19.12.2023)
2. Филимонова А.Л. Успех партии ПТИ на выборах: социально-политический аспект. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 7. С. 32–38. DOI: 10.31857/S032150750005566-4
Filimonova A.L. PTI Election Success in Pakistan: Socio-Political Aspect. *Asia and Africa today*. 2019. № 7. Pp. 32–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005566-4
3. Lasania Y. Telangana: Shia Muslims Ask for Representation in Congress Govt. *The Siasat Daily*. 2023. December 20. <https://siasat.com/telangana-shia-muslims-ask-for-representation-in-congress-govt-2938529/> (accessed 23.01.2024)
4. Alam A. 2009. Challenging the Ashrafs: The Politics of Pasmaṁda Muslim Mahaz. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 29, № 2, pp. 171–181. DOI: 10.1080/13602000902943542
5. Mehta S. 173 Muslims Contested in 2023 Telangana Elections, Only 7 Won; All Are from AIMIM. *News Meter*. 2023. December 13. <https://newsmeter.in/data-stories/173-muslims-contested-in-2023-telangana-elections-only-7-won-all-are-from-aimim-721945#:~:text=Hyderabad%3A%20In%20the%20recently%20concluded,to%20win%20a%20single%20seat> (accessed 22.01.2024)
6. Surender K. Telangana Assembly Elections 2023: Jamat-e-Islami Hind Supports Congress And BRS in State Polls. *Organiser*. 2023. November 23. <https://organiser.org/2023/11/23/207591/bharat/telangana/telangana-assembly-elections-2023-jamat-e-islami-hind-supports-congress-and-brs-in-state-polls/> (accessed 18.01.2024)
7. Alam A. Denying Muslims Political Space: TRS Continues Trend. *Deccan Herald*. 2018. September 20. <https://www.deccanherald.com/opinion/denying-muslims-political-space-trs-continues-trend-693553.html> (accessed 09.01.2024)
8. Levesque J.J, Niazi S. 2023. Caste politics, minority representation, and social mobility: the associational life of Muslim caste in India. *Contemporary South Asia*. Vol. 31, № 3, pp. 413–425, DOI: 10.1080/09584935.2023.2240258
9. Janyala S. Decoding Politics: Why Muslim Quota Is Sparking Fireworks in Telangana Fray. *The Indian Express*. 2023. November 21. <https://indianexpress.com/article/political-pulse/telangana-assembly-elections-muslim-quota-decoding-politics-9035733/> (accessed 30.11.2023)
10. Daniyal Sh. In Hindutva’s Absence, Class is Deciding the Muslim Vote in Telangana. *Scroll*. 2023. November 29. <https://scroll.in/article/1059766/in-hindutvas-absence-class-is-deciding-the-muslim-vote-in-telangana> (accessed 08.01.2024)

²⁸ Примечательно, что именно общеиндийские исламистские организации последовательно озвучивает требование пропорционального представительства мусульман в партийных списках (*прим. авт.*).

11. Akbar S. Shariah Panchayats: Providing a New Route to Reconciliation Across Telangana and Andhra Pradesh. *The Times of India*. 2021. August 17. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/hyderabad/shariah-panchayats-providing-a-new-route-to-reconciliation-across-telangana-and-andhra-pradesh/articleshow/85388806.cms> (accessed 21.01.2024)
12. Shirodkar N. Telangana Muslim JAC Declares Support to Congress. *Pune News*. 2023. November 21. <https://pune.news/nation/telangana-muslim-jac-declares-support-to-congress-91510/> (accessed 18.01.2024)
13. Paul S.S. Muslim Community Throws Its Weight behind Congress. *Deccan Chronicle*. 2023. December 4. <https://deccanchronicle.com/nation/current-affairs/041223/muslim-community-throws-its-weight-behind-congress.html> (accessed 27.01.2024)
14. Ansari K.A. Owaisi Represents Only the Elitist Muslims, and Not the Entire Community. *Outlook India*. 2020. November 24. <https://www.outlookindia.com/website/story/opinion-if-muslims-join-owaisi-the-bjp-wins/365216> (accessed 27.01.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филимонова Алина Левоновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alina L. Filimonova, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 25.03.2024

Взгляд зарубежного эксперта

DOI: 10.31857/S032150750030606-8

Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State

© Md Abul Hasan^a, 2024

^aHSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7008-4228; habul@hse.ru; ahasan91hse.ru@gmail.com

Abstract. The principle of non-alignment has been a cornerstone of Bangladesh's foreign policy since its inception, holding significant relevance within both regional and global political contexts. But over time, local and external factors have caused the nation to stray from its founding ideals.

The author attempts to explore Bangladesh's foreign relations choices, examining its historical context and response to major power dynamics in the region. The paper seeks to unravel how Bangladesh has been a mecca of hegemonic power. By reviewing literature on geopolitics, Bangladesh's foreign relations, and hegemonic powers, as well as in-depth expert interviews and scrutiny of media reports, articles, and dialogue, this study delves into the key powers' dilemmas towards Bangladesh amidst its domestic upheaval.

Three key explanatory variables emerge: first, its strategic geographic location and geopolitical significance – the interests of major powers; second, its economic potential and security dynamics; and finally, its domestic “winners take all” politics and the involvement of external powers.

This study emphasizes that Bangladesh's autonomy is fundamentally dependent on the goodwill of its political elites and highlights that failures in managing hedging relationships with each dominant power could lead to falling into the trap of geopolitics – financial crises and security risks.

Keywords: Bangladesh, dilemmas, foreign relations, hedging, major powers, weak state

For citation: Md Abul Hasan (Bangladesh). Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State. *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 39–46. DOI: 10.31857/S032150750030606-8

INTRODUCTION

As the world becomes interconnected, geopolitical issues are increasingly complex, and bilateral as well as multilateral relations among states are being tightened. We see huge shifting trends and dynamics in regional and international contexts, especially in the region of South Asia [25], and therefore, Bangladesh faces a challenging era! Its inception amidst the Cold War era has drawn greater attention from the major powers towards the country [22]. From a number of perspectives, the foreign policy approaches of Bangladesh have always been under numerous pressures [4]. As Bangladesh is situated in the heart of South and South-East Asia, several regional powers – India and China – and international ones – the US and Russia – have admitted the country's strategic significance [5; 8; 13], resulting in making it the centre of their playground.

It has been observed that Bangladesh's foreign policy has experienced a dramatic shift from diplomatic recognition and economic diplomacy to a balancing approach (hedging) towards the region and the world, considering its geographical location, its economic prospects, geopolitics, and regional political dynamics [3]. The major powers' roles in the last few years in Bangladesh's internal and external affairs, particularly in politics and economy, has displayed their heightened interest in the country, where their own benefits remain paramount. The recent 12th election of Bangladesh in January 2024 has raised ample queries about whether the country can maintain its hedging international relations with each major power or has already fallen into a trap of geopolitics.

Through an extensive review of recent academic literature, newspaper articles, in-depth interviews, and fieldwork, this paper delves into the major powers' dilemmas towards Bangladesh, resulting in the possibility of deviating from its hedging foreign relations. As an argument, this study first addresses Bangladesh's foreign policy principles and approaches, and then it explores the country's strategic significance to major powers by illustrating its geographical and growing complex geopolitical realities, its economic potential to dominant powers, and its democratic backwardness – major sources of external power to influence Bangladeshi affairs.

BANGLADESH FOREIGN RELATIONS AND MAJOR POWERS

Bangladesh's foreign policy: basic principles and doctrine

The basis of Bangladesh's foreign policy theoretically lays down in articles 25(1) and (2), 63 and 145A of its Constitution.

Article 25(1): "The state shall base its international relations on the principles of respect for national sovereignty and equality, non-interference in the internal affairs of other countries, peaceful settlement of international disputes, and respect for international law and the principles enunciated in the United Nations Charter, and on the basis of those principles shall:

- (a) Strive for the renunciation of the use of force in international relations and for general and complete disarmament;
- (b) Uphold the right of every people freely to determine and build up its own social, economic and political system by ways and means of its own free choice; and
- (c) Support oppressed people throughout the world waging a just struggle against imperialism, colonialism or racialism".

Article 25(2): "The state shall endeavour to consolidate, preserve and strengthen fraternal relations among Muslim countries based on Islamic solidarity".

Article 63: "War shall not be declared and republic shall not participate in any war except the assent of parliament".

Article 145A: "All treaties with foreign countries shall be submitted to the President, who shall cause them to be laid before Parliament unless the President considers it to be against national interest so to do".

Conceptually, the principles contained in Article 25(1) of Bangladesh's constitution are considered the foundation of the country's foreign policy approach, which conforms in essence to the UN Charter and is quite similar to many small and big nations.

After its independence in 1971, the first president of Bangladesh, Sheikh Mujibur Rahman, in a conference in London, declared: "We want friendship with all and malice towards none". After that, it (Mujib's speech) has been an undeclared and non-written constitutional doctrine up to date in the context of the foreign policy of Bangladesh. Similarly, in the United Nations on September 17, 1974, the foreign minister, Dr. Kamal Hossain, reiterated that the newly independent Bangladesh was interested in following a non-aligned foreign policy for the betterment of the country. Since then, each successive government of Bangladesh has professed unequivocally the same doctrine and theme, making non-alignment the very foundation of its international relations.

Although theoretically and rhetorically every government stated their neutral position in making external relations, in practice, each regime somehow made themselves closer to India (and Russia) or the USA (and its allies). Therefore, Bangladesh diverts itself repeatedly from its 'non-alignment' foreign policy approach.

Geopolitically, "friendship to all and malice towards none" and "non-alignment" approaches to which Bangladesh is steadfast still remain the cornerstone of its foreign policy [26]. During and immediately after the Cold War period, the interests of global superpowers in Bangladesh, both militarily and economically, were not considered as important as they are today. This is because of the very complex situation in recent years in terms of the power shift from the West to the East and other issues, such as trade and security.

Bangladesh non-alignment foreign policy and its objectives

An analysis of Bangladesh's non-alignment foreign policy generally highlights certain objectives that have governed its regional and extra-regional conducts since gaining independence. Up to date, Bangladesh has experienced changes in government, including military and democratically elected regimes, leading to periods of instability, violence, and foreign influences both covertly and overtly [1]. Nevertheless, Bangladesh's foreign policy has maintained consistent features over the years.

The first consistent feature of Bangladesh's foreign policy is to safeguard its sovereignty and territorial integrity, a fundamental requirement for all nations regardless of their size, strength, or resources. Despite being small in size, weak in military power, and reliant on foreign aid, loans and investments, Bangladesh's foreign policy considerations are primarily regional, placing it in the category of a small power in international rankings.

Therefore, a substantial focus of Bangladesh's foreign policy is centred on fundamental goals, including upholding national sovereignty and equality, and abstaining from involvement in the internal matters of other countries. Bangladesh has a history of not threatening the sovereignty of any nation, despite experiencing minor border clashes with India and Myanmar, where Bangladesh's border guards have responded to violence initiated by others. Although there have been no major incidents at the Indian border in recent years, the border with Myanmar is facing significant threats due to the forced migration of Rohingya people from Rakhine province to Bangladesh [27]. This has led to a special focus on safeguarding its borders for territorial integrity.

The influx of Rohingya Muslims into Bangladesh has posed a substantial burden and security threat to the country. Despite concerted efforts to address these challenges through diplomatic channels and engagement with the *International Criminal Court* (ICC), Bangladesh continues to face obstacles in repatriating the Rohingya population due to the reluctance of regional and global powers to effectively resolve the issue [21].

Another key foreign policy objective of Bangladesh is to seek regional stability and good neighbourly relations with each neighbouring state. South Asia has long been marred by significant disparities, inequalities, conflicts, and limited political and economic cooperation, compounded by weak regional institutions [15].

Given Bangladesh's strategic geographical location, it is imperative for the region to maintain stability and foster robust regional cooperation. Failure to do so could leave the country vulnerable to various security threats. Notably, long standing water sharing disputes and incidents of cross-border violence have remained crucial issues in the relationship between Bangladesh and India.

Moreover, international politics in South Asia plays vital roles for years in shaping regional political dynamics in South Asia that underscores the critical need for global peace and stability to advance the interests of the region, particularly in ensuring the security of smaller and less powerful states like Bangladesh.

Bangladesh's foreign policy is geared towards advancing global stability and peace, taking into account its strategic position in the region and on the global stage. This is particularly evident due to its access to the Bay of Bengal, which hosts two crucial ports essential for both regional and international trade and commerce [14].

In recent years, it has become apparent that key powers are vying to strengthen their ties with Dhaka. The country's economy is closely intertwined with both regional powers like India and China, as well as global powers such as the US and the EU. Consequently, Bangladesh has no choice but to actively promote regional and global peace and stability in order to safeguard its economic and security interests.

According to a *Statista* report for 2024, Bangladesh (155.38 mln), being the third largest Muslim-populated country (after Indonesia – 241.52 mln) and Pakistan – 225.52 mln), is committed to cultivating strong relationships with other Islamic nations. This stands as a fundamental foreign policy objective for Dhaka, rooted in shared history and a dedication to common cultural and religious values.

The country holds a prominent position within the *Organisation of Islamic Cooperation* (OIC), the second largest intergovernmental organisation after the UN, comprising 57 member nations. Strengthening ties with Muslim nations is vital for Bangladesh due to its substantial surplus of skilled, semi-skilled, and unskilled labour forces. Many Middle Eastern and other Muslim countries require inexpensive labour for their industrial sectors and household activities.

To address their labour shortages, Bangladesh has entered into various contracts with individual companies and governments, resulting in a significant number of workers heading to these countries annually. The contributions of migrant workers in bolstering both the micro and macro economy of Bangladesh are substantial, with a significant portion of foreign reserves being generated from the remittances sent by these workers.

Bangladesh, like many developing nations, is keen on establishing a New International Economic Order and seeks closer cooperation with all industrialised countries, including developing ones [24]. While an increasing number of industrialised countries have been expressing active interest in participating in various investment projects across the country, Dhaka sees the potential for initiating a new international economic order where all nations can work together for the global economic well-being. The Chinese Belt and Road Initiative (BRI) is seen as an emerging new international economic order, and Bangladesh is positioning itself to cooperate with other states to facilitate international trade and commerce. Similarly, Bangladesh is also engaging with other regional financial associations, such as BIMSTEC and the Bangladesh–India–Nepal corridor. The primary objective of these associations is to connect the region and the world in order to enhance economic cooperation among each other.

Transitions and phases of Bangladesh foreign policy

Bangladesh's foreign policy has undergone a series of transitions and phases since its emergence as an independent state.

The initial phase, often described as the “diplomacy of recognition,” saw Bangladesh grappling with the challenge of obtaining recognition and establishing relations with nations that had supported Pakistan during the liberation war, including the United States and various Muslim countries.

Additionally, Bangladesh's emergence during the Cold War era complicated its recognition by international bodies due to the polarised world dynamics. During the liberation war, Bangladesh received support from India, the former Soviet Union, and some East European countries, while the US, China, and many Arab countries were in favour of Pakistan.

However, as a new country with limited resources and a struggling economy, Bangladesh had to adjust its position and foreign policy, forging close relations with Western and Arab countries despite their initial opposition to Bangladesh's independence. Furthermore, Bangladesh initiated small-scale trade relationships with China, which encouraged business elites and intellectuals to build connections with respected bodies in those countries, including the United States.

Ultimately, Bangladesh gained recognition from the US in 1972, which facilitated support from many other countries worldwide. Pakistan's recognition came before the Organisation of Islamic Cooperation (OIC) conference in Lahore, Pakistan in 1974. With recognition from Pakistan and key Arab countries, particularly Saudi Arabia, Bangladesh successfully passed its first phase of foreign policy.

The second phase of Bangladesh foreign policy commenced immediately after Pakistan's recognition known as “Economic diplomacy”.

As a nation devastated by war, Bangladesh required substantial foreign aid to rebuild its infrastructure and foster economic development. Given this need, Dhaka had to seek financial support from Western countries, particularly the US. After a change in government in 1975, the new administration prioritised economic diplomacy with the West, leading to strengthening bilateral relationships and increased exports of garment products to Western markets. The forces of globalisation, open market economies, and the search for new markets for Bangladeshi products further aligned the country with Western economies and businesses. Consequently, Bangladesh sought to reduce its economic dependency on India and the Soviet Union, as it was perceived that they did not provide the expected level of financial support. However, regional giant India and global power Russia were not happy with this shift, as they were concerned that Bangladesh might become financially and security-wise dependent on the US and its allies.

The third and current phase of Bangladesh's foreign policy is featured as “hedging diplomacy”, reflecting its focus on maintaining a balanced approach to regional and global superpowers in order to safeguard its national sovereignty, territorial integrity, regional cooperation, stability, international trade, access to global markets, and inflow of foreign aid and investment.

While challenging, Dhaka has been somewhat successful in conveying to these powers that, as a smaller and weaker state locked by India, it does not seek to engage in regional or global conflicts. Instead, Bangladesh prioritises regional integration and economic cooperation, particularly with extra-regional countries, notably Western nations. The country's economic ties with Asian countries, aside from a few such as India, China, and Japan, remain minimal, with concerns over significant trade deficits with China and India in recent years.

Additionally, Bangladesh's bilateral trade with Russia has seen significant growth in recent years, with Moscow involved in various projects within the country, including the construction of a \$13.34 bln nuclear power plant in Rooppur, Pabna district, largely funded by the Russian government. Bangladesh boasts a vibrant export sector dominated by ready-made garments, which account for over 80% of the country's total exports. According to *BACI* and *Bangladesh Export-Import Data 2022*, in the last 26 years, Bangladesh's exports to Russia have grown at an annualised rate of 15.6%, from \$29.3 mln in 1995 to \$1.27 bln in 2021, while imports from Moscow increased from \$43.1 mln to \$1.72 bln.

Moreover, Moscow has opened a new skilled manpower market for Bangladesh as a new development, and the first batch left for Russia to work in the shipbuilding and construction industries in June 2023 [12]. While labour market issues have been a top priority for discussion among officials of both countries, a significant number of businessmen have recently visited Moscow and other major Russian cities to explore greater market access between the friendly nations.

However, Bangladesh's refusal to allow a Russian ship bearing parts for the nuclear power plant, which was scheduled to dock at the port of Mongla on December 24, 2022 [9], and subsequently Dhaka's announcement of banning 69 additional Russian commercial vessels from entering Bangladesh, prompted by objections and sanctions from the United States in the context of the Russia-Ukraine conflict, led to a temporary chill in relations between Bangladesh and Russia [17].

BANGLADESH: IN MAJOR POWERS' DILEMMAS

Bangladesh's strategic significance and major powers

Before delving into the major powers' dilemmas towards Bangladesh, it is important to understand why and how the country has become significant to hegemonic powers, and how these powers work to advance their own interests. Additionally, it is crucial to examine how Bangladesh is on the verge of being ensnared in a geopolitical trap in the region by deviating from its hedging foreign relations stance.

The increasing significance of Bangladesh to major powers can be attributed to several principal reasons, including power competition in the Bay of Bengal region, connectivity, security, and trade and commerce. During the Cold War era, Bangladesh's importance to bipolar powers was not as significant as it is today.

Following the collapse of the Soviet Union, the United States used to view South Asia through the lens of India and Pakistan, according to Towhid Hossain, a former foreign secretary of Bangladesh and former Bangladesh ambassador to the United States, Humayun Kabir. However, the Biden administration has chosen to disentangle India from its relations with the five other South Asian countries in order to deepen US relationships with them, as stated by Ambassador Kelly Keiderling, US deputy assistant secretary of state overseeing South and Central Asia [18]. This signifies that the US will now view Bangladesh through its own perspective rather than through India's.

The US has broader interests in the South Asia region, aiming to ensure a secure trade route in the sea. The Biden administration has sought to strengthen its relationship with Bangladesh, partly to reduce the country's dependence on Chinese economic support [16]. Furthermore, the US considers the country's geographical location, maritime access, economic prospects, and core democratic values strategically important for enhancing its influence in the South Asia region. Moreover, the economic relationship between the two countries, people-to-people contact, and remittances from the US necessitate maintaining a robust relationship.

Prior to Washington's decision not to view the region through New Delhi's lens, India had greater dominance over the region (and still does). As Bangladesh is surrounded by India on every side except the Bay of Bengal, and India's northern part is separated from the mainland by only a few kilometres due to being locked by Bangladesh, the regional giant believes that Bangladesh should fall under its own umbrella. Consequently, India's economic and security interests in Bangladesh are much greater than those of other powers, and New Delhi does not want to diminish its influence in the country.

On the other hand, China needs to secure its trade routes throughout the world through the region and strengthen its hegemony in the region [2]. To achieve this, it aims to undermine India and the USA's dominance in the region – a goal that it has already largely accomplished. China has come to the region with a master plan called “connectivity investment” through the *Belt and Road Initiative* (BRI), with most Asian states being members of this comprehensive project, including all small states (except Bhutan) in South Asia – the intersection point of the project where the continental “Belt” meets the maritime “Road”, connecting three continents, Europe, Africa, and Asia through land and the Indian Ocean.

China's increasing influence in the South Asia region poses a challenge to the security architecture dominated by India, as it utilises easy cash and attractive investment opportunities to sway smaller nations towards China. Moreover, China has adopted tailored approaches for individual countries in South Asia, with Bangladesh being a focal point in Chinese regional foreign policies, including the major initiative of the Bangladesh–China–India–Myanmar Economic Corridor (BCIM-EC) [6].

In contrast, Russia, which directly supported and contributed to Bangladesh's liberation war, has not held as strong a position as other powers, although in recent years Moscow has managed to establish a moderate bilateral relationship with Dhaka through various projects, such as the Ruppur Nuclear Power Plant. Besides, Moscow is one of the suppliers of military weapons and equipment to Bangladesh.

As a result, each power is striving to increase its influence in the country and its affairs. One of the most straightforward methods has been to exert influence on domestic politics through various means, and the shortcomings of political elites have paved the way for external powers to become involved in the country's affairs.

Political turbulence and foreign powers

Bangladesh's inability to address its internal issues, particularly the political crisis, has provided foreign powers with an opportunity to exploit the situation for their own gain. Over the past decade and a half, Bangladeshi politics has experienced a significant transformation, witnessing the erosion of democracy and a weakening of social cohesion. The involvement of foreign powers in Bangladesh's parliamentary election stems from the adversarial relationships between major political parties, particularly the *Bangladesh Awami League* (BAL) led by Sheikh Hasina and the *Bangladesh Nationalist Party* (BNP) led by Begum Khaledazia. These parties operate under a "winner takes all" mentality, driven by a fear of losing power due to previous corrupt activities and mistreatment of the opposition.

Both parties and their allies have accused foreign powers of exerting significant influence on Bangladesh's political landscape. Before the elections, Sheikh Hasina publicly accused the United States of attempting to overthrow her government, while BNP leaders and their allies claimed that India, China, and Russia were directly supporting the Hasina government through a disputed election [10; 11]. The post-election period revealed a competition among these three powers to send congratulatory messages and meet with Sheikh Hasina. Conversely, Western powers, particularly the US and the UK, declared the election as neither free nor fair [7]. Therefore, the actions of these powers will undoubtedly shape the country's future and influence its domestic politics, international relations, and regional political dynamics [20].

The reactions from numerous national and international bodies suggest that the establishment of one-party or one-person (Sheikh Hasina) rule in Bangladesh is being perceived [20]. By conducting such elections, it effectively undermines the electoral system, the Election Commission as an institution, and democracy as an ideology [16].

Has Bangladesh fallen into the trap of geopolitics?

To address this question, we must observe the responses of major powers, particularly those from the West, in the upcoming days. Notably, Bangladesh has seen frequent visits from officials and leaders of major powers in recent years. The competition among these powers' visits underscores the significance of the country in the region. Experts assert that each power has been attempting to influence or pressure the country to align with a single power.

The United States aims to enhance its partnership with Bangladesh for its own interests and vision – a secure and free Indo-Pacific region, preventing any single power from establishing sole dominance in the area. Additionally, the US is a major destination for Bangladeshi ready-made garments and has had security-related cooperation with Bangladesh for years. Following the 12th election, Washington is faced with a dilemma: whether to reevaluate its relationship with Dhaka and act accordingly, or maintain the status quo. Continuing to work with Bangladesh as before would be seen as a departure from its policy of promoting democracy and human rights. Therefore, if the US and its Western allies employ covert or overt measures, it could have serious adverse effects on Bangladesh's economy.

Moreover, the support given to the ruling regime by India, China, and Russia does not guarantee that Bangladesh's relationships with these countries will remain unchanged, according to Ali Riaz, distinguished Professor at the Department of Politics and Government at Illinois University, USA. Competition between these nations, especially China and India, will intensify as they seek to expand their spheres of influence. This is not a matter for the distant future but rather a concern for the near term. Due to the ongoing economic crisis, Bangladesh will need to rely more on external support. This will bring Bangladesh and China closer, but the extent of this closeness that is acceptable for India is a question for the future. Therefore, whether Western countries "act" or not, the country will continue to be a theatre for the Great Game [23].

From a geopolitical perspective, each dominant power must prioritise its own interests. The upcoming policies and actions of the current government will reveal whether it will prioritise its national interests or feel

compelled to align with the interests of major powers as a result of their support for the regime. According to Anu Muhammad: “*The current government is unlikely to leave any of these countries’ agendas unfulfilled – except for the democratic and human rights agenda. Consequently, Bangladesh may find itself compelled to meet these countries’ demands, making sacrifices in the process*” [19].

In the light of above discussions, several challenges may emerge in near future for Bangladesh:

- Can Bangladesh restore its status of non-alignment and maintain balanced relations with all major powers?
- If Western powers impose restrictions on Bangladesh, particularly on goods and services, what alternatives does the country have to sustain its growing economy in world markets?
- There is a growing discussion among political scientists and international relations experts that Bangladesh may struggle to balance its relations with India, China, and Russia following the 12th election due to the country’s ongoing financial needs and crises. What potential challenges could arise from the Indian side if Beijing’s engagement with Dhaka becomes more proactive due to its broader investments across the country and possible demands?

CONCLUSION

Bangladesh’s non-alignment approach and hedging foreign relations are facing potential threats due to its struggles in handling domestic political turmoil and the division of external powers. It is noteworthy that both India and the US are vying for Bangladesh’s support, while China (and Russia) also have interests in the country. The current regime is unlikely to disregard China, but it must navigate this delicate balance considering the influence of major powers. Additionally, Bangladesh heavily relies on the US and the EU as key destinations for exports and a source of remittances. Realising that nations cannot pick their neighbours and must coexist with them – ideally in peace – is crucial.

From both geopolitical and economic perspectives, Bangladesh’s role in regional and international politics and economy cannot be underestimated. Therefore, a primary concern of Bangladesh’s foreign policy should be to maximise the advantages of available opportunities.

In summary, Bangladesh must navigate the complex realities it faces on the international and internal fronts. First, political and social elites must find a path to resolve domestic political turbulence and promote social cohesion. Second, Dhaka needs to create leverage not only to address its challenges but also to safeguard its overall interests. Lastly, special attention must be paid to regional and international political dynamics, and appropriate actions must be taken for the betterment of the country and its citizens.

REFERENCES / ЛІТЕРАТУРА

1. Abedin M.J. 2020. Foreign interference in Bangladesh: A case study of military-backed caretaker government in 2007-2008. *European Journal of Social Science Studies*. Vol. 4, № 6, pp. 34–54.
2. Adluri Subramanyam Raju & R. Srinivasan. 2024. *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. London: Routledge.
3. Ahmed I. 2011. Bangladesh Foreign Policy: Constraints, Compulsions and Choices. *BISS Journal*. Vol. 32, № 3. Pp. 207–218.
4. Riaz A. 2022. Bangladesh’s International Relations with South Asia and Beyond. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. Ed. by Sumit Ganguly & Frank O’Donnell. London and New York: Routledge. Pp. 258–274.
5. Riaz A. 2022. *More than Meets the Eye: Essays on Bangladeshi Politics*. Dhaka: The University Press Limited.
6. Anu Anwar. 2020. South Asia and China’s Belt and Road Initiative: Security Implications and Ways Forward. *Hindsight, Insight, and Foresight: Thinking About Security in the Indo-Pacific*. Ed. by Vuving A.L. Honolulu: DKI Asia-Pacific Center for Security Studies. Pp. 16–178.
7. Bhuiyan A.S.A. The national elections, legitimacy, and geo-politics. *Dhaka Tribune*. January 17, 2024. <https://www.dhakatribune.com/opinion/op-ed/336964/the-national-elections-legitimacy-and> (accessed 29.01.2024)
8. Chakma B. 2019. The BRI and Sino-Indian Geo-Economic Competition in Bangladesh: Coping Strategy of a Small State. *Strategic Analysis*. Vol. 43, № 3, pp. 227–239.
9. Foyez A. Bangladesh blocks US-sanctioned Russian ship from docking. *Benar News*. December 29, 2022. <https://benarnews.org/english/news/bengali/russian-ship-blocked-12292022163118.html> (accessed 13.03.2024)

10. Hasan M. How India, the US, and China Can Impact Bangladesh's Impending Election. *The Diplomat*. June 28, 2023. <https://thediplomat.com/2023/06/how-india-the-us-and-china-can-impact-bangladeshs-impending-election/> (accessed 16.01.2024)
11. Hasan M. Bangladesh's crumbling democracy no roadblock for superpowers. *360*. January 04, 2024. <https://360info.org/bangladeshs-crumbling-democracy-no-roadblock-for-superpowers/> (accessed 29.01.2024)
12. Hasib N.I. Russia opens new skilled manpower market for Bangladesh. *Dhaka Tribune*. December 7, 2023. <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/foreign-affairs/333240/russia-opens-new-skilled-manpower-market-for> (accessed 13.03.2024)
13. Hossain D., Islam S.M. 2021. Understanding Bangladesh's relations with India and China: dilemmas and responses. *Journal of the Indian Ocean Region*. Vol. 17, № 1, pp. 42–59.
14. Houda M.N. 2020. Domestic Inputs in Bangladesh Foreign Policy: An Overview. *Ideas International Journal of Literature Arts Science and Culture*. Vol. 5, pp. 152–167.
15. Hall Ian. 2022. Liberal Approaches to the International Relations of South Asia. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. Ed. by Sumit Ganguly & Frank O'Donnell. London and New York: Routledge. Pp. 20–31.
16. Kugelman M. The U.S. Ups the Ante in Bangladesh. *FP*. May 31, 2023. <https://foreignpolicy.com/2023/05/31/us-bangladesh-visa-policy-election-democracy-promotion/> (accessed 26.01.2024)
17. Kugelman M. What Russian warships in Chattogram port tells us about great power competition in Bangladesh. *The Daily Star*. December 19, 2023. <https://www.thedailystar.net/opinion/geopolitical-insights/news/what-russian-warships-chattogram-port-tells-us-about-great-power-competition-bangladesh-3497506> (accessed 13.03.2024)
18. Molla M.A.M. US, India, and the election in Bangladesh. *The Daily Star*. February 25, 2023. <https://www.thedailystar.net/opinion/views/news/us-india-and-the-election-bangladesh-3256391> (accessed 16.01.2024)
19. Muhammad A. Bangladesh's election formality is over. What's next? *The Daily Star*. January 08, 2024. <https://www.thedailystar.net/opinion/views/news/bangladeshs-election-formality-over-whats-next-3513671> (accessed 13.01.2024)
20. Mustafa K. A review of the 2024 electoral drama. *The Daily Star*. January 08, 2024. <https://images.thedailystar.net/opinion/views/news/review-the-2024-electoral-drama-351435> (accessed 13.01.2024)
21. Nuruzzaman M. 2023. Bangladesh and the Rohingya Crisis: The Need for a Long-Term Strategy. *The Washington Quarterly*. Vol. 46. № 3, pp. 65–79.
22. Plagemann J. 2022. Small states and competing connectivity strategies: what explains Bangladesh's success in relations with Asia's major powers? *The Pacific Review*. Vol. 35, № 4, pp. 736–764.
23. Riaz A. The Great Game will continue. *The Daily Star*. January 09, 2024. <https://www.thedailystar.net/opinion/views/black-white-grey/news/the-great-game-will-continue-3515081> (accessed 25.01.2024)
24. Sohini Nayak. 2024. A Sub-Regional Resuscitation in South Asia: Enlivening the BIMSTEC. *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. Ed. by Adluri Subramanyam Raju & R. Srinivasan. Abingdon and New York: Routledge. Pp. 311–325.
25. Sumit Ganguly & Frank O'Donnell. 2022. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London and New York: Routledge.
26. Yasmin L. 2022. Foreign Policy of Bangladesh: From Chrysalis of a State to an Emerging Middle Power. *Journal of International Relations*. Vol. 15. № 1–2, pp. 23–53.
27. Симония А.А. «Плывущий остров» – новый дом для рохинджа? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9. DOI: 10.31857/S032150750006271-0
Simoniya A.A. 2019. "Floating island" – a new home for Rohingya? *Asia and Africa today*. № 9. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750006271-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Md Abul Hasan, Post-graduate student, Doctoral School of International Relation and Regional Studies, Department of International Relations, HSE University, Moscow, Russia.

Мд Абул Хасан, аспирант, Аспирантская школа по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям, Департамент международных отношений, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Поступило в редакцию
(Received) 02.02.2024

Доработано после рецензирования
(Revised) 01.03.2024

Принято к публикации
(Accepted) 10.03.2024

Новые инициативы в рамках «мягкой силы» КНР

© Сергеева А.А.^а, 2024

^а Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-3384-6557; unanimity-sa@hotmail.com

Резюме. Статья посвящена созданию Лубаньских мастерских – системы мастерских, где обучают будущих специалистов по автоматизации производства и даже традиционной китайской медицине. Исследуются история организации мастерских в разных странах, принципы построения, их характеристики и особенности. Описывается практика организации мастерских с высшими образовательными учреждениями и профессиональными колледжами.

Эту инициативу можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве нового инструмента «мягкой силы», появившейся в ответ на критику сети Институтов Конфуция и других гуманитарно-образовательных проектов Китая.

В рамках глобальной внешнеэкономической концепции «Пояс и путь» Пекин постепенно закладывает свои основы нового международного порядка и формирует те или иные институты за пределами своих границ по своему образу. Как представляется, данный китайский бренд внес вклад в развитие международной кооперации в сфере профессиональной культуры и образования.

Ключевые слова: Лубаньские мастерские, профессиональное образование, инновации, модель, инициатива «Пояс и путь», «мягкая сила» Китая, международное сотрудничество

Для цитирования: Сергеева А.А. Новые инициативы в рамках «мягкой силы» КНР. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 47–53. DOI: 10.31857/S032150750028802-4

New Initiatives within Chinese “Soft Power”

© Sergeeva A.A.^а, 2024

^а Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0009-0006-3384-6557; unanimity-sa@hotmail.com

Abstract. The article is devoted to a new initiative of the Chinese government – the establishment of *Luban workshops* – a system of workshops where future specialists are trained in production automation and even traditional Chinese medicine. The author explores the history of the organization of workshops in different countries, their characteristics and peculiarities.

This initiative can be considered as a new tool of “soft power”, which appeared in response to criticism and opposition to the development of the network of Confucius Institutes and other humanitarian-educational projects. Under the national global infrastructure development strategy adopted by the Chinese government in 2013, the Belt and Road Initiative, Beijing is gradually laying the foundations of its new international order and shaping its institutions beyond its borders in its own image. It can be said that this Chinese brand has also made a significant contribution to the development of international co-operation in professional culture and education.

Keywords: Luban workshops, national brand, vocational education, international standards, innovation, model, Belt and Road Initiative, China’s soft power, international cooperation, educational institutions

For citation: Sergeeva A.A. New Initiatives within Chinese “Soft Power”. *Asia and Africa today*. 2023. № 4. Pp. 47–53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028802-4

ВВЕДЕНИЕ

«Мягкая сила» Китая давно является темой активной научно-исследовательской дискуссии международного сообщества. Вопросы относительно её эффективности и политической ангажированности появляются по мере реализации Китаем своих проектов, в т.ч. ряда глобальных внешнеэкономических инициатив, таких, например, как «Пояс и путь».

В настоящее время Китай, помимо положительных результатов и поддержки, с одной стороны, сталкивается и с негативной реакцией в отношении своей глобальной «путевой инициативы» как у себя дома, так и за рубежом. На международном уровне ряд стран выражают опасения из-за растущего влияния Китая. Такая реакция заставляет китайское руководство пересматривать старые и искать новые формы и методы реализации этой политики [2].

На примере открытия т.н. Лубаньских мастерских (семинаров) (鲁班工坊 – *Luban Workshops*) можно говорить о реализации новых китайских стратегий, которые приспособляются к местным реалиям и работают в них.

МАСТЕРСКИЕ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ

Начиная с 2016 г. по инициативе Управления образования г. Тяньцзиня китайское руководство создает по всему миру сеть профессиональных колледжей, названных «Лубаньские мастерские» (или «семинары» в английском варианте) в честь Лу Баня, мифической фигуры, почитаемой как народный изобретатель¹. Это проект, инициированный правительством Тяньцзиня, призван продвигать современные реформы профессионального образования, укреплять сотрудничество между профессиональными учебными заведениями по всему миру и, таким образом, лучше служить цели инициативы «Пояса и пути» [3].

Внешиэкономические проекты КНР по своему охвату символизируют усилия руководства КНР по распространению «мягкой силы» своей страны наряду с её экономической мощью, особенно на Глобальном Юге. Можно сказать, что Китай в какой-то степени перенимает подход ряда других стран к своеобразным формам взаимодействия и сочетанию вариантов «жесткой» и «мягкой силы» для продвижения своих национальных интересов.

Эти усилия демонстрируют готовность Пекина применять новые стратегии реализации «сообщества единой судьбы человечества»², концепции, предложенной генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на 18-м съезде КПК, согласно которой судьба человечества представляет собой как одно целое переплетение интересов и развития всего человечества. Для реализации данной стратегии Китай активно использует свои технологические компании и образовательные институты в качестве оружия дипломатии, позиционируя Китай как альтернативную державу, способную предложить свою модель развития, основанную на передовых инновационных технологиях и технологическом мастерстве.

С помощью подобного проекта планируется создание глобальной сети профессиональных колледжей по обучению китайским технологиям и стандартам в рамках глобализации национальных проектов. Семинары пересекаются с учебными центрами Института Конфуция и иногда работают в связке с ними. Многие Институты Конфуция в американских и других западных кампусах в последние годы закрыли из-за опасений, что они являются пропагандистским оружием китайского правительства, а также в связи с ограничением обсуждения ряда вопросов, которые Пекин считает политически чувствительными, таких как Тибет или Синьцзян³. Такого рода технико-ориентированные семинары, как «Лу Бань» и другие формы профессионального образования, спонсируемые Китаем или китайскими компаниями,

¹ Лу Бань – легендарный китайский мастер-изобретатель, живший в V в. до н.э. Считается покровителем плотников, ремесленников и строителей (*прим. авт.*).

² «Сообщество единой судьбы человечества» – концепция, предложенная генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на 18-м Всекитайском съезде КПК (*прим. авт.*).

³ На пике своего развития, в 2019 г., в 162 странах существовало 550 Институтов Конфуция. Сейчас их количество сократилось до 476 (подробнее см.: 孔子学院. (In Chin.). <https://www.ci.cn/zwkt> (accessed 25.08.2023)

с упором на практическое обучение, привлекают гораздо меньше внимания, чем институты с исключительно гуманитарным образованием, и в конечном счете могут более эффективно служить идеологическим целям Китая за счет распространения доброй воли.

Лубаньские семинары, прежде всего, обучают профессиональным навыкам в таких технических областях, как промышленные датчики, технологии управления и робототехника, производство машинного оборудования, технологии высокоскоростных железных дорог и др. Помимо этого, реализуются программы обучения китайскому языку и культуре, китайской традиционной медицине, приготовлению блюд китайской кухни. Конечно, это не жест благотворительности или альтруизма со стороны КНР. Обучение китайским технологиям проводится в соответствии с китайскими стандартами в рамках полномасштабной кампании по глобализации китайских технологий. Это часть более масштабных усилий по укреплению экономических связей между Китаем и глобальным Югом, которые Пекин считает ключевыми для конкуренции с Соединенными Штатами. Пекин также соблюдает требования стран-партнеров, которые настаивают на том, чтобы в китайских проектах было задействовано больше местных жителей, чтобы они работали на более высококвалифицированных должностях и занимали руководящие должности в проектах.

В ответ на давление со стороны местного общества, элит и правительств китайские фирмы начали работать над повышением квалификации местных жителей для работы над своими проектами. Активное участие в этой работе приняли учрежденные центральным правительством Китая Лубаньские мастерские (*Luban Workshops*), которые стали глобальными площадками распространения китайского профессионального образования [2].

Сейчас (данные на январь 2024 г.) по всему миру насчитывается 25 Лубаньских мастерских, находящихся в Таиланде, Великобритании, Индии, Индонезии, Пакистане, Камбодже, Португалии, на Мадагаскаре, в Джибути, Нигерии, ЮАР, Кот-д'Ивуаре и др. странах. Как и Институты Конфуция, эти мастерские обычно открываются на базе местного профессионального колледжа. Китай также проводит обучение местных инструкторов. За период с 2016 по 2023 г. около 200 человек прошли обучение в самом Китае⁴.

Как и многие другие правительственные программы Китая, Лубаньские мастерские начинались в качестве пилотной инициативы правительства г. Тяньцзиня, открывшего первый семинар в Таиланде в 2016 г. В Тяньцзине, прибрежной зоне к югу от Пекина, традиционно доминируют такие отрасли, как нефтехимия, автомобилестроение и металлообработка, а также имеется большая сеть профессиональных школ. На первом семинаре в 2016 г. в древней столице Таиланда, городе Аюттхая, организованном тяньцзиньской компанией по поставке химикатов, слушатели курса изучали управление гидравлическими системами и цифровыми схемами, используемыми в высокотехнологичном производстве, а также научились использовать оборудование, подаренное компанией.

С тех пор Китай и Таиланд продолжают активно взаимодействовать не только в экономике, но и в профтехобразовании. Идею сотрудничества в профтехобразовании привезла принцесса Таиланда Маха Чакри Сириндхорн, побывавшая в Тяньцзине во время своего визита в Китай в 2013 г.⁵ С оборудованием и учебно-методическими материалами помогли Тяньцзиньское управление образования, Бохайский профессионально-технический колледж и Тяньцзиньский железнодорожный техникум.

Благодаря новейшему оборудованию и высокому уровню профессиональной подготовки команды Аюттхайского технического колледжа регулярно побеждают в международных студенческих конкурсах профессионального мастерства⁶. Тайский семинар также открыт для профессионального обмена в Таиланде и соседних странах. За последние несколько лет он принял более 7500 преподавателей и студентов более чем из 50 профессиональных школ Таиланда и более 100 студентов из таких стран, как Малайзия, Вьетнам, Сингапур и др.⁷ Площадь семинаров и мастерских расширилась с 232 до 2000 кв. м, а

⁴ <http://www.lubanworkshop.cn/> (accessed 17.08.2023)

⁵ <https://russian.ecnu.edu.cn/xqzx.jsp?urltype=news.NewsContentUrl&wbtreeid=1026&wbnewsid=1253> (accessed 07.01.2023)

⁶ Цели таких конкурсов – популяризация рабочих профессий среди учащейся молодежи, обмен опытом между поколениями профессионалов и определение лучших молодых специалистов (*прим. авт.*).

⁷ 泰国. 鲁班工坊(*Luban Workshop in Thailand*). (In Chin.). <http://www.lubanworkshop.cn/html/gdggf-lb/thailand/> (accessed 21.09.2023)

предложения увеличились с 4 практических учебных курсов до 15, с 1 технической специальности до 6. Теперь все 6 специальностей на семинаре были признаны частью национальной системы образования Таиланда, заполняющей пробелы в профессиональном образовании страны⁸.

Luban Workshop – это не просто односторонний поставщик образовательных услуг, он включает в себя двусторонний обмен – обмен студентами и взаимное признание академических квалификаций. С 2016 г. некоторые студенты и преподаватели из Таиланда были отправлены на обучение в Тяньцзиньский Бохайский профессионально-технический колледж. В обозримом будущем квалифицированные специалисты из Таиланда смогут искать работу в Китае и наоборот⁹.

В 2017 г. в провинции Восточная Ява была открыта индонезийская мастерская Лубань – проект, созданный в регионе, где ранее проходил Морской Шелковый путь. Семинар был основан совместно Школой Центра профессионального образования г. Тяньцзиня Дунли и Вторым профессионально-техническим училищем в округе Понорого (Восточная Ява)¹⁰. В Камбодже семинар Лу Баня проводился в рамках сотрудничества по проекту «Ланканг-Меконг»¹¹. Некоторые из других семинаров были нацелены на обслуживание крупных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь», включая железную дорогу Аддис-Абеба – Джибути, Китайско-лаосскую железную дорогу и железную дорогу Будапешт – Белград среди прочих.

В 2018 г. Китай также объявил, что в Африке будет создано 10 Лубаньских семинаров для обучения африканской молодежи профессиональным навыкам в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) и в соответствии с программой Африканского Союза «Африка 2063». Такие центры уже открылись в Кении, Джибути, Мали, Кот-д'Ивуаре и Эфиопии [4]. Некоторые из них предлагают сертификаты университетского уровня, включающие обучение китайскому языку¹².

В рамках поддержки инициативы «Пояс и путь» и дальнейшего укрепления сотрудничества между КНР и странами Центральной Азии в области прикладных технологий и высшего технического образования подписан ряд соглашений по учреждению в странах региона мастерских Лу Баня. По итогу визита в рамках саммита «Центральная Азия – Китай» президента Республики Казахстан Касыма-Жомарта Токаева в КНР в Посольстве Республики Казахстан состоялось подписание меморандума о сотрудничестве и взаимопонимании между Восточно-Казахстанским техническим университетом (ВКТУ) им. Д.Серикбаева и Тяньцзиньским профессиональным университетом по вопросу учреждения в Казахстане мастерской Лу Баня.

В рамках меморандума университеты договорились приступить к практической реализации программы по совместной подготовке технических специалистов в области транспорта и транспортной техники с использованием передовых китайских технологий и оборудования. В перспективе предусмотрено расширение направлений сотрудничества в таких областях, как электромобили, 3D-печать, автоматизация производства и т.д. По данному проекту будут созданы современные учебные лаборатории в области автомобильного транспорта на базе ВКТУ им. Д.Серикбаева; появляются возможности усовершенствования образовательных программ по подготовке специалистов в сфере автомобильного транспорта с использованием современных китайских технологий; планируется расширение академического и научного сотрудничества с высшими и профессиональными учебными заведениями Китая (разработка дублированных образовательных программ, совместных научных проектов и др.)¹³.

Принимая лидеров стран Центральной Азии в мае 2023 г., председатель КНР Си Цзиньпин особо выделил недавно открывшийся Лубаньский семинар в Таджикистане, первый в регионе, еще несколько

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid.

¹⁰ Индонезия.鲁班工坊 (*Luban Workshop* in Indonesia). (In Chin.). <http://www.lubanworkshop.cn/html/gdggf-lb/indonesia> (accessed 25.09.2023)

¹¹ 缅甸.鲁班工坊 (*Luban Workshop* in Cambodia). (In Chin.). <http://www.lubanworkshop.cn/html/gdggf-lb/indonesia> (accessed 20.08.2023)

¹² 非洲.鲁班工坊 (*Luban Workshop* in Africa). (In Chin.). <http://www.lubanworkshop.cn/html/gdggf-lb/kenya/> (accessed 20.08.2023)

¹³ В ВКТУ откроется «мастерская имени Лу Баня». <https://www.ektu.kz/newsevents/v-vktu-otkroetsya-masterskaya-imeni-luban.aspx?lang=en> (accessed 02.09.2023)

мастерских находятся на стадии строительства в рамках пакета помощи Китая стоимостью \$1 млрд. В конце ноября 2022 г. в Душанбе в Таджикском техническом университете им. академика М.С.Осими открылась первая Лубаньская мастерская¹⁴.

Новую меру содействия профессиональному техническому образованию под брендом «Мастерская имени Лу Баня» будут продвигать и в Туркменистане. Об этом сказано в Совместном заявлении, подписанном президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым и председателем КНР Си Цзиньпином по итогам переговоров в Пекине¹⁵.

Западные страны в этом перечне проектов представлены пока только Великобританией и Португалией. 18 мая 2017 г. Тяньцзиньская школа коммерции, спонсируемая *Tianjin Food Group Co., Ltd.*, организовала Лубаньский семинар в британском Чичестерском колледже и успешно включила свои стандарты профессиональной подготовки в британскую национальную систему профессиональных квалификаций.

В 2017 г. в колледже Кроули, к югу от Лондона, открылась вторая мастерская под брендом Лу Бань, предлагающая годовой курс с выдачей диплома по китайскому кулинарному искусству. Программа завершилась в 2020 г., но колледж Кроули «гордится тем, что принял участие в пилотном проекте», говорится в заявлении колледжа. Дисциплины преподаются профессиональными командами из Китая и стран-партнеров для удовлетворения потребностей в трудоустройстве каждой принимающей страны¹⁶. Вспомогательные учебные материалы были разработаны на разных языках, включая учебники и мультимедийные учебные программы.

Мастерская, расположенная в библиотеке Политехнического института г. Сетубала (Португалия), открытая в 2018 г., занимает площадь 650 кв. м и оснащена 16 комплектами машин и оборудования мирового уровня, включая современные системы управления, оборудование для монтажа и отладки автоматизированных производственных линий и промышленных роботов. На первом этапе мастерская предлагает специальности в области промышленной робототехники и электротехники. Были разработаны 2 международных стандарта обучения и 5 комплектов двуязычных учебников с использованием современных производственных технологий¹⁷.

ПРОЕКТ «МАСТЕРСКАЯ ЛУБАНЬ» В РОССИИ

Проект «Мастерская Лубань» является частью международной программы КНР по созданию в странах-партнерах центров подготовки экспертов современного технологического рынка. Китай и Россия осуществляют углубленные обмены и сотрудничество в области коммуникационных и информационных технологий.

В Московском государственном университете связи и информационных технологий (МТУСИ) при поддержке китайской компании Хуавэй в течение 2021–2022 гг. прошли 3 курса подготовки лекторов и преподавателей – высокопрофессиональных кадров в области цифровых технологий и 5G. Обучение проходило в единственном в России учебном центре по подготовке специалистов для работы в сетях 5-го и следующих поколений, в «Мастерской Лубань», которая была открыта в рамках соглашения о сотрудничестве МТУСИ с Тяньцзиньским профессиональным колледжем электроники и информатики. Помимо педагогической подготовки, здесь планируется обучать студентов МТУСИ: впоследствии они будут обладать необходимыми компетенциями в одной из высокотехнологичных сфер деятельности и получат преимущество для уверенного старта карьеры в телекоммуникационной отрасли¹⁸.

¹⁴ <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221129/v-dushanbe-otkrilas-masterskaya-kitaiskogo-filosofa-lu-banya> (accessed 17.08.2023)

¹⁵ <https://www.orient.tm/ru/old/post/44364/mezhdunarodnyj-proekt-masterskaya-lu-banya-budut-prodvigat-v-turkmenistane> (accessed 01.06.2023)

¹⁶ British Luban Workshop. http://tianjin.china.com.cn/2022-08/18/content_42075901.htm (accessed 20.08.2023)

¹⁷ Portuguese Luban Workshop. http://tianjin.chinadaily.com.cn/lubanws/2021-04/29/c_617755.htm (accessed 20.09.2023)

¹⁸ В МТУСИ стартовала подготовка специалистов по будущим сетям на базе «Мастерской Лубань». https://mtuci.ru/about_the_university/news/6797/ (accessed 01.09.2023)

Дальневосточные регионы РФ также не остались в стороне от этого инновационного проекта. 25 января 2024 г. в г. Харбине (КНР) состоялась торжественная церемония подписания Соглашения о сотрудничестве в рамках проекта «Мастерские Лу Баня» между Хэйлунцзянской сельскохозяйственной инженерной профессиональной академией, министерством профессионального образования и занятости населения Приморского края, а также Уссурийским агропромышленным колледжем. Проект предусматривает создание на базе колледжа мастерских для студентов по направлениям «Сельскохозяйственные машины» и «Биотехнологии», оснащенных передовыми китайскими технологиями и современным оборудованием [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первоначальный план Лубаньских мастерских заключался в том, чтобы эти семинары служили интересам государственных и частных фирм г. Тяньцзиня, облегчая местное профессиональное обучение и трудоустройство, что повысило бы конкурентоспособность и узнаваемость бренда этих фирм в принимающих странах.

Этот проект служит интересам китайского правительства в качестве инструмента «мягкой силы», который идет рука об руку с его глобальной геэкономической политикой и представляется весьма привлекательным для развивающихся стран.

Конечно, остаются вопросы по качеству предлагаемых курсов и связи навыков со спросом. Отчеты самих семинаров могут преувеличивать их достижения. Но зарубежная экономическая политика Китая доказала свою адаптивность, и эти семинары вполне могут развиваться в соответствии с меняющимися потребностями стран с развивающейся экономикой. Ключевым моментом здесь является то, что китайское правительство готово выслушать принимающие страны, участвующие в инициативе «Пояс и путь», и разработать планы по передаче производственных навыков, преодолению языковых и культурных различий.

Это, конечно же, не является чистой благотворительностью. Китайские партнеры решают, на чём специализируется каждый семинар, а некоторые из них специально адаптированы для инициативы «Пояс и путь» и других крупных китайских проектов. Цель состоит в том, чтобы местные работники работали на китайские компании, уменьшая зависимость от завозимых китайских рабочих.

Китай и китайские фирмы прислушиваются к местным запросам и соответствующим образом корректируют свою деятельность. Это действительно разумный способ ответить на давнюю критику вокруг использования китайской рабочей силы и кредитов и гарантировать, что в будущем в этих странах останется ориентация на внедрение китайских технологий [6].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. 黑龙江农业工程职业学院与俄罗斯滨海边疆区居民职业教育和就业部签约共建鲁班工坊。(An agreement on cooperation within the framework of the Lu Banyan Workshops project was signed between the Heilongjiang Agricultural Engineering Professional Academy and the Ministry of Vocational Education and Employment of the Primorsky Krai). (In Chin.). https://t.m.youth.cn/transfer/index/url/df.youth.cn/dfzl/202401/t20240127_150476_39.htm (accessed 07.01.2024)
2. Irwandi J., Mahtani Shi. Winning friends by training workers in China's new gambit. *The Washington Post*. 10.07.2024.
3. Kley D., Yau N. China's Global Network of Vocational Colleges to Train the World. *The Diplomat*. 11.11.2021. <https://thediplomat.com/2021/11/chinas-global-network-of-vocational-colleges-to-train-the-world/> (accessed 16.10.2023)
4. Li X. China's Luban Workshop creates a pool of skilled workers for developing countries, injects vitality into local economies. *Global Times*. 20.08.2022. <https://globaltimes.cn/page/202208/1273435.shtml> (accessed 08.05.2023)
5. Ван Б., Мартынова Н.В. Профессиональные мастерские «Lu Ban workshop» как пример успешного опыта международного сотрудничества Китая в рамках национальной инициативы «Один пояс – один путь». <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-masterskie-lu-ban-workshop-kak-primer-uspeshnogo-opyta-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-kitaya-v-ramkah-natsionalnoy/viewer> (accessed 03.04.2023). DOI: 10.5281/zenodo.6616168

Wang B., Martynova N.V. Professional workshop “Lu Ban” as an example of China’s successful international cooperation in the national Belt and Road Initiative. <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-masterskie-lu-ban-workshop-kak-primer-uspeshnogo-opyta-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-kitaya-v-ramkakh-natsionalnoy/viewer> (accessed 03.04.2023). DOI: 10.5281/zenodo.6616168

6. Сергеева А.А. Новые инициативы в рамках «мягкой силы» КНР. Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Материалы научной конференции. Москва. 2022. С. 194–195. <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/05/lomo2022.pdf> (accessed 01.10.2023)
- Sergeeva A.A. 2022. New initiatives within Chinese “soft power”. (In Russ.). Lomonosov. Oriental and African Studies. Scientific conference materials. Moscow. С. 194–195. <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/05/lomo2022.pdf> (accessed 01.10.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергеева Александра Александровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Aleksandra A. Sergeeva, PhD (Political Science), Senior Researcher, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 10.03.2024

DOI: 10.31857/S032150750027789-9

Создание и регулирование цифровых платформ в Китае

© Запьянцев А.А.^a, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8652-0282; azapyantsev@hse.ru

Резюме. В работе представлены ретроспективный анализ законодательства и регуляторных практик Китайской Народной Республики, а также структурированное объяснение роста экономического и социального влияния компаний, использующих в основе своей бизнес-модели цифровые платформы, что позволяет оценить способы стимулирования инновационного развития в виде создания таких экономических агентов.

Основной вывод: правительство Китая применяет жесткие антимонопольные методы регулирования и происходит непрерывная адаптация правового поля для учета особенностей цифровых платформ. Для понимания особенностей развития китайских цифровых гигантов следует учитывать важную роль реализации политики государственного протекционизма, что позволило им развиваться в условиях внутренней конкуренции, а позже и успешно выйти на международный рынок.

Цифровые платформы стали центральными социальными и экономическими субъектами в различных политико-экономических системах, что побуждает правительства изучать формы их регулирования.

Ключевые слова: Китай, антимонопольное регулирование, регуляторная политика, цифровая платформа, цифровые рынки

Для цитирования: Запьянцев А.А. Создание и регулирование цифровых платформ в Китае. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 54–60. DOI: 10.31857/S032150750027789-9

Creation and Regulation of Digital Platforms in China

Alexander A. Zapyantsev^a, 2024

^aHSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8652-0282; azapyantsev@hse.ru

Abstract. The paper presents a retrospective analysis of the legislation and regulatory practices of the People's Republic of China, as well as a structured explanation of the growth of economic and social influence of companies using digital platforms as the basis of their business model, which allows to evaluate ways of stimulating the innovative development in the form of the creation of such economic agents.

The main conclusion is that the Chinese government has applied strict antitrust regulatory methods and continuously adapted the legal framework to take into account the peculiarities of digital platforms. In realizing the peculiarities of the development of Chinese digital giants, it is worth assigning an important role to the implementation of the policy of state protectionism, which allowed them to develop in conditions of internal competition, and later successfully enter the international market.

Digital platforms have become central social and economic actors in various political and economic systems, prompting governments to explore forms of regulation.

Keywords: China, antimonopoly regulation, regulatory policy, digital platform, digital markets

For citation: Zapyantsev A.A. Creation and Regulation of Digital Platforms in China. *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 54–60. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027789-9

ВВЕДЕНИЕ

С конца XX в. в мировой экономике оформились новые экономические агенты влияния – крупные технологические компании [23], ведущие экспансию на международные рынки с помощью своих цифровых платформ.

Компании – владельцы таких платформ демонстрируют беспрецедентный рост размеров бизнеса и оказываемого влияния на рынки присутствия. К примеру, всего лишь четыре технологические компании – *Amazon*, *Apple*, *Meta* и *Alphabet* – по состоянию на январь 2024 г. имеют совокупную оценку более \$5 трлн – более трети стоимости фондового индекса *S&P100*.

Такая экспансия находит отражение не только в смещении рыночного влияния от коммерческих гигантов производственной и добывающей сферы [2], но и в конкуренции за данные пользователей между владельцами цифровых платформ и государством [1].

Однако при значительных экономических благах для общества и государства цифровые платформы зачастую искажают конкурентные основы ведения бизнеса и создают различного рода риски, что является особенностью цифровых рынков наряду с сетевыми эффектами, а также барьерами для входа, которые делают цифровые платформы склонными к высокой концентрации и монополизации.

Подобную оценку высказывает и нобелевский лауреат проф. Д.Стиглиц: «В сегодняшней экономике многие секторы – телеком, медиа, цифровые платформы от социальных сетей до интернет-поиска, фармацевтика, аграрное производство и многие другие – не могут быть поняты, если смотреть на них через призму свободной конкуренции. В этих секторах преобладающей формой конкуренции является олигополия» [24].

В этой связи основной задачей для государства в отношении таких экономических агентов является формирование адекватной регуляторной среды, имеющей свойства превентивности для реализации антиконкурентных практик и предсказуемости для деятельности технологических компаний, а также сопоставимости подходов Китая к регулированию с развитыми странами для упрощения деятельности международных компаний.

Создание и развитие таких экономических агентов в Китае примечательно применением наиболее жесткой политики протекционизма, что позволило развивать собственные технологические компании, до недавнего времени развивавшиеся фактически в условиях внутренней конкуренции.

В этой связи изучение китайского опыта создания такого рода экономической автономии и её последующего масштабирования особенно ценно ввиду наличия у России собственных технологических компаний, успешно конкурирующих в пределах СНГ, однако менее известных в Азии, Африке и западных странах.

ПОДДЕРЖКА В СОЗДАНИИ ЦИФРОВЫХ КОМПАНИЙ (1990–2000 гг.)

С конца 1990-х до середины 2000-х сегодняшние китайские цифровые гиганты находились в стадии стартапов и имели ограниченное рыночное влияние. Они также обладали небольшими ресурсами и яростно конкурировали за внимание пользователей, долю рынка и получение прибыли. В целом для этого периода характерен быстрый рост спроса и доступности цифровых товаров и услуг, а также стратегия догоняющего развития с использованием импортных технологий [5].

В этот период доход на душу населения в Китае рос впечатляющими темпами, а численность пользователей Интернета возросла с 26,5 млн человек в 2001 г. до 802 млн человек по итогам 2018 г., что мотивировало местных предпринимателей переходить к созданию стартапов, основанных на использовании Интернета [25].

Правительство КНР сделало ставку на революцию в области информационно-коммуникационных технологий, частью которой были эти стартапы, что обеспечивало потенциал для ускорения экономики и перехода страны на новую ступень технологического развития [28].

Развитие интернет-стартапов в Китае с конца 1990-х гг. находило поддержку правительства и рассматривалось им как возвращение конкурентов американским фирмам. На протяжении 2000-х гг. правительство КНР также постепенно переходило от подхода Дэн Сяопина «технология в обмен на рынок» как средства технологической модернизации к подходу, основанному на «местных инновациях», который был официально обнародован Государственным советом в 2006 г.

Этот период характеризовался постоянным мониторингом контента и повышением требований к его содержанию, что в итоге вытеснило многие американские платформы из Китая [20].

На фоне этого правительство КНР поощряло иностранных венчурных капиталистов инвестировать в китайские стартапы.

Для облегчения выхода иностранных венчурных капиталистов на китайские портфельные компании и привлечения их капитала этим стартапам было разрешено размещаться на иностранных биржах, используя уникальный квазизаконоуловительный механизм владения, известный как «Организация с переменным процентом участия» (*VIE*) [13].

Этот комплекс мер демонстрирует согласованные усилия правительства по развитию инновационного бизнеса путем привлечения иностранного венчурного капитала с одновременным предотвращением доминирования на китайском рынке американских интернет-компаний.

Такой подход к управлению также позволил китайским стартапам сформировать основы своей конкурентной идентичности и извлекать выгоду из быстрого экономического роста Китая и коммерциализации Интернета [16; 21].

Поощряя рост этих компаний, правительство КНР также жестко контролировало онлайн-контент, поскольку платформы предоставляли пространство для самовыражения, политического дискурса и организации коллективных действий. В этой связи правительство издавало различные регулирующие акты в отношении Интернета, а также участвовало в создании или реструктуризации агентств по мониторингу онлайн-контента [27].

Так, в 2000 г. Государственный совет издал указ «Об информации в Интернете», направленный на «содействие здоровому развитию» сектора, который, в свою очередь, отличал «прибыльные» информационные услуги от «неприбыльных»¹.

Следующим шагом стало одобрение Национальной комиссией по развитию и реформированию (*National Development and Reform Commission – NDRC*) дизайна «Золотого щита» в 2003 г.², ставшего совместно с «Золотым брандмауэром» основным инструментом для регулирования интернет-контента [22], что также обеспечивало защиту начинающих стартапов от иностранной конкуренции [18].

Однако открытость для инвестиций иностранного капитала в китайские стартапы не обеспечивала доверия администраций Цзян Цзэминя (1992–2002) и Ху Цзиньтао (2002–2012), которые не желали допускать значительное участие иностранных компаний в формирующемся национальном интернет-пространстве.

ВЫХОД НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЫНКИ (2000–2010 гг.)

К концу 2000-х гг. компании *Baidu*, *Alibaba* и *Tencent (BAT)* стали доминирующими операторами платформ и могли похвастаться огромной базой пользователей, быстро растущими финансовыми ресурсами и спектром услуг.

К 2011 г. в китайский интернет-сегмент насчитывалось около 420 млн пользователей, что делало его крупнейшим в мире. В следующие несколько лет быстрое и повсеместное внедрение смартфонов стало катализатором превращения интернет-компаний в технологические компании [14].

Правительство КНР стало всё активнее блокировать иностранные веб-сайты, усиливая и без того значительную рыночную власть китайских технологических компаний. После 2009 г. иностранная конкуренция для китайских платформ практически перестала существовать в таких ключевых областях, как онлайн-поиск, обмен мгновенными сообщениями, социальные сети, блоги и видеопотоки.

В конце 2000-х и начале 2010-х гг. благодаря укреплению цифровых гигантов китайская платформенная экономика стала огромной как по количеству пользователей, так и по разнообразию предлагаемых сервисов, благодаря чему начала соперничать с экономикой США [10].

Распространение смартфонов побудило такие цифровые гиганты, как *Tencent* и *Alibaba*, запустить системы *WeChat (Tencent)* и *Alipay (Alibaba)*, впоследствии ставшие «супераппами», что еще больше

¹ State Council of the People's Republic of China. (2000). 互联网信息服务管理办法 [Regulation on Internet Information Service of the People's Republic of China]. Decree of the State Council of the People's Republic of China № 292. September. <http://www.scio.gov.cn/zhzc/8/5/Document/1014222/1014222.html>
[http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law%26id=1668%26CGid=\(English\)](http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law%26id=1668%26CGid=(English)) (accessed 20.06.2023)

² National Development and Reform Commission (NDRC). 2005. 国民经济和社会发展第十个五年计划重点专项规划信息化发展重点专项规划 [The 10th five-year plan for national economic and social development of the People's Republic of China – Informatization Development Special Planning]. January 14. https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjjzgh/200507/t20050714_1196619.html?code=%26state=123; [https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjjzgh/200507/W020191104623866254322.pdf\(English\)](https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjjzgh/200507/W020191104623866254322.pdf(English)) (accessed 26.06.2023)

укрепило их рыночную власть за счет создания глубокой зависимости между разработчиками приложений и малым и микробизнесом.

Однако быстрый рост финансовых платформ *Alipay* и *WeChat Pay* поставил под угрозу роль государственной банковской системы [19], что привело к вмешательству правительства.

В течение этого периода росло стремление китайских технологических компаний к экспансии на зарубежные рынки. Хотя общий объем китайских прямых иностранных инвестиций за этот период существенно увеличился [7], китайские цифровые гиганты добились лишь минимального проникновения на зарубежный рынок. Например, в 2015 г. *Tencent* заработала \$1,3 млрд на некитайских пользователях или 8% от общего объема продаж, *Alibaba* заработала \$1,1 млрд, или 9%, а *Baidu* заработала всего \$109 млн на зарубежных операциях, или 1,1% [8].

Это контрастирует с ошеломляющим последующим успехом таких платформ, как *TikTok*, приложения для коротких видеороликов, и *Shein*, онлайн-платформы моды, которые с конца 2010-х гг. быстро завоевали долю рынка за пределами Китая.

В этот же период беспокойство правительства КНР по поводу его способности отслеживать контент на платформах возросло [26] в связи с давней озабоченностью двумя ключевыми опасностями, исходящих от Интернета:

- во-первых, потенциальная возможность распространения на платформах жалоб на коррупцию, социальную несправедливость и злоупотребление властью чиновниками;

- во-вторых, платформы, служащие площадками для коллективных действий вне контроля государства [15], приводящих к массовым инцидентам в Интернете.

Волнения в Синьцзяне в 2000-х гг. усилили обеспокоенность властей по поводу того, что Интернет может служить местом выражения несогласия [4].

Реакция была более жесткой – контроль над потоком информации, включая блокировку нескольких иностранных новостных сайтов и запрет нескольких популярных западных платформ.

Информационное управление Госсовета отметило, что оно «не потерпит распространения информации, наносящей ущерб социальной и институциональной стабильности» и что «иностранные интернет-компании, работающие в Китае, должны соблюдать китайские законы»³.

Блокировка зарубежных платформ в значительной степени помогла китайским платформам.

Например, после ухода *Google* из Китая в 2009 г. доходы *Baidu*, доминирующей поисковой системы Китая, выросли в 5 раз, при этом на платформу приходится более 3/4 онлайн-поиска в Китае.

Однако не все эти ограничения пошли на пользу китайским технологическим компаниям. Например, после установления правительством КНР требований к пользователям регистрировать свои реальные личности для противодействия «массовым инцидентам в Интернете» [11] снизилась прибыль от популярного сервиса микроблогов *Sina Weibo*, имевшего в 2017 г. почти 400 млн пользователей в месяц.

Следует отметить, что госструктуры, занимающиеся вопросами рыночной конкуренции и концентрации, особенно антимонопольное бюро Министерства государственного управления по регулированию рынка (*State Administration for Market Regulation – SAMR*), и такие законы, как Антимонопольный закон (*Anti Monopoly Law of China – AML*), в значительной степени игнорировали наиболее крупные цифровые гиганты, но использовались против иностранных компаний.

В целом подход правительства КНР в этот период можно охарактеризовать как стремление не сдерживать рост и инновации платформенных компаний и обеспокоенность в отношении онлайн-контента, влияющего на социальную стабильность и национальную безопасность.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ (2010 г. – н.в.)

В конце 2010-х гг. рыночная власть компаний-платформ распространилась почти на всю китайскую экономику. Окончательно оформилось влияние на крупные секторы экономики со стороны цифровых гигантов, таких как *BAT*, *Didi* (прокат автомобилей) и *Meituan-Dianping* (онлайн-доставка еды),

³ Central People's Government of the People's Republic of China. 2010. 新闻办网络局就谷歌退出中国内地市场发表谈话 [The Network Bureau of State Council Information Office Made Remarks on Google Withdraw from the Chinese Mainland]. March 23. http://www.gov.cn/jrzq/2010-03/23/content_1562333.htm (accessed 12.09.2023)

ByteDance (владелец *TikTok*), *JD.com* и *Pinduoduo* (электронная коммерция), а их платежные и логистические системы оказали влияние на малый и крупный бизнес, а также на государственную банковскую систему.

После принятия Госсоветом в 2015 г. решения «освободить» потребительское финансирование небанковские мобильные платежные платформы Китая отреагировали транзакциями на сумму 71,2 трлн юаней (около \$11,2 трлн) только в IV кв. 2020 г. Кроме того, почти 100 млн владельцев малого и микробизнеса в Китае при использовании *Alipay* и *WeChat* платят за обработку своих платежей⁴.

По оценкам Банка Китая, в 2020 г. объем мобильных платежей вырос на 24,5%, до 432,16 трлн юаней (\$66,62 трлн), по сравнению с предыдущим годом, причем более 90% платежей осуществляется либо через *Alipay*, либо через *WeChat Pay*.

Стоит отметить, что правительство перешло от терминологии «экономики совместного использования» к явному признанию «платформенной экономики».

В 2019–2020 гг. правительство КНР приняло подход, который можно назвать «регулятивным», характеризующийся тремя элементами:

- ограничение финансовых услуг, предоставляемых платформами;
- укрепление антимонопольного ведомства и начало расследований в отношении всех крупных платформенных компаний за неконкурентное поведение [9];
- усиление надзора за контролем платформ над данными [6].

Первым элементом нормативного подхода было обуздание системно важных платежных систем *Alipay* и *WeChat Pay*, являющихся основными финансовыми институтами, находящимися вне государственного контроля и регулирования [17], что совпало с озабоченностью администрации Си Цзиньпина системными финансовыми рисками, «беспорядочным расширением капитала» и «управлением онлайн-транзакциями».

Второй аспект «регулирующего» подхода включал активизацию, укрепление и переориентацию антимонопольного ведомства Китая – *SAMR* и *AML*.

Центральный комитет КПК и сам Си Цзиньпин открыто призвали к «усилению антимонопольных полномочий», которые теперь будут нацелены на платформы. Таким образом, штат антимонопольного бюро *SAMR* был расширен, а *AML* стал применяться к китайским платформам, что отличалось от прежней практики агентства и традиционного применения закона [29].

Этот следует понимать как ответ правительства на усиление рыночной власти цифровых гигантов и их столкновение с интересами государственных предприятий и банков, а также огромного сектора малого бизнеса Китая.

Подход к нормативному управлению также ознаменовал собой сдвиг в правительственном видении платформенной конъюнктуры. В марте 2021 г. Си Цзиньпин говорил, что платформенная экономика находится на «критической стадии» и настаивал на «равном внимании к развитию и регулированию»⁵.

Аналогичным образом *NDRC* объявил о 19 заключениях для обеспечения «здорового и устойчивого развития платформенной экономики», в т.ч. о «повышении возможностей и уровней регулирования». В феврале 2021 г. *SAMR* опубликовало «Антимонопольные руководящие принципы Антимонопольной комиссии Государственного совета по платформенной экономике», целью которых является «защита добросовестной конкуренции», основываясь на призыве Госсовета в 2019 г.

В ноябре 2021 г. *SAMR* применил *AML* против десятков технологических компаний, включая 13 дел против *Tencent*, 12 против *Alibaba*, 4 против *Baidu*, а также по 2 против *JD.com*, *Didi* и *Meituan-Dianping*, причем каждое нарушение влечет за собой штраф в размере 500 000 юаней (около \$75 000).

В марте 2022 г. премьер-министр Китая Ли Кэцян заявил, что усиление антимонопольной политики должно было «снять оковы с развития малого и среднего бизнеса и предоставить ему пространство и возможность расти» [12].

⁴ Caixin Global. 2022. What China's new payment rules mean for Alipay. *WeChat Pay. The Sixth Tone*. January 5. <https://www.sixthtone.com/news/1009368/what-chinas-new-payment-rules-mean-for-alipay%2C-wechat-pay> (accessed 15.08.2023)

⁵ Central Political and Legal Affairs Commission of the Communist Party of China. 2021, March 15. Xi Jinping: The development of China's platform economy is at a critical stage [习近平:我国平台经济发展正处在关键时期]. https://www.toutiao.com/a6939879285452800515/?channel=%26source=search_tab (accessed 19.03.2023)

Это подводит к третьему аспекту подхода к регулированию. Наряду с пересмотром *AML* и укреплением *SAMR*, правительство КНР также изменило правила сбора данных [3]. Для этого *NDRC* принял Закон о защите данных и персональных данных и Закон о защите информации⁶.

Переход китайского правительства после 2019 г. к нормативному подходу иллюстрирует, что после многих лет поощрения роста цифровых гигантов государство не предполагало, что некоторые из них смогут аккумулировать такую широкую власть, что станут де-факто государственными образованиями и частными регулирующими органами, контролирующими значительную часть китайской экономики. К началу 2023 г., после почти трехлетних указов, штрафов и принудительной реструктуризации, правительственный дискурс смягчился с «усиления антимонопольного законодательства» до «усиления антимонопольной политики и борьбы с недобросовестной конкуренцией».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлено структурированное объяснение эволюции подходов к управлению в Китае, начиная с коммерческого использования Интернета, а затем «экономики совместного использования» и заканчивая самым последним воплощением «экономики платформ».

Росту и развитию китайских цифровых гигантов способствовала политика правительства по контролю национального интернет-сегмента, стимулированию развития инновационного предпринимательства и вовлечение широких слоев населения в предпринимательскую и финансовую среду. Однако когда мощь этих компаний поставила под сомнение основные цели КПК, правительство стало рассматривать цифровых гигантов как угрозу государственным банкам Китая и малым и средним предприятиям и предприняло всестороннее вмешательство с целью ограничения и регулирования.

Таким образом, рост основных интернет-компаний Китая и государственное управление ими были процессом совместной эволюции.

Иванов А.Ю., директор Антимонопольного центра БРИКС, прокомментировал усиление борьбы китайских властей с монополистическим поведением и недобросовестной конкуренцией интернет-гигантов, отметив, что Китай может показать пример антимонопольного регулирования цифровых платформ: «...если Китай выработает эффективные инновационные подходы в антимонопольном регулировании цифровых платформ, то весь мир будет очень внимательно следить за развитием событий и, возможно, учиться у наших китайских коллег»⁷.

Учитывая, что экономика платформ является глобальным явлением, изучение её особенностей в других странах важно для лучшего понимания проблем и возможностей для политиков. В Китае цифровые платформы в основном являются национальными, однако во многих других странах в значительной степени доминируют иностранные платформы, что вызывает дополнительные вопросы о том, как должно развиваться их регулирование в зависимости от страновой принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Моazed А., Джонсон Н. Платформа. Практическое применение революционной бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2019.
2. Moazed A., Johnson N. 2019. Platform. Practical application of the revolutionary business model. Moscow. (In Russ.)
3. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019.
4. Srnicek N. 2019. Platform capitalism. Moscow. (In Russ.)
5. Bloomberg News. 2021. 'China's Didi crackdown is all about controlling data'. <https://bloomberg.com/news/features/2021-07-08/-didi-crackdown-big-data-is-the-latest-u-s-china-battleground?sref=aK56ygyxJ> (accessed 17.05.2023)
6. Bovingdon G. 2019. Xinjiang. In: W.A. Joseph (Ed.), Politics in China (3rd ed., pp. 487–516). Oxford University Press
7. Breznitz D. & Murphee M. 2011. Run of the Red Queen: Government, Innovation, Globalization and Economic Growth in China. Yale University Press.

⁶ National Development and Reform Commission (NDRC). 2021. 国家发展改革委等部门关于推动平台经济规范健康持续发展的若干意见 [Several Opinions on Promoting the Healthy and Sustainable Development of the Platform Economy]. № 1872 (2021). December 24. https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zc/fb/tz/202201/19_1312326.html?code=%26state=123 (accessed 12.07.2023)

⁷ RUSSIAN.NEWS. 2021. Китай может стать примером в сфере антимонопольного регулирования цифровых платформ. http://russian.news.cn/2021-03/27/c_139839019.htm?fbclid=IwAR37SWqVv8RgiC6BnXyGQvFcOUI13A1fZSTnEWWA4f_9LcXVrxXMvE18 (accessed 20.09.2023)

6. Cai C., & Wang T. 2022. Moving toward a “middle ground”? The governance of platforms in the United States and China. *Policy & Internet*, May. DOI: 10.1002/poi3.303
7. Child J. & Rodrigues S.B. 2005. The internationalization of Chinese firms: A case for theoretical extension? *Management and Organization Review*, 1(3), pp. 381–410.
8. Greeven M.J., & Wei W. 2018. Business ecosystems in China: Alibaba and competing Baidu, Tencent, Xiaomi and LeEco. Routledge (accessed 25.06.2023)
9. He Q. 2022. Rethinking the legal regulation of Internet platform monopoly in China. *Policy & Internet*, 14(2), pp. 284–303.
10. Hermes S., Clemons E., Schreieck M., & Pfab S. 2020. Breeding grounds of digital platforms: Exploring the sources of American platform domination, China’s platform self-sufficiency, and Europe’s platform gap. *Paper presented at the 28th European Conference on Information Systems*. https://www.researchgate.net/publication/341219517_Breeding_Grounds_of_Digital_Platforms_Exploring_the_Sources_of_American_Platform_Domination_China%27s_Platform_Self-Sufficiency_and_Europe%27s_Platform_Gap/ (accessed 05.02.2023)
11. Hille K. 2012. Sina Weibo still has to turn users into revenue. *Financial Times*. February 12. <https://www.ftchinese.com/story/001043116/en?archive/> (accessed 14.07.2023)
12. Huang L. & Huang H. 2022. 稳字当头，两年连提“反垄断”！政府工作报告释放哪些信号？ [Make ensuring stability a top priority, mention “anti-monopoly” two years in a row! What are the signals of the government work report?]. *Southern Metropolis Daily*. <https://www.toutiao.com/i7071529812157792805?wid=1647826185820> (accessed 19.08.2023)
13. Huang X., Kenney M. & Patton D. 2015. Responding to uncertainty: Syndication partner choice by foreign venture capital firms in China. *Venture Capital*, 17(3), pp. 215–235.
14. Kenney M. & Zysman J. 2016. The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*, 32(3), pp. 61–69.
15. King G., Pan J. & Roberts M.E. 2013. How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American Political Science Review*, 107(2), pp. 326–343.
16. Kroeber A. 2020. China’s economy: What everyone needs to know. Oxford University Press.
17. L.Y., Luo J., Zheng L. & Zhang D. Ant and China banks are reining in joint loans to consumers. *Bloomberg News*. 2021, February 3. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-04/antand-chinese-banks-are-reining-in-joint-loans-to-consumers/> (accessed 23.07.2023)
18. Liu C. 2010. Internet censorship as a trade barrier: A look at the WTO consistency of the Great Firewall in the wake of the China-Google dispute. *Georgetown Journal of International Law*, 42, pp. 1199–1240.
19. Lucas L. 2017. Chinese money market fund becomes the world’s biggest. *Financial Times*. April 26. <https://www.ft.com/content/28d4e100-2a6d-11e7-bc4b-5528796fe35c/> (accessed 12.09.2023)
20. McKnight S., Kenney M. & Breznitz D. 2023. Regulating the platform giants: Building and governing China’s online economy. *Policy & Internet*, 15, pp. 243–265. <https://doi.org/10.1002/poi3.336> (accessed 24.02.2023)
21. Mueller M.L. & Farhat K. 2022. Regulation of platform market access by the United States and China: Neomercantilism in digital services. *Policy & Internet*, 14(2), pp. 348–367.
22. Roberts M.E. 2018. Censored: Distraction and diversion inside China’s Great Firewall. Princeton University Press.
23. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. January 11, 2016, ISBN 1944835008
24. Stiglitz J. Monopoly’s New Era. *Project Syndicate*. 2006. May 13. <https://www.project-syndicate.org/commentary/high-monopoly-profits-per-sist-in-markets-by-joseph-e--stiglitz-2016-05> (accessed 30.01.2022)
25. Tse E. 2015. China’s disruptors: How Alibaba, Xiaomi, Tencent, and other companies are changing the rules of business. Portfolio/Penguin (accessed 19.07.2023)
26. Yang G. 2019. Policy Case Study: Internet Politics. In: W.A.Joseph, (Ed.), *Politics in China* (3rd ed.). Pp. 440–454. Oxford University Press.
27. Yang Y. 2019. Policy articulation and paradigm transformation: The bureaucratic origin of China’s industrial policy. *Review of International Political Economy*, 28(1), Pp. 1–28.
28. Yu H. 2017. *Networking China: The digital transformation of the Chinese Economy*. University of Illinois Press.
29. Zhang A.H. 2021. *Chinese Antitrust Exceptionalism: How the rise of China challenges global regulation*. Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Запьянцев Александр Анатольевич, аспирант Аспирантской школы по государственному и муниципальному управлению НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Alexander A. Zapyantsev, Post-graduate student, Postgraduate School of Public and Municipal Administration, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 11.03.2024

DOI: 10.31857/S032150750030607-9

Африка и Азия в изменяющемся пейзаже мира

© Смирнов М.Е.^а, 2024

^а Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
ORCID: 0009-0007-5193-9869; karibu-smirnov@yandex.ru

Резюме. Международная научная конференция «Восток и Африка в трансформации современной реальности», состоявшаяся в декабре 2023 г., была организована Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ).

Участники конференции из России, стран ближнего и дальнего зарубежья основное внимание уделили вопросам современного развития стран Африки и Азии в контексте процессов глобализации и трансформации глобального мирового порядка, которые ведут к неизбежной трансформации отдельных политических, социальных, экономических и культурных систем, создают новые вызовы развития и реанимируют факторы трансформационного исторического влияния.

На конференции был рассмотрен современный опыт развития африканских и азиатских государств, для которых глобальный трансформационный процесс стал мощным вызовом и поставил перед выбором: встроиться в новый мировой порядок и получить выгодные позиции в мире будущего или сохранить статус-кво с риском ухудшить свое положение в быстро меняющемся мире.

Ключевые слова: Африка, Азия, трансформация, социально-экономическое развитие, политические процессы

Для цитирования: Смирнов М.Е. Африка и Азия в изменяющемся пейзаже мира. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 61–63. DOI: 10.31857/S032150750030607-9

Africa and Asia in the Changing Landscape of the World

© Mikhail E. Smirnov^a, 2024

^a Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0007-5193-9869; karibu-smirnov@yandex.ru

Abstract. The International scientific conference “East and Africa in the Transformation of Modern Reality” held on December 19, 2023, was organized by the Russian State Humanitarian University.

The conference participants from Russia, near and far abroad countries focused on the issues of modern development of African and Asian countries in the context of globalization and transformation of the global world order, which lead to the inevitable transformation of individual political, social, economic and cultural systems, create new development challenges and revive the factors of transformational historical influence.

The conference comprehensively reviewed the modern experience of African and Asian states, for which the global transformation process has become a powerful challenge and has presented them with a choice: integrate into the new world order and gain advantageous positions in the world of the future or maintain status quo with the risk of worsening their position in a rapidly changing world.

Keywords: Africa, Asia, transformation, socio-economic development, political processes

For citation: Smirnov M.E. Africa and Asia in the Changing Landscape of the World. *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 61–63. DOI: 10.31857/S032150750030607-9

В рамках главной темы конференции её участники поделились своими мыслями в следующих тематических рубриках:

- Политические блоки, союзы, объединения и вариации интегративного процесса в Африке и Азии;
- Государственная трансформация и многообразие протестной активности в странах Африки и Азии;

- Формы несистемного насилия – терроризм, пиратство, организованная преступность в странах Африки и Азии;
- Этнополитика и миграция в странах Африки и Азии;
- Религия как трансформационный фактор в странах Африки и Азии;
- Неоколониализм и политика внешних игроков в странах Африки и Азии;
- Экономическое сотрудничество и развитие в странах Африки и Азии;
- Военное сотрудничество и военные блоки в странах Африки и Азии;
- Демократия и плюрализм в странах Африки и Азии.

Пленарное заседание конференции открылось выступлением директора Научного центра прикладной африканистики при РГГУ, к.и.н. **А.Н.Зотина**, который проанализировал формы неоколониализма в современной Африке, акцентируя внимание на их экономических аспектах.

Полномочный министр МИД Республики Судан **Ахмед Халифа** рассказал о причинах возникновения и эволюции вооруженного конфликта в стране между Силами быстрого реагирования и законным правительством Судана.

Директор Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, д.и.н. **А.Н.Коротаев** и профессор РГГУ, д.п.н. **Н.А.Медушевский** остановились на традиционной кланово-племенной организации сомалийцев, современной политической системе Федеративной Республики Сомали и политическом кризисе в Сомали как факторе дестабилизации региональной политики.

Доцент кафедры современного Востока и Африки РГГУ, к.и.н. **Л.М.Раванди-Фадаи** рассмотрела различные стороны этноконфессиональной проблемы Исламской Республики Иран.

Секция 1 «Внешняя политика стран Азии и Африки и роль внерегиональных игроков» начала свою работу с доклада заведующего кафедрой международного права Университета управления (ТИСБИ, Казань), д.и.н. **А.Б.Меязева** на тему «Африка и правовой неоколониализм в XXI в.».

Совместный доклад замдиректора Центра изучения стабильности и рисков (НИУ ВШЭ, Москва), к.полит.н. **Л.М.Исаева** и вед.н.с. Центра, к.полит.н. **А.Р.Шишкиной** был посвящен раскрытию темы неоколониализма в российском официальном дискурсе.

Старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН, н.с. ИВИ РАН, к.и.н. **А.Ю.Шипилов** исследовал политику ЭКОВАС в отношении переворотов в странах Сахеля 2020–2023 гг. как элемент неоколониализма.

Начальник сектора в отделе внутренней политики Центра социальных исследований (Азербайджан) **Ильяс Гусейнов** остановился на особенностях колониальной политики Франции в странах Африки.

Нестерова Е.С., м.н.с. Института Африки РАН, обратилась к истории присутствия Германии в ЮЗА. А её коллега по институту, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки к.и.н. **Т.С.Денисова** проанализировала предпосылки и перспективы формирования трехсторонних «стратегических партнерств» в Западной Африке.

Научный сотрудник Центра исследования и прогнозирования международной политики (Грузия), к.и.н. **Николоз Бицадзе** рассмотрел взаимосвязь африканского национализма и антиколониальных революций. Большой интерес вызвал доклад аспиранта Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова **Н.Л.Хамиди** об эволюции подходов Алжира и Марокко к наращиванию влияния в Африке.

Внутренние и внешние аспекты политики Израиля в современных реалиях проанализировал преподаватель Российско-армянского университета (Армения), к.и.н. **С.Г.Мелконян**. Анатомию и современное состояние турецко-азербайджанского союза исследовал преподаватель этого университета **Э.А.Элбакян**. Научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков (НИУ ВШЭ) **Е.А.Иванов** поразмышлял о том, как внешние игроки конкурируют за Центральную Азию.

Доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, к.и.н. **Л.А.Печищева** привела ряд интересных особенностей текущего состояния и перспектив политики Индии в Африке.

Научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН **Д.А.Милеев** остановился на политике Японии в сфере обеспечения безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

На **секции 2 «Социально-политические и религиозные процессы в странах Азии и Африки»** заведующий Центром исследований стран Юга Африки (ИАФР РАН), к.и.н. **А.А.Токарев** рассказал о новом курсе развития Буркина Фасо. Заведующий Центром социологических и политологических исследова-

ний (ИАФР РАН), к.полит.н. **С.В.Костелянец** рассмотрел вопрос взаимосвязи политической нестабильности и трансатлантического наркотрафика в Гвинее-Бисау.

Стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков (НИУ ВШЭ) **Е.Д.Файн** проанализировал причины и особенности военного переворота в Гвинее. Доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, к.и.н. **С.Ю.Серёгичев** рассказал о «войне генералов» и её влиянии на общественно-политическую эволюцию современного Судана. Об этнических конфликтах в Судане говорил аспирант РУДН **Анас Ахмед Исмаил** (Судан).

О языке суахили как интегрирующем факторе в социально-политическом развитии Танзании и Восточной Африки размышлял старший преподаватель кафедры современного Востока и Африки РГГУ **М.Е.Смирнов**. Доцент этой кафедры, к.и.н. **А.Н.Бурова** досконально разобрала современную избирательную систему Арабской Республики Египет; её коллега, к.и.н., доцент **Алексеев И.Л.** проанализировал современные тенденции исламской реформаторской мысли.

Большой блок тем был посвящен иранской проблематике. Так, руководитель Центра исследования России Тегеранского университета **Карам Джахангир** посвятил свой доклад транспортным коридорам и глобальной конкуренции в контексте сотрудничества Ирана и России в меняющейся международной системе.

Доцент, заведующий кафедрой современного Востока и Африки РГГУ, д.и.н. **Н.А.Филин** и старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ **В.О.Кокликов** собрали интересный материал, раскрывающий особенности создания образа России в иранских СМИ.

Директор управления по международному академическому сотрудничеству Университета Алламе Табатабаи (Тегеран) **Муса Абдоллахи** подробно разъяснил принципы международного сотрудничества иранских вузов в условиях санкционной политики. **Санаи Наргез**, Ответственный сотрудник за сотрудничество Ирана с Россией Управления по международному академическому сотрудничеству Университета Алламе Табатабаи описал перспективы сотрудничества двух стран в образовательной сфере, а аспирант РГГУ **Е.В.Хатунцев** – развитие иранской космической программы.

Актуальнейшим образом прозвучали выступления и доклады по проблемам продовольственной безопасности на **секции 3 «Экономика, образование и социальные процессы в странах Азии и Африки»**.

Так, аспирант РУДН **Абдулай Махамат Абдулай** (Чад) прокомментировал экспорт и импорт агропродовольственных товаров в Республике Чад.

Доцент Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А.Тимирязева, к.э.н. **Р.Р.Мухаметзянов** рассказал о внешней торговле Египта плодоовощной продукцией, а аспирант кафедры международных экономических отношений РУДН **Гомбо Тиго Франсишко** (Ангола) – о производстве сельскохозяйственной продукции в странах Центральной Африки.

В отдельную **Молодежную сессию** были выведены выступления бакалавров и магистрантов РГГУ. Так, бакалавр **А.А.Колесников** подробно рассказал о Великой плотине эфиопского Возрождения в контексте региональных отношений; **Ю.Д.Репич** – о причинах появления вооруженной оппозиции в Сирии, а **Е.Г.Белоконь** – о культурном сотрудничестве России и Иордании в XXI в.

Магистрант **Т.М.Бирюков** проанализировал отношения ЕС и Союза арабского Магриба в конце 1990-х – начале 2000-х гг.; **Ю.И.Оглоблина** рассказала о попытках построения государственности Ливии в контексте фрагментированности общества после 2019 г.; **А.В.Банарь** – о китайских инвестициях в ЮАР с 2013 по 2023 г.; **А.А.Абрамова** – о роли военной силы стран-членов ЭКОВАС в контексте противодействия последствиям военного переворота в Нигере (2023).

Всего в рамках конференции было заслушано более 70 докладов и выступлений.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Смирнов Михаил Евгеньевич, ст. преподаватель кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Mikhail E. Smirnov, Senior Lecturer, Department of Modern East and Africa, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 25.03.2024

О чем мечтают и что обличают писатели-магрибинцы XX–XXI вв. (эссе)

© Прожогина С.В.^а, 2024

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Резюме. В эссе сопоставляются те тенденции в литературном процессе стран Магриба (Алжира Марокко и Туниса), которые связаны с историей развития новой национальной словесности на французском языке, ставшим своеобразным оружием, «выхваченным» из рук врага-колонизатора.

Новые формы осмысления окружающей действительности – это и возможность формулирования идеалов лучшего мироустройства в постколониальное время вплоть до современности, и необходимость обличения социальных изъянов и пороков традиционных обществ, внедряемых в них ныне новых способов насилия над человеком. Эти формы – отличительная черта магрибинской франкоязычной литературы, не только выступающей против крайностей радикального ислама и вызовов глобализации, но и отражающей надежды на торжество Гармонии и Справедливости.

Ключевые слова: Магриб, идеалы колониальной и постколониальной эпох, современность, вызовы глобализации, утрата иллюзий, обличение социально-политической реальности, обличение этноконфессиональной реальности, формы насилия, неиссякающая надежда

Для цитирования: Прожогина С.В. О чем мечтают и что обличают писатели-магрибинцы XX–XXI вв. (эссе). *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 64–70. DOI: 10.31857/S032150750030602-4

What Maghreb Writers of the XX and XXI Centuries Dream of and Denounce (Essay)

© Svetlana V. Prozhogina^а, 2024

^а Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Abstract. The essay examines distinct patterns in the evolution and history of contemporary Maghreb Francophone literature (Algeria, Morocco, Tunisia), in which the employ of French language resulted to be a kind of weapon “seized” from the enemy colonizers.

Its new forms of understanding reality are both an opportunity to formulate ideals of a better world order for post-colonial and modern times and the need to expose the flaws of the traditional societies, flaws caused by the reception by these societies of new methods of violence over individuals. These are among the main distinctive features of the Maghreb Francophone literature, which not only opposes the extremism of radical Islam and the challenges of the globalization but also reflects hopes for the triumph of Harmony and Justice.

Keywords: Maghreb, ideals of colonial and post-colonial eras, modernity, globalization’s challenges, loss of illusions, exposure of socio-political reality, exposure of ethnic-confessional reality, forms of violence, everlasting hope

For citation: Prozhogina S.V. What Maghreb Writers of the XX and XXI Centuries Dream of and Denounce (Essay). *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 64–70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030602-4

ВВЕДЕНИЕ

Я получила творческий подарок в конце декабря 2023 г. от тунисского поэта Тахара Бекри¹ – стихотворение, названное им «Скрипка». Вот оно:

Если б скрипкой я был,
То смычку её бы сказал:
Трогай струны слегка,
Стары стали они. Изболелась душа
От всех пыток судьбы!

Эхо криков моих раздается в глубоком колодце скитаний.
Он бездомен и мрачен
И исполнен тоски и печали.

Лучше б ветер разнес их в четыре стороны света,
Полетел бы он в вольном полете, как Эхо!
Лучше б крылья его рассказали о море мечтаний.
Волны его восстают против бури страданий!

Если б скрипкой я был...
Я сказал бы её звучащему древу,
Что подобно оно колыханию пальмовых веток,
Свой покой навевающих сердцу...

Будь подобно заре, луч которой
Утром щеку мою согревает теплом и приветом!

Будь, как капля росы,
Что прохладой своей освещает
Все ожиданья рассвета!
И неважно, что мрачная Ночь
Покрывает все души страхом.
Разве может она не пробудить ото сна спящих?!

Если б скрипкой я был,
То ноты писал только те, что укрощают бури!
Только те, что корабли спасают в море!
А в грохоте пены волн порождают виденья,
Что в дали зовут, боли душ утоляют, ожоги, скитанья мучений...

Если б скрипкой я был...
То бы музыкантов молил,
Чтоб меня положить на свое плечо,
Словно нежности руку, но не ружье,
Когда бури настигнут,
И люди погибнут.

Если б скрипкой я был,
То дух у того поднимал,
Чье сердце тревогой объято
За мир, что расколом грохочет, раскатом!

---

¹ О творчестве этого известного поэта журнал «Азия и Африка сегодня» извещал своих читателей довольно часто. Тахар Бекри лауреат многих литературных премий, антология его стихов издана еще в 2004 г. в русском переводе (ИВ РАН), а о его творчестве XXI в. вплоть до наших дней написана целая глава в моей книге «Души прекрасные порывы» (М., 2022).

Я бы к чуду зывал за спасенье из ада,
Ко всем семи чудесам и по всему свету,
Чтобы судьбы народов решили, на всей планете!

Если б скрипкой я был,
То знаю, что я бы не позволил
Душам людским оглохнуть!
Я наводнил бы звуком и горы, и дали,
Лишь бы мир не молчал.
Зажег бы сердца Любовью!

О, скрипка моя!
Из какого ты сделана древа?
Из какого металла Вы, струны гнева?
Если в венах моих закипает кровь
Во все времена года,
Несмотря на хлад или жар непогоды?!

(Перевод с французского, с разрешения автора, мой)

Я подумала, что все нормальные люди мечтают в целом об одном и том же – чтоб было на нашей планете все мирно и жило бы человечество, выращивая свой общий Сад (образ Вольтера!), творя вокруг не насилие, не хаос, а созидая Гармонию.

Мечтать – не то чтобы легко, но не запрятно и даже просто возможно – мысль человека всегда куда-то летит, к чему-то стремится, вспоминая и уроки Прошлого, замечая и признаки Настоящего и грезя о Будущем, в котором должно бы быть лучше или уж, во всяком случае, – не хуже...

ВРЕМЯ ПИТАТЬ НАДЕЖДЫ

Магрибинские писатели не исключение. А уж те, кто пишет на французском языке, доставшемся от колониальной истории, особенно ярко и даже порой яростно пишут о том, что их волнует, обличают и прошлое, и настоящее и страстно мечтают о будущем, о том, чтобы не творилось реально пережитое в колониальное и постколониальное время, о будущем, где никогда не воцарится мрак эпохи гражданской войны уже 1990-х гг., не случится нашествия исламского радикализма (как в Алжире). Или призывают вспомнить о славных традициях прошлого, герои которого умели сопротивляться Чужому, мечтали о Свободе и Равенстве, о Справедливости на земле, где остались и где хранятся следы разных цивилизаций, а значит, и сама возможность для человечества питаться соками и плодами их соприсутствия, разнообразия, а значит, и получать его плоды и победы, когда само Древо Жизни на нашей планете станет только пышнее... (подробнее см. [1]).

Тахар Бекри не одинок среди огромного количества писателей-магрибинцев, пишущих по-французски, живущих в Марокко, Алжире, Тунисе, в транснациональном пространстве (во Франции, Бельгии, Канаде, Швейцарии, США), которые питают надежду на преобразование своих (когда-то питаемых надеждой, особо в эпоху борьбы за независимость от колониализма) идеалов такого мироустройства.

Я могу только сослаться на раннюю арабоязычную поэзию алжирцев эпохи сопротивления колонизаторам (1954–1962), поэзию марокканцев начала 1950-х гг. (в которой постепенно стали угасать лучи солнца свободы в 1960–1980-е гг.), на прозу ранних алжирцев (1930–1940-х гг.) и ранних франкоязычных поэтов и прозаиков Туниса (1930–1950-е гг.), поскольку они носители множества этих идеалов, и о них мной написано немало². Однако не могу не отметить писателей-магрибинцев уже постколониальной эпохи, особенно их прозу, где запечатлены и былые надежды, и сегодняшние мечты об «идеальном мироустройстве» или хотя бы отдельные образы его, в которых и верность «чистым истокам», и охра-

² См. подр.: История национальных литератур стран Магриба (в 3 т.), М.: 1993, изд. «Наука», Главная редакция восточной литературы; Прожоги́на С.В. Магрибинский роман. М., 2007; Прожоги́на С.В. Души прекрасные порывы. М., 2022 и мн. др.

нение традиций из их собственного миробытия на земле, где нет Власти Чужого (не обязательно «пришельца, захватчика»), но и Своего, который превращает родную землю в «рай» только для туристов...³

Среди такого рода повествований немало утопий, но есть и антиутопии, фиксирующие реальность, которой не должно вообще существовать на земле (к примеру, торжество власти, радикальность, исламизм) [2].

ВРЕМЯ РАЗОБЛАЧАТЬ «БЕСПОРЯДОК ВЕЩЕЙ»

Здесь нельзя не заметить, что такие тенденции в литературном процессе фиксируются уже с конца XX и в начале XXI в. Это означает, что внутренний потенциал произведений, созданных писателями, скорее обличительный, т.е. написаны они как протест против, по выражению алжирца Р.Буджедра, «беспорядка вещей», возникающих проблем настоящего времени, отмеченных вызовами эпохи глобализации.

Ну, а о том, что франкоязычные писатели обличают, скажу, что это труднее, чем мечтать, ибо надо знать Правду, т.е. не только реальность происходящего, но истоки, причины, уроки истории, политических замыслов и помыслов, быть в курсе проблем настоящего и прошлого, конечно, уметь не только «диагностировать» реальность, но прогнозировать будущее, хотя бы в доступных художникам слова формах, метафорах, аллегориях, иносказаниях или просто средствами социально-критического реализма.

А это, прежде всего, связано с обличением разных форм насилия над человеком, личностью, обществом, конфессией и даже политической власти, реализации каких-то её достижений на неизбежной для всех дороге прогресса, Знания, постижения возможностей своего народа...

Различая многочисленные формы насилия, существующие в реальной действительности (порой куда более изощренные, чем в любой фантазии), писатели, особенно прозаики и драматурги стран изучаемого мной Магриба, на протяжении всей истории развития нового типа художественного сознания в *арабском мире* (в форме литературного франкоязычия) никогда не избегали манифестации и оценки этих явлений, связанных с различными этапами историко-политического, социального, социопсихологического и даже экономического контекста, в котором писали и пишут свои произведения многочисленные магрибинские литераторы.

В связи с этим нельзя не упомянуть о форме даже «научного насилия», которая отмечается среди арабистов, утверждающих по сей день, что, «кто не пишет по-арабски, тот не араб». (Можно продолжить этот абсурд, говоря, что, кто не пишет на африканских языках, тот не африканец, и далее везде – в Индии, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, Австралии и др. регионах использования европейских языков, где имеется литература, и обширная, именно на них).

Остановлюсь на примере только лишь (хотя располагаю и многими другими) литературного франкоязычия Магриба (Алжир, Марокко, Тунис).

Будучи самой прямой функцией такого историко-политического насилия, как колониальный захват Магриба (Алжира – раньше, 1832 г; Туниса и Марокко – позже, в конце XIX и начале XX в.), ставший прямым следствием «кровавой свадьбы двух миров» (выражение Асси Джеббар, алжирской писательницы), вылившейся в конечном счете в своеобразный диалог цивилизаций, где поначалу преобладал «монологизм» колониальной политики культурной ассимиляции автохтонов, а позднее – в процессе взаимодействия двух разных культурно-конфессиональных начал и их взаимопроникновения.

Сама колониальная культура французов в известной мере «преобразилась» в особые формы сознания своего *отличия* от метропольного взгляда «сверху» и преобладавших в нём тенденций экзотизации Северной Африки; а автохтонная культура обрела под «натиском» европейской черты «национально-го самосознания».

Диалог преобразился в особую форму «противостояния» и даже резкого отделения культуры (в т.ч. литературы) колонизованных от колонизаторов. Вплоть до насилия – «выхватывания винтовки из рук врага» (как сказал алжирец Катеб Ясин), когда именно усвоенный в школах колонизаторов француз-

³ Я имею в виду такие образцы творчества алжирца Ясмینی Хадра, как романы «Что должен ночи день» и «Что должен мираж оазису», и Мустафы Тлили, как романы «Гора льва» и «Полдень в пустыне». О них см. подр. в моих работах «Тунисская элегия», 2023, и мн. др.

ский язык (и вместе с ним насаждаемые знания об истории европейской цивилизации) стали в руках колонизованных мощным оружием отвоения своей Свободы и надеждой на построение мира Справедливости и Равенства в своих странах. Борьба за Независимость против любой формы колониального присутствия и показ пробуждения национального самосознания стали опорными столпами в новой литературе магрибинцев уже с конца 40-х и начала 50-х гг. XX в.

Нельзя не отметить активную роль самих писателей-магрибинцев в процессах освобождения своих обществ «от пут прошлого», засилья старых традиций (тоже активно поддерживаемых колонизаторами в целях усугубления внутренних противоречий мусульманских обществ для более легкого политического управления ими). А в таких странах, как Алжир, в эпоху жестокой и беспощадной (с обеих сторон) войны за Независимость (1954–1962) – прямое участие многих на стороне восставшего народа. Рашид Буржедра, к примеру, ушел воевать в партизанский отряд, Ассия Джебар отсидела в колониальной тюрьме, где претерпела много издевательств. М.Диб был выслан из страны «за активную помощь повстанцам» и претерпел немало тягот скитаний на Чужбине, а некоторые сражались за свободу в подполье своим беспощадным пером (Жан Сенак, Башир Хадж Али и мн. др. писатели и особенно поэты – «опорные столпы Независимости Алжира») [3].

Отвоение Свободы шло и на страницах книг, которые, как ни странно, печатались во Франции теми, кто поддерживал национально-освободительное движение (а таких тоже было немало в среде французской интеллигенции). Но главным, конечно, оставались цель и задачи «строительства нового мира» на страницах своих книг, а это означало, что писатели не только должны были призывать к нему, но главное – *показывать* изъяны и пороки того общества, которое предстояло *трансформировать*.

Творчество Л.Дебеш, А.Джебар, М.Маммери, М.Феруана, М.Диба, А.Мемми, Д.Шрайби, Т.Бенджеллуна, А.Серхана, М.Хайреддина, А.Катиби, Н.Фареса, Р.Мимуни, М.Моккедем, как и многих других алжирцев, марокканцев и тунисцев (а в последние десятилетия увеличивается отряд именно женских имен в литературе франкоязычных магрибинцев) на протяжении всей эволюции литературного франкоязычия (с 30-х гг. XX в. по сей день) отражало и отражает именно те формы существования окружающей реальности, где зреют не только «зерна Грядущего», но и зеленеют следы Прошлого, порой даже активно возрождаемого исламистскими радикалами в целях «удержания самобытности» старых традиций, обрекающих социальное развитие на застой.

Один из ярких примеров такого рода «насилия Прошлого» в недрах Настоящего – это сохранение и охранение власти отца-патриарха в семьях, придерживающихся законов шариата или догматов других религий, наличествующих в Магрибе, в целях *уменьшения* значимости социальной роли женщин и воспитания детей в покорности этой власти.

Одни писатели показывают итоги такого рода «насилия» и даже «насилия» (как, к примеру, марокканец Д.Шрайби или тунисец А.Мемми)⁴ в бунте и даже повстанчестве сыновей таких отцов, их противление и неприятие абсолютной Власти Отца, разрыв с семьей и даже с родной страной.

Другие – печальные итоги «претерпевания» такого рода насилия женщинами, которые либо полностью смиряются с Традицией и становятся её жертвами или отверженными в череде смены жен (мусульманин имеет право содержать и четырех), либо теряют рассудок от бессилья выразить свою волю, либо просто становятся бессловесной тенью своего мужа, обреченные носить тяжелые оковы Традиции (примеры – творчество Р.Буджедры, Р.Беларми и др.) (подробнее см. [4; 5]).

Третьи – итоги своеобразных попыток женщин вырваться из этих «оков» и «цепей» Прошлого и усовершенствовать свою жизнь в рамках традиционного брака (заклученного по воле родителей) или даже разрушить свою семью и вырваться на Свободу, несмотря на все угрозы и вызовы традиционно ориентированного мира (творчество женщин-писательниц магрибинок – алжирок А.Джебар и А.Дебеш, марокканок Джюры и Я.Шами, туниски Х.Джелилы и многих других).

Не менее интересен и такой парадоксальный эффект насилия, как власть Отца (или «мужчины» как такового), в форме его *полного отсутствия* в современной магрибинской семье, где весьма часто (и все чаще) именно мужчины (хотя и женщины не исключение) сами становятся жертвами вынужденной или добровольной эмиграции на Запад. Итог – своеобразное психологическое насилие над личностью

⁴ Об их творчестве на русском языке см. наши работы: Души прекрасные порывы. М. 2022; Свой путь. М. 2023; Диктат эпохи (в печати), М. 2024; Politique et Poétique. Alger, 1999.

ребенка, сына особенно, осознающего свое безотцовство как *неспособность* отца сохранить и охранить семью, где мать становится единственной опорой жизни своих детей, принося себя в жертву поденщице и непосильному труду для заработка средств существования, – запечатлен в книге молодого марокканца Тахира Хишама «Присоединение» (2015) [6].

Примеры оборотной стороны Власти Отца, как и прямого физического насилия над женщиной-африканкой в целом со стороны мужской родни (отца, его родного брата и дяди и даже представителей духовенства), использующего свою Власть, тоже запечатлены в этой книге Тахира Хишама, по-своему интерпретирующего очевидные вызовы сегодняшнего мира, когда современная работоторговля, к примеру, в виде хорошо организованного беженства африканцев на Запад происходит в виде переправки через страны Магриба (Марокко, Тунис преимущественно, а еще раньше и Ливия) «живого товара», становящегося рабочей силой в странах Европы.

Тахир Хишам рассказывает об этом на примере беженки из Буркина Фасо, где, как и в других африканских странах южнее Сахары, упорно ходят слухи о лучшей доле женщины в Европе, куда легко перебраться через Марокко, в котором якобы нетрудно заработать на место в лодке и уплыть из Танжера в Гибралтар, а оттуда – куда захочется...

Судьба такого рода женщин, «уговоренных молвой» (как и мужчин, и их тоже немало), однозначна. В долгой дороге они (уже привычно) подвергаются изнасилованию мужчинами-спутниками, а как дойдут в изнеможении до Марокко, становятся жертвами ставшего там уже обычным насилия, когда их размещают в портовых городах в особо рода борделях, где орудуют те самые «работоторговцы», заставляя копить деньги на место в утлой лодке (или на плоту), чаще всего погибающей в морской пучине... Ну а если «повезет», то на очередной границе их уже ждут такие же продавцы дешевой «рабочей силы»... Героине Т.Хишама не повезло. Как и герою со своим уже воображаемым отцом «по переписке». Отцом, который навсегда отчалил и от дома, и от родного берега...

Любопытно, что крупнейший марокканский писатель – Тахар Бенджеллун, лауреат Гонкуровской премии (присуждаемой только за литературное мастерство), недавно, в 2020 г., опубликовал свою очередную книгу, не представленную в Собрании его сочинений, чуть ранее изданном крупнейшим издательством Франции [7]. Известный повсюду писатель создавал свои произведения в основном о родном Марокко либо в надежде на его лучшее будущее, либо резко критикуя его настоящее.

Такие его романы, как «Это ослепляющее отсутствие света», написанный в XXI в., или созданные еще в 80-е – 90-е гг. XX в. (трилогия «Песчаное дитя», «Ночь Судьбы» и «Ночь ошибок») или в 90-е «Опустив глаза» и др., родили образы страны, где властвуют патриархальные традиции, опутавшие страну оковами религиозных догматов, допускающих насилие над женщиной. Как и абсолютная власть монарха в стране, уже добившейся независимости от колонизаторов, уже причастной к дороге прогресса, всё еще хранящей возможность взаимодействия разных цивилизаций, порой превращается в засилье мрака, опускающая ночь каторги, её «страшных темниц-подземелий» на всю страну, лишая её природой данного Света Солнца, сделавшего её одной из «самых красивых стран мира» [8]. А ведь именно так называется книга («*Le plus beau pays du monde*»), о которой я выше завела речь. И именно в этой книге уже в который раз именно портовые города родной страны – Касабланка и Танжер, уподобленные и ранее Неаполю, где, по выражению писателя, – «царство мафии» [9], становятся страшными образцами, отмеченными, как стигматами, признаками разложения духовной сущности всего человечества, всего родного народа, предназначенного Свету Солнца, вольному дыханию свежести моря, горных вершин и долин, граничащих с бездонной глубиной неба, его Божественной Вселенной... [10]

Как бы не ведая о том, что когда-то, еще в первые десятилетия XX в., была создана знаменитая трилогия о природной красоте Марокко, о его любви к традициям жизни, оберегающим его звуки, мелодии, гармонию, о гостеприимстве народа, его преданности заветам предков, верных своей земле, о старинных праздниках жизни с танцами, особыми ритмами, в которых «пульсирует Радость Бытия», и еще о многом другом рассказано в трех томах братьев Таро (1919–1930), также получивших Гонкуровскую премию, которые посвящены Рабату, Фесу и Марракешу – трем столицам страны, хранящим её природу, время, надежды⁵.

⁵ Имено в виду романы Д.Шрайби «Мать Весны», «Место под солнцем» и др.; D.Chraïbi “La mère du Printemps”, 1982; “L’enquête au pays”, 1991; Une place au Soleil, 1992.

Тахар Бенджеллун, наоборот, пишет портрет родной страны, где царит засилье «совокупности портовых городов», хотя упоминает и о Фесе, в котором видит теперь «источник и приют» другого сокровища современной буржуазии Ислама – отмыwanie доходов и охранение прибыли от современной работорговли...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мечтают теперь магрибинцы редко. Всё больше обличают Зло современного мира, причиняющее Боль человеку⁶, который, как полагает тунисец Тахар Бекри, создан как звучащее Древо, предназначенное только мелодии жизни и её надеждам...

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. См.: Прожогина С.В. Корни и крона (заметки на полях стихотворения Тахара Бекри). *Азия и Африка сегодня*. № 8. 2023. DOI: 10.31857/S032150750027144-0
Prozhogina S.V. 2023. Roots and Crown (Notes in the Margins of a Tahar Bekri's Poem). *Asia and Africa today*. № 8. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027144-0
2. См.: M.Tlili. L'après-midi dans le Desert. 2008.
3. См.: B.Sansal. 2084, ou la fin du monde. 2015.
4. См.: D.Chraïbi "Le passé simple", 1953.
5. A.Memmi "La statut de sel", 1954
6. Tahir Hicham, Djaabouk (Le joint). Rabat, 2015.
7. Tahar Benjelloun. Le plus beau pays du monde, 2020.
8. T.Benjelloun. L'enfant de sable, P. 1985; La nuit sacrée, 1987 (русс. перев. М., Наука, 1990); "La nuit d' erreur", 1997; T.Benjelloun "Les yeux baissés", 1991.
9. Tahar Benjelloun "Cette aveuglante l'absence de la lumière", 2001.
10. Tahar Benjelloun "L'auberge des pauvres", 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, гл.н.с. Отдела сравнительной культурологии, ИВ РАН; член Союза писателей России; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Svetlana V. Prozhogina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Principal Researcher, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступило в редакцию
(Received) 14.01.2024

Доработано после рецензирования
(Revised) 25.02.2024

Принято к публикации
(Accepted) 23.03.2024

---

⁶ Я имею в виду, конечно, в первую очередь книги Тахара Бенджеллуна, которые, в отличие от книг его предшественника – Дриса Шрайби, чей первый роман «Простое прошедшее» в Марокко был запрещен, – не запрещены. Несмотря на мощь обличения разного рода несправедливости и насилия, творящихся в родной стране, сегодняшний монарх Марокко Мохаммед VI не запрещает публиковать его творчество в родной писателю стране. Видимо, мировая слава писателя, издающегося на многих языках мира, способствует этому.

DOI: 10.31857/S032150750030604-6

«Большая игра» в Тихоокеанской Азии и политика России

© Астафьева Е.М.^а, 2024

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8091-407X; katy-ast@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Мосяков Д.В. Индо-Тихоокеанский регион в фокусе мировой политики: тренды развития и Россия** (Москва, ИВ РАН, 2023). 570 с., ISBN 978-5-907671-57-7

Ключевые слова: Д.Мосяков, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, США, КНР, АСЕАН, Россия, международные отношения, внешняя политика

Для цитирования: Астафьева Е.М. «Большая игра» в Тихоокеанской Азии и политика России. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 71–74. DOI: 10.31857/S032150750030604-6

The “Great Game” in Pacific Asia and Russian Policy

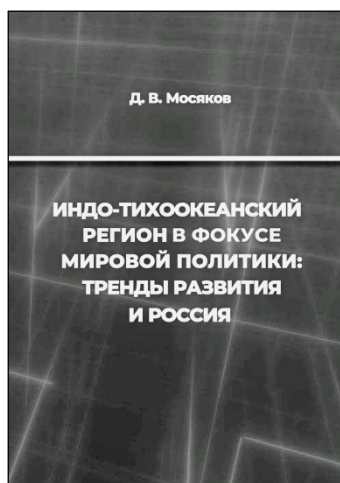
© Ekaterina M. Astafyeva^а, 2024

^а Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8091-407X; katy-ast@yandex.ru

Review of the book: **Mosyakov D.V. The Indo-Pacific Region in the Focus of World Politics: Development Trends and Russia** (Moscow, 2023). 570 p., ISBN 978-5-907671-57-7

Keywords: D.Mosyakov, Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, USA, China, ASEAN, Russia, international relations, foreign policy

For citation: Astafyeva E.M. The “Great Game” in Pacific Asia and Russian Policy. *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 71–74. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030604-6

Монография «**Индо-Тихоокеанский регион в фокусе мировой политики: тренды развития и Россия**» (М., 2023) написана одним из ведущих российских востоковедов, заведующим Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, профессором, доктором исторических наук *Дмитрием Валентиновичем Мосяковым*. Сегодня, в условиях глобальной трансформации системы международных отношений, формирования новой многополярной структуры мироустройства, публикация этой работы представляется весьма своевременной и актуальной.

Во **Введении** выделяются особенности современного этапа внешнеполитической борьбы, связанные с навязыванием миру со стороны США т.н. формата гибридных войн, основанных «на сочетании военных угроз, политического давления, информационного доминирования и эффективной мягкой силы» (с. 9) и «непрямых войн», «когда в борьбе против России американцы берут на себя вопросы финансового обеспечения, а также разведки, логистики и поставки вооружений, а остальное оставляют своим прокси-союзникам...» (с. 10).

Выделяя некоторые актуальные проблемы, рассматриваемые в рецензируемой монографии, автор делает вывод о том, что «за относительно короткое время России удалось вновь вернуться на авансцену азиатской и мировой политики» (с. 27).

Первая глава посвящена рассмотрению политики США в АТР в период после распада СССР, когда на смену двухполярному миру пришел мир однополярный. Именно тогда начали тлеть многие конфликты, которые «столь ярко проявляются сегодня на пространствах огромного региона, охватывающего Тихий и Индийский океаны» (с. 28).

Автор анализирует основные концепции и идеи ключевого элемента американской политики глобализации 1990-х гг. – АТЭС – структуры, которая должна была распространить «американское влияние на обширный регион, особенно на страны Большой Восточной Азии» (с. 32), а также кризис этого проекта, его причины и последствия, связанные, в т.ч. с возрастающей ролью КНР в регионе.

Обращаясь к активизации в 2009 г. антикитайской политики администрации Б.Обамы и принятой ей политики «перебалансировки», а также проекта ТТП, автор приходит к выводу о том, что реальных результатов Вашингтону добиться не удалось. Новая администрация Д.Трампа кардинально пересмотрела политику США в АТР, «проект ТТП был немедленно отставлен и даже после победы в 2020 г. демократов... он так и не был возобновлён» (с. 131).

Как отмечает Д.В.Мосяков, с приходом к власти Д.Трампа «для многих друзей Америки в Азии наступили “черные дни”» (с. 131), поскольку проглобалистские силы утратили свое влияние. Однако отказ от ТТП не означал уход США из Азии, американцы стали переходить к сотрудничеству на двусторонней основе. Но сохранить «единство интеграционного пространства в АТР Вашингтону так и не удалось. Оно буквально рассыпалось на мелкие куски в рамках локальных соглашений о свободной торговле стран-участниц АТЭС» (с. 140).

Во **второй главе** автор в деталях рассматривает политику Китая по расширению влияния в Азии, указывая, что переломным моментом выхода Китая на авансцену азиатской политики стал финансовый кризис 1997–1998 гг.

Именно в этот тяжелый для стран АСЕАН период на выручку им пришел Пекин, выдвинув предложения «о развитии межазиатского сотрудничества, независимого от США, формирования атмосферы доверия в Большой Восточной Азии» (с. 147). Однако усиление Китая в регионе подтолкнуло руководство стран АСЕАН к новому витку сближения с США и четкому определению «красных линий» в отношениях с КНР. Реакцией Пекина стала смена тактики по расширению сфер своего влияния.

Далее Д.В.Мосяков обращается к рассмотрению многовариантных китайских интеграционных проектов в АТР, направленных против американского лидерства в регионе. Это и различные двусторонние соглашения, и ЗСТ, и ВРЭП, и, безусловно, инициатива «Один пояс – один путь». Стратегической, как пишет автор, «дальней целью» стала инициатива создания «Сообщества общей судьбы для человечества» (с. 164). В дальнейшем обострение американо-китайского противостояния привело к началу между ними торговой войны и появлению на свет нового глобального проекта администрации Д.Трампа – Индо-Тихоокеанского региона.

Третья глава посвящена исследованию концепции «свободного и открытого» ИТР и процессов формирования новой реальности на пространствах Индо-Тихоокеанской Азии.

Как указывает автор, «в новой геополитической картине Китай располагается на её периферии, Россия, вообще, – где-то на далеком севере, а США получают в союзники Индию» (с. 197). Но главный посыл «ИТР по-американски – это существенное усиление американских военных возможностей в регионе» (с. 208).

Страны Тихоокеанской Азии оказались в поисках равновесия в условиях американо-китайского противостояния и формирования ИТР. Автор пишет и о «намечающемся “китайском транзите” – новом политическом явлении, связанном с формированием прокитайского кластера азиатских стран» (с. 213), и о политике хеджирования рисков, которая «предполагает сохранение, несмотря на очевидные противоречия, особых отношений с США» (с. 218), отмечая, «что “процесс” раскола АСЕАН на проамериканскую и прокитайскую стороны реально уже происходит и это следует учитывать в политике России» (с. 225). При этом ключевым участником американских инициатив в ИТР становится Индия и, как подчеркивает автор, «от позиции и политики Индии будет зависеть успех всего их проекта» (с. 229). Далее представлен тщательный анализ созданных под эгидой США блоков *QUAD* и *AUKUS*, а также *Partners in the Blue Pacific*, основная цель которых, как представляется, заключается в противостоянии Китаю.

В **четвертой главе** автор обращается к описанию потенциальных очагов напряженности в АТР-ИТР, «которые могут в любой момент спровоцировать масштабные военные столкновения с неопределенными для глобальной безопасности последствиями» (с. 271).

В качестве первого такого района Д.В.Мосяев указывает на Тайвань, вторым он считает акваторию Южно-Китайского моря, где в распоряжении Пекина – 27 передовых военных баз, что «позволяет китайским ВВС реально угрожать ключевым торговым маршрутам, ведущим из Индийского океана к тихоокеанскому побережью США» (с. 294). Еще два очага напряженности – это спорные острова в Восточно-Китайском море и территории малых островных государств Океании.

В **пятой главе** проведен «анализ большой игры в Тихом и Индийском океанах».

Начиная с рассмотрения политики Вашингтона, автор указывает, что «недооценивать возможности США сплотить и организовать страны АТР-ИТР против Китая ни в коем случае нельзя» (с. 339). В монографии представлен подробный обзор позиции стран АСЕАН в отношении американского ИТР, которые колебались, не соглашаясь принимать участия в проекте, предусматривающем «военную составляющую, направленную против Китая» (с. 340). Участие стран АСЕАН в формировании ИТР «придает ему совершенно новое содержание» (с. 343), однако ставит страны региона перед проблемой сохранения принципа «асеаноцентричности», подчеркивает автор.

Обращаясь к «контригре» КНР в Азии, автор пишет, что «одна из целей Китая – заставить американцев конкурировать с ним в тех областях, где его позиции особенно сильны».

Поясним: глобальная китайская стратегия продвижения в Азии – не смешивать экономику и политику; другими словами, у Китая «нет никаких предварительных условий для финансирования тех или иных проектов» (с. 352–353), американцы же, как всем известно, любители выставлять политические условия. В этом контексте делается вывод о том, что «контригра Китая в Азии на основе концепции “общей судьбы” выглядит абсолютно обоснованной, продуманной и очень сильной» (с. 356).

Автор проводит анализ публикаций как зарубежных, так и отечественных экспертов, посвященных путям развития ИТР, и констатирует огромное разнообразие взглядов и политических позиций относительно этого проекта, что вполне объяснимо, поскольку «ИТР как новая геополитическая реальность находится в самой начальной стадии своего формирования» (с. 362). Обобщая мнения российских исследователей, автор указывает, что проект ИТР, «скорее всего, будет развиваться в антикитайском направлении, причем, вероятно, как военно-политический союз» (с. 362).

Шестая глава, как представляется, вызовет у читателя наибольший интерес, поскольку в ней автор обращается к рассмотрению политики России в условиях глобальной трансформации международных отношений. Обзор столь важной темы начинается с исторического экскурса в 70-80-е годы XX в., когда «влияние Советского Союза в регионе действительно было крайне существенным, и Москве не требовались никакие союзники, чтобы самостоятельно влиять как на его безопасность, так и на пути его развития» (с. 383). И тем печальней вывод о том, что, несмотря на участие нашей страны сегодня в основных форматах региональной интеграции, «определяющего влияния на их повестку дня и на принимаемые решения [Россия] не имеет» (с. 386).

Отдельный **параграф** в этой главе посвящен эпохе Е.М.Примакова и начатому им повороту России к Восточной и Юго-Восточной Азии, вызвавшему разочарование у новой российской прозападной политической элиты, так и сумевшей ввести страну «в западный замок на холме». Как подчеркивает автор, предпринятые Е.М.Примаковым усилия «обозначили реальное изменение российской политики, попытку прорыва России на Восток, но следует признать, что само возвращение, в том виде, как в Москве рассчитывали, так и не состоялось» (с. 390).

Обращаясь к рассмотрению места России в структуре ИТР до начала специальной военной операции на Украине, Д.В.Мосяков указывает на позитивные в целом тенденции в развитии отношений нашей страны со странами АТР-ИТР, в сторону которых стал смещаться «главный фокус её внешнеэкономических, военно-политических и даже интеллектуальных усилий» (с. 401).

После начала СВО и последовавшей за ней западной санкционной блокады, «для России альтернативы “повороту на Восток” просто не существует, это направление становится ключевым фактором экономического выживания и конечной победы» (с. 402). Чтобы оценить успехи в реализации «поворота на Восток», автор проводит обзор отношений России со странами АТР-ИТР, указывая, что «заинтересованность друг в друге – это объективная реальность» (с. 448).

В **седьмой главе** рассматриваются наиболее актуальные вопросы современной российской политики в АТР и ИТР. В частности, оцениваются мнения отечественных экспертов о перспективах концепции ИТР, что, как подчеркивает автор, «подводит нас к необходимости анализа того, что делает и что должна делать российская внешняя политика в современных условиях» (с. 458). Д.В.Мосяков делает вывод о

том, что необходимо «последовательно продолжать сбалансированный курс на углубление отношений» со странами региона, что «позволит России в качестве самостоятельного игрока влиять на события, которые происходят и будут происходить на огромных пространствах АТР-ИТР» (с. 485).

Отдельный *параграф* посвящен анализу российской стратегической инициативы «Большая Евразия». «Внутри евразийского партнерства, – пишет автор, – идет активный процесс культурного и социального контакта, зарождаются и укрепляются связи, меняющие и экономическую, и политическую, и военную ситуацию на огромных пространствах Евразии и ИТР» (с. 491). Автор выстраивает стройную и понятную схему дальнейшего движения России в рамках формирования глобальной общности «Большая Евразия», доказывая реальные возможности реализации этого проекта.

Огромное влияние, как особо отмечает автор, оказало на весь комплекс отношений России со странами региона начало СВО на Украине. Давление Запада на страны ИТР в целях ужесточения их политики относительно России постепенно продавливают сопротивление этих государств. Однако, делает вывод автор, «специальная военная операция, противоречащая западной логике и подходам, и опрокинувшая планы по тихому и постепенному удушению России, показывает, что российское руководство сделало правильные выводы из предыдущих иллюзий и заблуждений» (с. 535).

В **Заключении** автор подчеркивает, «что начало СВО стало эпохальным моментом современной истории, таким действием, которое дало сильный толчок как к ускорению уже шедших перемен в ИТР, так и к пониманию истинных целей США и их сателлитов в современном международном процессе» (с. 537).

Резюмируя прочитанное, необходимо отметить, что монография Д.В.Мосякова написана ярко, и, несмотря на значительный объем и сложность рассматриваемой проблематики, легка для восприятия. Проблемы глобальной трансформации на обширных территориях АТР, различные интеграционные проекты, реализуемые великими державами в этом регионе, приводящие зачастую к обострению конфронтации между ними, проанализированы автором в контексте глобального российского проекта – формирования Большой Евразии, который отвечает не только российским, но и общеазиатским и общеевропейским интересам. Д.В.Мосяков показывает наиболее перспективные направления выстраивания российской политики в отношении стран Юго-Восточной Азии, в т.ч. недопущения милитаризации региона и сохранения существующего статус-кво, в частности, сохранения странами АСЕАН их центральной роли в формировании реальности в ИТР.

Но всё же главным посылом автора рецензируемой книги, как представляется, является его тезис о том, что Россия «есть самостоятельная цивилизация, в определенном смысле “огромная одинокая звезда”» (с. 405). Россия не стала «своей» для Запада, никогда не станет «своей» на Востоке. И именно на этот непреложный факт автор рекомендует полагаться в выстраивании российской политики на всех направлениях.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Астафьева Екатерина Михайловна, кандидат исторически наук, старший научный сотрудник, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ekaterina M. Astafyeva, PhD (History), Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.03.2024

DOI: 10.31857/S032150750030605-7

Вьетнамский взгляд на отношения с Америкой

© Цветов П.Ю.^a, 2024

^a Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3757-8327; proviet99@mail.ru

Рецензия на книгу: **Đoàn Ngọc Tuấn, Trần Nam Tiến. Quan hệ chính trị Việt Nam – Hoa Kỳ.** Hà Nội, Chính trị Quốc gia Sự thật. 2023, 308 tr. ISBN 978-604-57-8821-9

Ключевые слова: вьетнамо-американские отношения, Китай, АСЕАН, права человека, «оранжевое вещество», Джо Байден

Для цитирования: Цветов П.Ю. Вьетнамский взгляд на отношения с Америкой. *Азия и Африка сегодня.* 2024. № 4. С. 75–79. DOI: 10.31857/S032150750030605-7

Vietnamese View on Relations with America

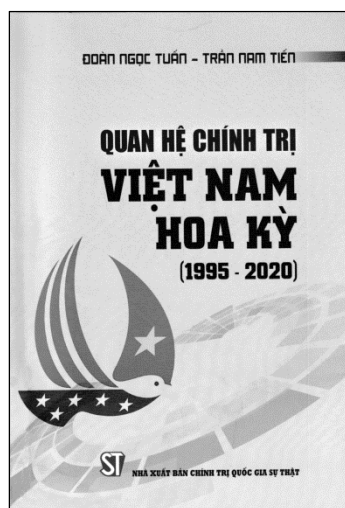
© Petr Yu. Tsvetov^a, 2024

^a Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3757-8327; proviet99@mail.ru

Review of the book: **Đoàn Ngọc Tuấn, Trần Nam Tiến. Quan hệ chính trị Việt Nam – Hoa Kỳ.** Hà Nội, Chính trị Quốc gia Sự thật. 2023, 308 tr. (In Vietnamese).

Keywords: Vietnam – USA relations, China, human rights, orange agent, Joe Biden

For citation: Tsvetov P.Yu. Vietnamese View on Relations with America. *Asia and Africa today,* 2024. № 4. Pp. 75–79. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030605-7

10–11 сентября 2023 г. Вьетнам с официальным визитом посетил президент США Джо Байден. За несколько дней до этого безусловно исторического события в Ханое состоялась презентация только что вышедшей книги «Вьетнамо-американские политические отношения (1995–2020)». Её написали преподаватели двух вузов г. Хошимина – Доан Нгок Туан из Института имени Нгуен Тат Тхяня и Чан Нам Тиен из Института социальных и гуманитарных наук Национального университета г. Хошимина. Издать труд взялось Центральное партийное издательство Вьетнама «Шытхат».

Тема вьетнамо-американских отношений – весьма животрепещущая, содержание этих отношений переменчиво и оставляет без ответа ряд вопросов.

Бурный взлет этих отношений от состояния жестокой кровавой войны к всеобъемлющему стратегическому партнерству вызывает в нашей стране, в частности, в блогосфере, потоки обывательских сетований по поводу сближения Ханоя с Вашингтоном и отдаления от Москвы. Конечно, вьетнамские авторы написали эту книгу не для того, чтобы объяснить российской публике «что и почему». Задача книги, как отмечается в предисловии издательства, – внести вклад в подтверждение «правильной руководящей линии партии», помочь пониманию, в чём заключаются успехи внешней политики Коммунистической партии Вьетнама и вьетнамского государства (tr. 6).

Представляется, что рецензируемая монография как раз дает ответы на многие вопросы, которыми задаются неравнодушные наблюдатели.

Книга состоит из трех больших глав: «*Факторы, влияющие на вьетнамо-американские политические отношения в 1995–2020 гг.*», «*Состояние вьетнамо-американских политических отношений в 1995–2020 гг.*» и «*Некоторые заключительные замечания. Проблемы, существующие во вьетнамо-американских политических отношениях в 1995–2020 гг.*».

Акцент на политическую сторону вьетнамо-американских отношений, что нашло свое отражение и в названии книги, и в названиях глав, авторы объясняют тем, что развитие отношений между Вьетнамом и США в области политики подталкивало развитие двусторонних отношений во всех других сферах (tr. 229).

Проблемный принцип построения текста обусловил рассмотрение авторами явлений под разными углами зрения. В то же время в тексте присутствует и периодизация истории отношений двух стран. Хотя основное внимание уделяется периоду после установления дипломатических отношений между Ханоем и Вашингтоном в июле 1995 г., авторы дают характеристику и предшествующим страницам истории, да и внутри периода 1995–2020 гг. проводят определенные границы.

Итак, если брать во внимание период после окончания вьетнамской войны и воссоединения Вьетнама и до 2020 г., то в книге предлагаются такая периодизация:

1975–1978 гг. – период «медленного продвижения». США продолжают свою враждебную в отношении Вьетнама политику, распространяют санкции на весь Вьетнам, противятся принятию СРВ в ООН. На этом этапе Вашингтон был более заинтересован в нормализации отношений с Пекином, чем с Ханоем.

1979–1989 гг. – период «напряженности и противостояния». Во многом это обуславливалось вводом вьетнамских войск в Камбоджу. Власти США не хотят нормализовать отношения с Вьетнамом, а Ханой прилагает все усилия, чтобы выйти из международной изоляции, в том числе изменить отношения с США. В сентябре 1989 г. Ханой официально объявляет о выводе войск из Камбоджи, а в сентябре 1990 г. министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхат встречается с госсекретарем США Дж.Бейкером. И тогда же администрация президента Буша-старшего начинает рассматривать Вьетнам как препятствие росту китайского влияния в регионе (tr. 100–101).

1991–1995 гг. – период нормализации дипломатических отношений. В связи с окончанием холодной войны в Вашингтоне пришли к мысли о необходимости восстановить дипломатические отношения с Вьетнамом. В апреле 1991 г. американская сторона начала процесс нормализации отношений с Вьетнамом, а в Ханое на VII съезде КПВ (июнь 1991 г.) была поставлена задача «подтолкнуть процесс нормализации отношений с США» (tr. 101). В октябре 1993 г. Вашингтон заявил, что между США и Вьетнамом уже нет состояния войны, и США больше не рассматривают Вьетнам в качестве «врага». В январе 1994 г. Конгресс США одобрил предложение президента Б.Клинтона отменить эмбарго в отношении Вьетнама.

1995–2005 гг. – период, когда дипломатические усилия обеих сторон постепенно приводят к полной нормализации двусторонних отношений. На этом отрезке установление дипотношений 7 июля 1995 г. – это только начальная дата, а завершается процесс нормализации визитами президента США Б.Клинтона во Вьетнам в 2000 г. и премьер-министра СРВ Фам Ван Кхая в США в 2005 г. К концу этого периода, пишут вьетнамские авторы, «США признали растущую роль и положение Вьетнама на мировой арене, непосредственно для стабильности и развития в АТР» (tr. 159).

2005–2020 гг. – период, когда вьетнамо-американские связи расширяются и углубляются, складываются отношения всеобъемлющего партнерства. Значимыми событиями на этом отрезке пути были визиты в СРВ президента США Дж.Буша-мл. в 2005 и 2006 гг. и поддержка им членства Вьетнама в ВТО, визиты в США президента СРВ Нгуен Минь Чиета (2007 г.) и премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга (2008 г.). В совместном коммюнике по итогам переговоров Буша и Нгуен Тан Зунга говорилось, что отношения между двумя странами строятся «на дружеской основе» (tr. 166).

В 2013 г. США посетил с официальным визитом президент СРВ Чыонг Тан Шанг. В итоге именно тогда было объявлено об установлении между США и Вьетнамом отношений всеобъемлющего партнерства.

Особо значимым визитом вьетнамских руководителей в США был официальный визит Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга в июле 2015 г. Высший партийный руководитель СРВ не занимал никаких государственных должностей, но уровень его приема в Америке служил подтвержде-

нием того факта, что Белый дом признал КПВ в качестве руководящей силы политической системы Вьетнама.

Ответный визит президента США Б.Обамы в 2016 г. вошел в историю благодаря тому, что именно тогда Белый дом отменил все запреты на продажу американского оружия Вьетнаму.

Хорошие отношения сложились у Вьетнама с Америкой и в период президентства Д.Трампа. Премьер-министр СРВ Нгуен Суан Фук, посетив США с официальным визитом в мае 2017 г., стал первым в АСЕАН лидером, который провел переговоры с новым хозяином Белого дома. Как пишут Доан Нгок Туан и Чан Нам Тиен, «при президенте Д.Трампе Вьетнам стал объектом постоянного внимания США» (tr. 190).

Несомненный интерес представляют объяснения вьетнамскими авторами причин сначала нормализации, а потом сближения двух государств. Этого требовали, как говорится в книге, перемены в мировой и региональной политике в конце XX в. и в начале XXI в. В мировой политике – это окончание холодной войны, крах системы социализма в Восточной Европе и Советском Союзе и стремление США превратить XXI век в «Американский век».

В мировой экономике – это переход большинства стран на планете к рыночной экономике, дальнейшее развитие научно-технической революции с акцентом на высокие технологии, особенно компьютерные. После азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. увеличивается влияние Китая на процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и, соответственно, уменьшается влияние США. И это стратегическое соперничество США и КНР стало фактором, воздействовавшим на развитие отношений Вьетнама с Соединенными Штатами. Повышение роли АСЕАН в мировой экономике и политике также подталкивало Вашингтон к выработке своего особого отношения к этому региону с целью утвердить там свою роль сверхдержавы.

Кроме этих моментов, американская дипломатия также учитывала роль АТР как транспортной артерии, связывающей Азию с Европой и то, что в регионе не были решены острые территориальные споры.

Развитие отношений с Вьетнамом должно было помочь Америке контролировать эти процессы. В Вашингтоне считали, что «хорошие отношения с Вьетнамом будут способствовать реализации стратегии баланса сил и защищать права США в Восточном море»¹ (tr. 58). Кроме того, американцы не хотели опоздать с приходом на вьетнамский рынок и стремились включить Вьетнам в свою орбиту, способствуя «мирной эволюции» общественного строя (tr. 59). Вашингтон также преследовал цель не допустить сближения КНР и Вьетнама на основе их общности как социалистических государств (tr. 61).

Вьетнамская дипломатия в своем стремлении нормализовать и развивать отношения с Вашингтоном исходила из установок съездов КПВ. В июне 1991 г. на VII съезде была утверждена линия на «равноправное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами, невзирая на социально-политические различия, на основе принципов мирного сосуществования». Тогда же был выдвинут лозунг «Вьетнам хочет быть другом всех стран мирового сообщества, которые борются за мир, независимость и развитие» (tr. 76).

Авторы книги уточняют, что за этими установками стояло стремление не только увеличить число стран, с которыми поддерживаются дипломатические отношения (в 1995 г. их число достигло 160), но и создать условия для расширения рынка и участия в международном разделении труда (tr. 79). Позже, на XI съезде КПВ (2011 г.), была поставлена задача «динамично и активно всесторонне участвовать в глобальной интеграции» (tr. 83). Такой акцент на экономическую дипломатию не должен удивлять – проводимая во Вьетнаме с конца 1980-х гг. политика реформ была сосредоточена в первую очередь на преобразованиях в интересах развития народного хозяйства.

И именно с экономической точки зрения США рассматривались как очень важный партнер. В книге прямо говорится, что «Америка играет важную роль в стратегии развития Вьетнама в связи с процессом международной интеграции» (tr. 87).

Улучшение отношений с США создавало для Вьетнама возможность сотрудничества со сверхдержавой, обладающей обширным рынком товаров и капиталов, экономическим и научно-техническим потенциалом. Центральная роль США во многих международных структурах рассматривалась в Ханое

¹ Так во вьетнамских изданиях называется Южно-Китайское море (прим. авт.).

как благоприятный момент для вступления в многосторонние организации. И это действительно имело место – с одобрения Вашингтона СРВ была принята в 1995 г. в АСЕАН и в 2006 г. в ВТО.

Суммируя все эти факторы, авторы приходят к выводу, что нормализация и развитие отношений с США было «неизбежностью» в движении Вьетнама по пути интеграции в региональном и глобальном масштабах (tr. 84–85).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди факторов сближения Вьетнама и США конфликтная ситуация в Южно-Китайском море не получила особого освещения в книге. Авторы считают конфликт в этом море «игрой» больших держав, прежде всего США и Китая, и что Вьетнаму в процессе урегулирования этого спора следует быть «собранным и осмотрительным», поддерживая отношения с обеими большими странами (tr. 92).

При том, что авторы явно настроены на поддержание добрых партнерских отношений между Вьетнамом и США, они не могли пройти мимо проблем, которые существуют в отношениях двух стран.

Выделены следующие негативы во вьетнамо-американских отношениях, причем надо отметить их присутствие на протяжении всего периода 1995–2020 гг.

Во-первых, это последствия войны. Одно из них – результаты применения американской военщиной дефолиантов на территории Южного Вьетнама. Ханой требует от американских властей официально признать свою вину, выплатить компенсации вьетнамцам-жертвам диоксида, провести обеззараживание территорий, где было распылено «оранжевое вещество». Также вьетнамское правительство призывает США содействовать разминированию обширных участков на территории СРВ. С американской стороны всё это время ставился вопрос о поиске останков американских военных, без вести пропавших на вьетнамской войне. Таких пропавших без вести насчитывается более 1000 человек. В 1975–2006 гг. вьетнамцами были найдены и переданы США останки 540 человек (tr. 135).

Второй блок проблем связан с вьетнамской диаспорой в США. Это более 1 млн человек, которые в основном положительно относятся к своей родине-матери, но в то же время сохраняется немало антикоммунистически настроенных элементов, которые постоянно оказывают давление на американские власти с целью помешать развитию отношений между двумя странами.

Деятельность этой меньшей части диаспоры особенно заметна еще в одной области вьетнамо-американских противоречий.

Вашингтон с момента установления дипломатических отношений с Вьетнамом и до наших дней выступает с постоянной критикой политики вьетнамских властей в области прав человека. Белый дом и Госдепартамент США регулярно публикуют материалы с обвинениями в нарушении в СРВ прав верующих, национальных меньшинств, журналистов. Показательно целеполагание одной из резолюций Конгресса США от 3 мая 2000 г.: «Потребовать от Вьетнама освободить политических заключенных и отменить ст. 4 Конституции СРВ»² (tr. 274).

До 2020 г. Вашингтон и Ханой провели 24 раунда консультаций по правам человека, на которых американская делегация непременно выступала с обвинениями в адрес вьетнамских властей (tr. 279). Подобные расследования и доклады американской стороны рассматриваются авторами как вмешательство Вашингтона во внутренние дела независимого вьетнамского государства (tr. 271).

Доан Нгок Туан и Чан Нам Тиен справедливо видят в этих нападках на вьетнамские власти продвижение главной цели политики США в отношении Вьетнама – заставить народ этой страны идти по пути развития капиталистической экономики и принятия демократии американского образца, введения многопартийности и других ценностей западного мира. В связи с этим авторы проводят аналогии между «мирной эволюцией», которая угрожает Вьетнаму, и «цветными революциями», имевшими место на постсоветском пространстве (tr. 282–285).

Однако, как явствует из книги, в Ханое не собираются превращать вышеназванные препятствия на пути дальнейшего развития вьетнамо-американских отношений в непреодолимые. Будущее отношений между двумя странами подается в конструктивном духе: «Роль и место США в мировой политике, безопасности, экономике очень велики, поэтому Вьетнам должен развивать с ними сотрудничество во всех сферах по всем дипломатическим каналам, считая это направление своей внешнеполитической стратегии делом первостепенной важности».

² Ст. 4 определяет руководящую роль Компартии Вьетнама в жизни страны (*прим. авт.*).

Одновременно с этим Вьетнам, полагают вьетнамские эксперты, должен укреплять курс на многовекторность, стремясь использовать любой способ для установления, укрепления и развития своих позиций в других двусторонних отношениях, особенно на региональном уровне (tr. 289–290). По мнению вьетнамских авторов, вьетнамо-американское сотрудничество отвечает интересам обеих стран, особенно оно соответствует вьетнамской позиции активного включения в международную интеграцию (tr. 193).

Как отмечалось выше, эта книга о вьетнамо-американских отношениях увидела свет накануне визита американского президента в Ханой. Тем не менее надо отдать должное, что её авторы не превратили свой труд в подарочное издание. Доан Нгок Туан и Чан Нам Тиен объективно и взвешенно проанализировали отношения двух стран, не впадая в эйфорию по поводу достижений в этой сфере, но и не превращая книгу в пропагандистское оружие давления на американских политиков.

Сентябрьский визит президента Джо Байдена во Вьетнам подтвердил основные оценки и выводы рецензируемой книги. В ходе визита отношения двух стран были подняты на одну ступеньку и стали называться «всеобъемлющее стратегическое партнерство во имя мира, сотрудничества и устойчивого развития». Но это не качественный скачок, новый статус предполагает лишь расширение сотрудничества по всем направлениям. Руководители двух стран (Байден имел встречи со всей четверкой руководителей Вьетнама – генсеком ЦК КПВ, президентом и премьер-министром СРВ, председателем Национального собрания Вьетнама) подтвердили основные принципы развития вьетнамо-американских отношений, включая взаимоуважение политических институтов, независимости, суверенитета и территориальной целостности, договорились вести дело к повышению взаимопонимания и укреплению взаимодоверия.

Раны прошлого по-прежнему остаются среди приоритетных проблем двусторонних отношений. В ходе визита была подтверждена важность взаимодействия в ликвидации последствий американской войны (речь идет о необходимости продолжать поиски останков солдат, погибших на той войне, оказании материальной помощи вьетнамским жертвам применения «оранжевого вещества» и обеззараживания отдельных районов территории СРВ).

По конфликтной ситуации в регионе партнеры поддержали позиции друг друга – Ханой согласился с американской программой обеспечения «свободы мореходства и авиасообщения», американцы – с линией АСЕАН на выполнение Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море и скорейшем заключении Кодекса поведения сторон в ЮКМ.

Более важной представляется экономическая часть программы визита. Стороны выразили готовность создавать наилучшие условия для проникновения товаров на рынки друг друга, взаимодействовать для устранения торговых барьеров. Особую ценность для Вьетнама имеют обещания американской стороны оказать помощь в развитии высоких технологий (в т.ч. в производстве микрочипов), в реализации обязательств по борьбе с изменением климата и выходу на нулевой уровень выбросов парниковых газов. Помощь США будет выражаться не только в финансировании соответствующих работ, но и в подготовке специалистов высшей квалификации по передовым технологиям.

Прагматизм и умение балансировать на международной арене остаются характерными чертами вьетнамской дипломатии. Об этом повествует рецензируемая книга, об этом говорят и события, произошедшие после выхода книги в свет.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цветов Петр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия.

Petr Yu. Tsvetov, PhD (History), Assistant Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 22.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 27.03.2024